

Андрей  
Девятов

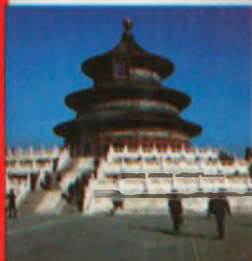
# КРАСНЫЙ ДРАКОН

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС



## КИТАЙ И РОССИЯ

В ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМ  
ВЕКЕ



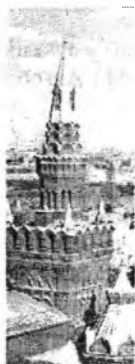
*Корень китайской специфики кроется в том, что после разделения всего и вся на два китайцы находят третье, тогда как европейцы исключают третье.*



Андрей Девятков

# КИТАЙ И РОССИЯ

В ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМ  
ВЕКЕ



Москва  
**АЛГОРИТМ**  
2002

Девятков А.

Д 11 Красный дракон. Китай и Россия в XXI веке. (Серия: Национальный интерес.) — М.: Алгоритм, 2002.— 288 с.

ISBN 5-9265-0062-1

Сейчас с очевидностью стало ясно, что однополярный мир во главе с США — крайне неустойчивая система. А после событий 11 сентября 2001 года это поняли и в могущественной Америке. Она по старинке еще пытается диктовать свою волю странам-изгоям, делая это неуклюже, как бы в судорогах, но уже поднимается во всю мощь Большой Китай, с которым нельзя не считаться.

Что представляет собой наш восточный сосед, на глазах все отчетливее занимающий место второго полюса, рассказывается в книге кадрового разведчика ГРУ, проработавшего в Китае тридцать лет.

ББК 65.9.011(5Кит)

ISBN 5-9265-0062-1

© Девятков А., 2002

© ООО «Алгоритм-Книга», 2002



## ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатель, признающий практику критерием истины, надеюсь, найдет в этой книге главное из того, что теория способна дать для практики,— метод. Более того, читатель, чья деятельность связана с китайцами и Китаем, может лично проверить, насколько предложенный метод эффективен для оценки обстановки и для принятия решений. И хорошо, если читатель не заметит, а заметив, простит автору дилетантизм в привлеченных сферах теоретического знания. Ведь автор, занимаясь бизнесом, а до того — стратегической военной разведкой, просто не имел возможности ознакомиться со сколько-нибудь полным объемом специальной литературы.

Многое в этой книге изложено как бы «по данным разведки». То есть источники получения информации не раскрываются, а выданные после обработки результаты либо принимаются «как есть», либо перепроверяются по другим источникам, если перед принятием окончательного решения на такую проверку есть время.

В реальных условиях, "на поле боя", будь то военная операция или коммерческая сделка, от быстроты и точности действий зависит результат: победа или поражение, прибыль или разорение. Время здесь — важнейший ресурс. В военном деле поэтому привычно работать с картой, которая прямо так и называется, например: "Решение ко-

мандующего армией на наступление (оборону, встречное сражение или отход)". При этом словесное пояснение к карте "решения" зачастую оказывается излишним.

Основную формулу предложенного метода:  $1 + 1 = 0$  (нечет + нечет = чет) словесно можно определить фразой "враг моего врага — мой друг", а затем утонуть в глубине возможных смыслов, стоящих за словами "друг" и "враг". Карта, схема, матрица, формула — именно к их наглядности, сжатости и точности автор стремился привести эту книгу, рассчитывая на то, что она будет востребована прежде всего теми отечественными специалистами, которые "воюют на китайском фронте".

## КАК ПОЯВИЛАСЬ ЭТА КНИГА

### НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Так получилось, что вся практика моей работы и жизни: 23 года службы в советской военной разведке и 7 лет самостоятельного предпринимательства — до сих пор была связана с Китаем. В 1976 году молодым разведчиком я начал изучать эту страну, разъезжая по пекинским улочкам и хутунам на велосипеде. А в 1999 году китайская полиция депортировала меня, уже зрелого и успешного предпринимателя средней руки, из страны, объявив «персоной нон грата». И чуть позже у моей жены, оставшейся заложницей при капитале принуждаемого китайцами к ликвидации совместного предприятия, полиция без всяких документов изъяла и угнала (как ограбила) раздражавший их символ моей независимости — длинный представительский "мерседес". Поэтому личные примеры и сравнения на пути от велосипеда до "мерседеса" неизбежно будут и мотивом, и источником, и критерием верности всего представленного ниже текста.

В историческом плане большая часть моей практики пришлось на время строительства в Китае "социализма с китайской спецификой". Заявленный именно в такой формулировке курс китайских реформ, неуклонно проводимый последние 20 лет, имеет очевидный успех. Этот успех "социализма с китайской спецификой" особенно заметен на фоне происходившего одновременно отката и

краха "ортодоксального социализма" в Восточной Европе и СССР.

По-моему, причина такого положения состоит не в том, будто речь идет о какой-то особо мудреной или диковинной модификации социализма, а в том, что эта модификация — китайская. *А в этом качестве она уникальна и образцом для других быть не может!*

В 1982 году, в возрасте 30 лет, то есть уже на излете природной способности делать эвристические открытия, я вдруг разглядел самое очевидное отличие китайцев от всех прочих: *только китайцы до сих пор сохранили иероглифическую письменность*. Все другие народы пользуются буквами или, как японцы и корейцы, слоговым письмом. И если кто-нибудь на нашей планете иногда и применяет иероглифы (те же японцы, реже — корейцы, еще реже — вьетнамцы), то иероглифы эти китайские.

Это "открытие" плюс свободное время между выполнением обязанностей сменного оперативного дежурного пункта управления в ГРУ Генштаба, знакомство с уникальным фондом по иероглифике в служебной библиотеке ГРУ, а также некоторый опыт первой командировки в Китай (1976—1979),— все это позволило мне написать некое подобие научной монографии "Письмо, язык и мышление китайцев". Получилась довольно пухлая книжка, которая была напечатана типографией ГРУ на правах рукописи в десяти экземплярах. В монографии я попытался вывести и доказать закономерности того, как именно иероглифы влияют на мыслительный процесс китайцев и что в результате получается на практике. Впрочем, научные амбиции мои были сразу отвергнуты советской академической наукой. На предзащите в Институте востоковедения АН СССР меня слушать не стали, а главный в то время ученый языковед, академик В. М. Солнцев, даже покинул зал, хлопнув дверью. В "Гегели наших дней" я не попал, но времени сожалеть об этом до сих пор не представлялось.

В том же 1982 году отцы-командиры направили меня во вторую китайскую командировку, продлившуюся четы-

ре года. Поскольку никаких государственных или военных тайн моя монография не касалась, я подарил один ее экземпляр пекинской библиотеке — чтобы работа не пропала зря. Велико же было мое удивление, когда через год я взял свою книжку в читальном зале и обнаружил, что, судя по пометкам на полях, ее кто-то внимательно и не раз прочел. Скорее всего, меня через мою книжку изучали китайские контрразведчики. Однако даже такая негласная востребованность воодушевила меня, и я решил когда-нибудь вернуться к теме специфики китайского мышления и поведения уже не только с научной, но и с практической точки зрения, более интересной для тех, кому по делу приходится пробивать "китайскую стену".

Определяя для себя принципы использования фактического материала, я исходил из того, что свободно владею только тремя языками: русским, китайским и английским. А потому, стремясь к точности и объективности результатов, имею право рассуждать об особенностях цивилизаций, "запечатленных в именах" только этими языками. То же касается примеров, иллюстрирующих мои рассуждения, — они в основном исходят из личного опыта, из того, что видел и чувствовал я сам.

Считаю, что говорить о русских я имею естественное право по рождению, да и повидал я Россию от Балтики до Тихого океана. Говорить о китайцах буду на основании своего опыта. Говоря же о других, буду иметь в виду прежде всего англосаксов. Как-никак, нулевой меридиан проходит через Гринвич, символически указывая на то, что именно тут центр Запада и ось западного мира. Если выбирать образец западного менталитета, то англосаксы подходят на эту роль и как носители протестантской этики, мотивирующей индивидуализм и накопление капитала, и как нация, в свое время успешно колонизовавшая едва ли не полмира, включая нынешний оплот Запада — США. Кроме того, языком общения Запада, а значит, и привычного членения им мира в понятиях, является английский язык.

Мой личный опыт за пределами Европы также был связан больше со странами англосаксонского ареала, чем французского или иберийского (испано-португальского). В деловых поездках я чаще попадал в страны либо с левосторонним "британским" движением на дорогах (Австралия, Малайзия, Сингапур, Гонконг, Южная Африка), либо сохраняющие в устройстве жизни другие порядки, установленные бывшей метрополией (Ближний Восток, Канада).

Заранее оговорюсь, что в США меня не пустили, а в самой Европе я мало где был. Кроме того, пребывание мое в странах западного мира было, как правило, непродолжительным: от двух недель до полутора месяцев. Поэтому личные впечатления от Запада у меня яркие, но поверхностные, а корректность сравнений требует авторитетных свидетельств и, следовательно, надежного свидетеля. Для чистоты опыта в качестве такового я привлек своего современника, русского писателя и радикального политика Эдуарда Лимонова. Он много лет прожил на Западе вне русской колонии и реалии тамошней жизни испытал на себе в полной мере. Лимонов — не кабинетный, но практикующий в политике исследователь (сегодня он успешно осваивает тюремный опыт в Лефортовском специзоляторе российской ФСБ), поэтому его оценки можно считать достаточно объективными. Как радикал, он умышленно обостряет проблемы, что способствует их уяснению. И там, где я размышляю о Западе, использованы, главным образом, его выкладки. К тому же пропущенная через сознание и сердце писателя жизнь выглядит ярче и образнее, чем в сухих умозаключениях ученого-аналитика.

Полагаю, сопоставление моих оценок Китая и оценок Лимоновым Запада окажется тем интереснее, что они основаны на личной зарубежной практике не только равной продолжительности — 17 лет, но и одного периода истории — с 70-х годов до конца XX века.

Там, где жизненная и хозяйственная практика требует обоснования со стороны «высокой теории», я пытаюсь

опираться на свежий взгляд еще одного человека моего поколения, военного экономиста полковника Андрея Паршева. Кое-что сохранились в моей памяти и из толстенного военно-географического описания Дальневосточного театра военных действий, изданного советским Генеральным штабом в конце 70-х годов.

И еще один аспект требует оговорок, а именно: искренне писать о разведке — значит, так или иначе затрагивать военные и государственные тайны. Писать о бизнесе, особенно на этапе криминально-номенклатурного капитализма в России,— значит, затрагивать тайну коммерческую. Подводить под все это свою оригинальную научную базу — значит, затрагивать авторитет официальной науки. И то, и другое, и третье для читателя, несомненно, интересно и полезно с точки зрения познания сфер, о которых не принято распространяться. Но для автора чревато неудовольствием со стороны разного калибра обладателей власти и денег. Выход — осторожная игра, которую желательно провести и остро, и свежо, может быть, на грани фола, но без нарушений писанных и неписанных правил.

## И ЕЩЕ НЕМНОГО ПРЕДЫСТОРИИ

Мою судьбу предопределил инициированный китайцами советско-китайский пограничный конфликт из-за острова Даманский (Чжэньбаодао) на реке Уссури в марте 1969 года. Я, родившийся в 1952 году в русской семье рабочих, тогда как раз оканчивал среднюю школу в Москве и, поскольку еще в юности испытывал тягу к финансово-хозяйственной деятельности, то после спецшколы с усиленным изучением английского языка поступать собирался на валютное отделение в Московский финансовый институт. Однако в мою английскую специальную школу перед выпуском пришел вербовщик из Военного института иностранных языков. Нарисовал нам золотые горы карьеры военного переводчика, и я решил, сначала для опыта,

попробовать процедуру поступления в военный институт. Экзамены в ВИИЯ шли на месяц раньше, чем в Финансовом институте, и я успевал сделать основной заход. Но получилось так, что вступительные экзамены в ВИИЯ я сдал успешно, и мой приход в предпринимательство поэтому отодвинулся на "25 лет безупречной службы".

Случившийся же весной 1969 года пограничный конфликт и относительный успех китайцев в этом конфликте обозначили тогда истинный потенциал китайской угрозы. Надо сказать, что боевые действия на Уссури против нашей мотострелковой дивизии постоянной готовности, вооруженной реактивными артиллерийскими системами залпового огня и танками, вела китайская сельскохозяйственная дивизия иррегулярных войск без какой-либо тяжелой техники. Китайцы силой были отброшены. Но советский танк Т-62, который они утащили с острова Даманский, был помещен в военном музее в Пекине как символ обретенного китайцами в бою с сильным противником чувства национального достоинства. Кроме того, потом, в обстановке застоя, остров Даманский все-таки перешел к китайцам: сначала де-факто, еще в советский период, а потом и де-юре, по договору о демаркации границы, которую начали при Горбачеве и закончили при Ельцине. Гордый лозунг империи «своей земли не отдадим ни пяди» тихо свернули в угоду соображениям политической целесообразности российских реформ.

Тогда, после крови на Даманском, у наших военных проснулось уважение к Китаю — уже не другу и брату по социалистическому лагерю, но противнику. Китайская угроза была осознана и сформировала потребность Министерства обороны СССР в кадрах, знающих китайский язык. В результате курс слушателей-китаистов в ВИИЯ в 1969 году был увеличен с 10 до 30 человек, и я после английской спецшколы нежданно-негаданно попал в их число.

Тогда же, в 1969 году, произошла и моя первая встреча с китайским государством. Еще учеником школы в разгар конфликта я участвовал в хорошо организованной де-



монстрации протеста перед посольством КНР в Москве. Устроители этой акции заблаговременно высыпали на улице Дружбы, где размещено посольство КНР, кучи щебня, и молодые ребята с большим вдохновением от разрешенного безобразия и удовольствием от чувства исполняемого при этом гражданского долга били камнями посольские стекла. Особый восторг протестующих вызывало метание флаконов с чернилами. Если кому-то удавалось украсить китайское посольство чернильным пятном, добросив и разбив флакон о стену (а главное здание, хотя и не огороженное тогда забором, стоит метрах в тридцати от улицы) то толпа награждала молодца гулом одобрения. Такими по сути своей хулиганскими действиями простых ребят заявлялось китайским властям отрадное для масс простых советских людей чувство гордости и единства со своей державой.

Вот так в 17 лет на гребне антикитайской волны меня вынесло на долгий путь профессионального китаиста. Откровенное противостояние заставляет взаимно уважать друг друга. А уважение снимает озлобленность. В конечном счете профессиональное отстаивание русских интересов в Китае сделало меня другом китайского народа.

Учеба в ВИИЯ шла хорошо и с интересом. Считаю, что с высшим образованием мне крупно повезло, так как преподавались нам широкие и универсальные знания больше гуманитарной, но и технической и военной сферы. Казарма же и муштра, с другой стороны, дали правильное мужское воспитание. Повезло мне в институте и с жизненной практикой. В 1972—1973 годах в качестве переводчика на самолетах советской военно-транспортной авиации я обслуживал перевозки оружия на Ближний Восток. А в октябре 1973 года на стороне арабов участвовал в третьей арабо-израильской войне.

Войну в воздухе я хорошо прочувствовал. Знаю ощущения при почти свободном падении транспортника в противоистребительном маневре; при дотягивании на пределе и вынужденной посадке на чужом нейтральном аэродроме; при кураже американских палубных штурмо-

виков вокруг транспортника над открытым морем. Понял я тогда и что такое качество солдата. Видел разболтанность сирийцев и организованность иракцев, бесцеремонность американцев и упорство наших.

Почувствовал, как война освежает людей, поднимает дух, освобождает от апатии, застоя и равнодушия мирного времени. Как пробуждает честь, долг, взаимопомощь. Как подавляет цинизм, лицемерие, зависть, самолюбие. Была и гордость от принадлежности к вооруженным силам советской сверхдержавы, которая в том столкновении восточного блока, поддерживавшего арабов, и западного блока, поддерживавшего евреев Израиля, была на равных с американцами.

А китайско-советские отношения тем временем продолжали ухудшаться. Китайская угроза возрастала, и внимание к кадрам китаистов сохранялось. В 1974 году институт посетил тогдашний министр обороны и член Политбюро ЦК КПСС, Маршал Советского Союза А. А. Гречко. Из слушателей встречался он только с выпускным курсом китаистов, рассуждал с нами о Китае, и я даже отвечал на его вопрос "в чем сложность изучения китайского языка?". Трудно сказать, зачем ему это было нужно,— может быть, хотел проверить какие-то свои ощущения на совсем молодых и свежих головах? Но в результате этой встречи были быстро решены организационные вопросы по допуску курсантов к закрытым материалам обычной прессы на китайском языке и ведомственному изданию двух специальных китайских словарей.

В открывшихся же для нас материалах "Жэньминь жибао", кто хотел, мог прочесть о «перерождении» КПСС и ее "верхушки во главе с Хрущевым", о рождении и укреплении в СССР "привилегированной прослойки", о "ревизионистской клике Брежнева", поставившей "первое в мире социалистическое государство, за создание которого великий советский народ проливал свою кровь, перед небывало серьезной опасностью — реставрацией капитализма". Мне, конечно, тогда была совсем не видна справедливость этих предупреждений об опасности начавшегося

после Сталина перерождения верхушки партии и грядущего демонтажа социализма в СССР. А ведь все случилось так, как предупреждали китайцы, и завершилось гибелью Советского Союза в 1991 году.

Институт я закончил отличником с красным дипломом и медалью "За боевые заслуги". Эти обстоятельства, видимо, способствовали тому, что на меня обратили внимание «компетентные товарищи», отбиравшие кадры в военную и политическую разведку. Со мной втемную, не касаясь дела, поговорили серьезные чины, после чего я вместе со значительной группой выпускников оказался в распоряжении Главного разведывательного управления Генерального штаба. А ГРУ тут же отправило нас учиться дальше, на Центральные курсы офицеров разведки.

Вступительных экзаменов не было, будущих разведчиков подвергли только долгим, разнообразным и сложным тестам на проверку умственных способностей, реакции, памяти, мышления и, никого не отсеяв, разделили на две группы: агентурной разведки и технической. Я попал во вторую группу и прошел там прежде всего специальную инженерную подготовку по радиоразведке.

Качество подготовки на этих курсах было, видимо, настолько серьезным или даже уникальным, что по военно-учетной специальности, при увольнении со службы, я, референт-переводчик по основному образованию, оказался в инженерном и техническом составе запаса. Считаю, что мне опять повезло, так как после Центральных курсов объем и глубина полученных знаний и навыков позволили лучше понимать объект моего профессионального интереса — Китай. Несомненно, все это помогло мне после увольнения со службы спокойно перейти в бизнес, быстро освоить его и успешно им заниматься.

7 августа 1976 года я прибыл в Пекин для работы на должности младшего референта Посольства СССР в КНР. Прошла всего неделя после сильнейшего землетрясения в Китае, унесшего в одном Таншане более ста тысяч жизней. Пострадал и Пекин. Опасаясь разрушений от повторных толчков, население Пекина обитало вне домов.

Зрелище массы столичных китайцев, со стариками и детьми расположившихся со всем носимым скарбом где только можно под открытым небом, поразило меня видом неприкрытой, доступной обозрению бедности. Так что позднейшие социально-экономические успехи Китая было с чем сравнивать.

Через месяц после моего прибытия, 9 сентября 1976 года, умер Мао Цзэдун. Еще через месяц преемники Мао были объявлены "бандой четырех". Следующий за тем период истории Китая уже неплохо известен мне как очевидцу, а иногда — и участнику событий.

Три командировки на скромных дипломатических должностях в Посольстве СССР в Пекине (1976—1979; 1982—1986; 1989—1992) и почти семь лет (1993—1999) самостоятельного свободного предпринимательства на курорте в Бэйдайхэ (300 км восточнее Пекина) составляют содержание того личного опыта разведки и бизнеса в Китае, который и будет использован в дальнейшем повествовании.

В промежутках между командировками в Китай я был рядовым офицером Генерального штаба. Однако и тут мне с кругозором повезло. В ГРУ ГШ я вел направление Китая в структуре, которая в глобальном масштабе непрерывно прощупывала "нервную систему" и Запада и Востока, а по результатам ставила диагноз состоянию Вооруженных Сил наших вероятных противников и уровню исходящей от них угрозы.

Этими нервами мирового военного организма являются стратегические и оперативные (театра военных действий) системы управления и связи войсками и оружием.

Как оперативный дежурный этой структуры ГРУ, отвечающий за оценку срочной информации, я был обязан разбираться и в процессах управления, прежде всего, Вооруженными Силами США. Причем разбираться на всех театрах военных действий: сухопутных и океанских, во всех зонах командования на земле, в воздухе и космосе. Как специалист-направленец по Китаю в глобальной структуре разведки, я участвовал во многих стратегиче-

ских тренировках, играх и учениях Генштаба. Редко, но бывал и в войсках: как в дальних гарнизонах на территории СССР, так и в частях, выполнявших задачи за рубежом.

В качестве безмолвного статиста при карте на стратегическом командно-штабном учении я слышал, как и на основании каких данных разведки министр обороны Д. Ф. Устинов принимал решение на неограниченное применение ядерного оружия в "ответно-встречном" массированном ракетном ударе по США. А решение это, в масштабе реального времени, принималось по устному докладу начальника ГРУ генерала армии П. И. Ивашутина, основанному исключительно на формализованных данных радио- и радиотехнической разведки, в которых мало кто разбирался.

Как оперативный дежурный (что-то вроде ночного директора), по своему опыту доподлинно знаю о полной неспособности нашей тогдашней системы высшего руководства страной принять хоть какое-нибудь *своевременное* (а при угрозе ракетного нападения значит быстрое) решение по вполне достаточным данным, но не учебной, а живой, не предусмотренной алгоритмами заранее спланированных действий, обстановки.

В 1980 году, когда у американцев дала сбой система предупреждения о ракетном нападении, и на их экранах отображения пошли цели, как если бы стартовали ракеты для внезапного массированного удара по США, они успели провести селекторную конференцию штабов командований и аппарата Белого дома; выводя из-под удара систему управления, подняли в воздух воздушные командные пункты и самолеты-ретрансляторы; передали сигналы управления и привели в наивысшую готовность к боевому применению дежурные силы; потом разобрались и дали отбой.

Случилось все это утром по московскому времени. Я в кресле оперативного дежурного получал данные, начиная с селекторного совещания. И если американцы не понимали, что творится с их системой предупреждения, то мы — тем более. Реальность же их реакции и чреватая непо-

правимым срывом готовность к действиям нами отслеживалась, докладывалась по инстанции и, в конце концов, дошла до нашего высшего руководства в личном докладе начальника ГРУ. Но произошло это лишь после обеда. Потом, правда, американцы для извлечения урока напечатали в газетах, что и как у них было. А у нас была создана высокая комиссия по выяснению причин задержки прохождения информации, однако все спустили на тормозах.

Впрочем, то же касается стратегической разведки и руководства США, вчистую проворонивших ввод советских войск в Афганистан, осуществленный в канун протестантского "Кристмаса" 25 декабря 1979 года. Всю эту праздничную для американцев ночь П. И. Ивашутин лично (что бывало крайне редко) вникал в детали состояния американских систем управления, остававшихся расслабленно спокойными.

Добавлю, что когда в Москве уже ночь и высокое начальство спит, то в Вашингтоне — день и жизнь кипит, а в Пекине встает утро новых суток, и потому на очень скромного «ночного директора» в ГРУ падала немалая информационная нагрузка, зачастую требовавшая быстрой и точной реакции.

Все это, конечно, способствовало пониманию роли и места Китая как фактора силы в современном мире. А знание тех или иных закономерных аспектов в структуре и функционировании ВС США и НАТО заставляло меня уже в качестве исследователя искать схожие, но еще не выявленные или не осмысленные разведкой закономерности строительства и организации китайских вооруженных сил.

Повезло мне также с непосредственными и прямыми воинскими начальниками доперестроечного периода (с началом реформ их по возрасту отправили на пенсию). Это были опытные, высокопрофессиональные, широко мыслящие и глубоко понимающие людей и дело руководители разведки, которые поддерживали меня в научной работе. Для стиля руководства того времени характерен такой эпизод. Последний из мудрых начальников моего

управления, подписывая ходатайство о зачислении меня соискателем ученой степени в сугубо гражданской области языкознания, заметил примерно следующее: "Генералиссимус Сталин незадолго до смерти написал работу "Марксизм и вопросы языкознания". Я в этом не разбираюсь. Но, видимо, в языкознании есть что-то важное. Раз уж Сталин обратил на это внимание, то и ты можешь дерзать".

Вряд ли кто из моих соратников в ГРУ скажет, что я не умел в Китае добывать разведывательные данные и в качестве добывающего офицера был неудачником. Но сам я считаю, что высших своих результатов достиг в обработке данных — производстве конечного интеллектуального продукта.

Вскользь замечу, что добывание данных легальной стратегической зарубежной разведкой в мирное время — как раз то, что красиво называется "деятельностью, несовместимой со статусом дипломата". Во всех странах эта тайная деятельность противозаконна, а потому рискованна. Ощущение опасности, концентрация воли и напряженная изворотливая работа ума в противостоянии с контрразведкой — вот то, что дает высшее наслаждение разведчику в короткие моменты проведения операций. Знаю это по себе и по другим. Сами же данные, получение которых есть цель, в момент операции отходят на второй план. Их ценность или пустяковость, а соответственно, радость или разочарование осознаются и испытываются разведчиком потом.

Обработка же данных, информационная работа стратегической разведки, по своим методам есть научная работа. Результаты этой работы суть открытия, а удовлетворение от процесса долгого поиска и, наконец, прорыва ума к знанию куда глубже, чем яркое, но короткое чувство риска и преодоления опасности.

Информационная работа стратегической разведки в своих результатах отличается от науки лишь тем, что научные открытия бессрочны, а открытия стратегической разведки быстро устаревают. Так, периодический закон

химических элементов Д. И. Менделеева — вечен, а вскрытую разведкой группировку войск противника, порядков и нормативы их перевода с мирного на военное положение и развертывания нужно регулярно уточнять и подтверждать. Именно поэтому открыватели законов природы, общества и познания становятся знаменитыми, а открыватели чужих государственных и военных тайн остаются неизвестными.

В информационной работе по Китаю мне удавалось по крупицам очень мелких и отрывочных данных складывать довольно целостную картину того или иного положения вещей. Удавалось потому, что я исходил из тезиса о *конкретно-символическом*, связанном с иероглифическим письмом, характере мышления китайцев. И поэтому смею утверждать, что в любой заранее спланированной деятельности у китайцев есть система, иногда периодическая.

О своих трех основных открытиях такой системы в вооруженных силах Китая, два из которых спустя годы были рассекречены и подтверждены китайцами в открытых материалах, а третье (и главное) подразумевается как обязательное и не подлежащее сомнению знание, я пока лишь кратко упомяну.

Первое — это вскрытие данными радиоразведки в ноябре 1987 года перевода некоторых звеньев системы управления и связи вооруженных сил Китая на военное положение, а по их функционированию — замысла и розыгрыша масштабного стратегического учения с участием войск, авиации, сил флота и пусками (на ядерной фазе) тяжелых баллистических ракет. Учение проводилось с развертыванием сухопутной группировки на пекинский оборонительный рубеж (то есть против СССР). Свои обобщения и выводы я делал исключительно методом системного моделирования, не имея никакой текстовой или другой смысловой информации. Впоследствии же все подтвердилось: об этом учении, проводившемся под общим руководством председателя Центрального Военного Совета КНР Дэн Сяопина, китайцами был сделан гордый документальный фильм "Стальная стена".



Второе — это осуществленное в 1989 году радиотехническими средствами вскрытие факта окончания разработки и отслеживание испытательного пуска ракеты первого китайского твердотопливного мобильного комплекса средней дальности. Все оценки содержания радиоэлектронной картины (а это — частотно-временные характеристики импульсов) и расчеты примерных баллистических характеристик предполагаемого в этой картине пуска (дальность, скорость, высота) делались мною по моделям признаков системы. И также при отсутствии какой-либо смысловой информации. В 1995 году в ходе намеренного обострения обстановки в Тайваньском проливе этот неуловимый ракетный комплекс "Ветер с Востока — 31" был показан по центральному телевидению КНР как жест устрашения и демонстрации силы.

И наконец, главной вершиной, достигнутой с опорой на принцип наличия системности в мышлении китайцев, стало вскрытие в начале 90-х годов, по сути, таблицы всего боевого состава и группировки стратегических ракетных войск Китая, включая как ракетные полки и их стартовые дивизионы, так и части ракетно-технического обеспечения, хранения и подачи ядерных головных частей, учебно-тренировочные подразделения, госпиталя. Работа завершилась созданием матрицы, по которой знание одних элементов позволяло предполагать наличие и других.

Достоверность моей матрицы позже была подтверждена средствами видовой космической разведки. Подтверждена не в свободном поиске «иголки в стогу сена», а по наводке на вытекающие из данных таблицы районы расположения ракетных войск. Надо заметить, что до этого в течение двадцати лет противостояния с «опасностью с Востока» Генштаб ВС СССР в качестве целей для поражения держал искусственные насыпные горы, так называемые «бугры» не существовавших там никогда китайских ракетных баз.

Мое пребывание в Китае закончилось 29 июня 1999 года по совершенно независимым от меня обстоятельствам

и для меня абсолютно внезапно. Подтвердилось правило военной разведки: «вход — рубль, выход — два». Это правило изложил в широко известном романе про ГРУ «Аква-риум» Виктор Суворов (Резун). Правда, он на закате советской власти, будучи действующим оперативным офицером ГРУ, *сам* перешел на Запад и как безусловный изменник Родины сделал себя невъездным. Я же, ни дня не прослужив на должности в ГРУ при новой власти и будучи уже 7 лет *свободным* предпринимателем, сначала был объявлен китайцами «персоной нон грата», а затем дважды депортирован ими в Россию. Тем не менее правило подтвердилось: следствия проявленной самостоятельности в обоих случаях наступили с подачи ГРУ.

Документальных подтверждений истинных причин моей депортации из КНР и принудительного закрытия моего русского бизнеса в Китае, видимо, добыть никогда не удастся, но аналитически картина выглядит следующим образом.

В декабре 1992 года заканчивалась моя третья командировка в Китай. В стране к этому времени произошли кардинальные изменения:

- Советский Союз, служить которому я дал присягу, был распущен;

- коммунистическая партия, в которой я состоял по искреннему убеждению в правоте идеи жить по совести и справедливости как мечты человечества, была запрещена и находилась под судом;

- взамен необходимости всех и всяческих согласований и разрешений была объявлена полная Свобода, включая свободу предпринимательства.

- столпы советской государственности — армия и КГБ (и не в последнюю очередь разведка и сыск) — сотрясались сокращениями, расчленениями и деморализацией.

Имея к тому времени звание полковника, 26 лет выслуги и льготы "воина-интернационалиста", я решил уволиться. Сознывая, что в советской военной разведке я себя уже неплохо реализовал, при скромном служебном положении качественных перспектив карьерного роста не имею.

да и служить неизвестно чему не хочу, я принял решение не упускать шанс и сыграть по новым правилам на новом поле стяжания богатства, как самостоятельный и свободный предприниматель.

Переход в бизнес был моим ответом на вызов времени. Уход из разведки в самом плодотворном возрасте — 41 год — предательством не считаю. Присяге я не изменил, мундир не менял. В 1917 году Николай II отрекаясь, освободил офицеров от присяги, а вот Горбачев в 1991 году — забыл. Я же давал клятву "до последнего дыхания быть преданным своему народу", "не щадя своей крови и самой жизни" служить своей Советской Родине и ее Советской власти, а вовсе не мировому "свободному рынку товаров и капитала". Из партии я тоже не вышел и стал «красным купцом». Да и с "китайского фронта" не сбежал, первым основав новый частный русский бизнес в Китае.

23 февраля 1993 года, аккуратно в день Советской Армии, я был "исключен из списков части" и отправлен на пенсию за выслугу лет, а 5 марта уже вернулся в Пекин и окупился в море бизнеса.

Свой отход в бизнес, как вспомогательный вариант на случай сложностей с продолжением службы в постсоветской России, я начал готовить загодя, еще будучи на должности в посольстве СССР в Пекине. Шла перестройка, и в посольстве я был неформальным лидером левой оппозиции. Как таковой отвечал в Объединенном парткоме всех советских учреждений в Китае за социально-бытовые вопросы нашей колонии. На перестроечной волне раскрепощения строгого посольского режима, в 1991 году, был восстановлен прерванный еще "культурной революцией" регулярный летний отдых совзагранработников на китайском правительственном курорте, на Желтом море в Бэйдайхэ. Я занимался организацией этого отдыха и общался с китайской стороной по хозяйственным и финансовым вопросам. Руководство санатория для иностранных специалистов в Бэйдайхэ, где был организован отдых, вынашивало планы привлечения иностранных инвестиций для модернизации и развития своего курорта. Получение

не внутренних кредитов (взятие долга на себя), но внешних инвестиций (риск остается на иностранце), рассматривалось ими как воплощение задач новой китайской политики реформ. Китайцы настойчиво предлагали мне три варианта вложения капитала, и возвращался в Китай я не на пустое место.

В 1993 году, в дни сентябрьского двоевластия, перед расстрелом Верховного Совета, я легально получил российский общегражданский заграничный паспорт. Правда, у соратников в ГРУ я разрешения на самостоятельный выезд за рубеж не спрашивал, а госбезопасность в той обстановке с ними мой вопрос не согласовывала. 4 октября 1993 года, "под грохот танковых орудий", я получил в китайском посольстве в Москве постоянную рабочую визу на 5 лет и уехал в Китай. В Бэйдайхэ без проволочек было зарегистрировано мое китайско-российское совместное предприятие: консалтинговая компания со своей гостиницей. Начался трудный и интересный период бизнеса.

Моя совесть по отношению к своему народу и своему Отечеству чиста: в приватизации общенародной собственности я не участвовал, капитал из России не вывозил, взятки никому не давал.

Чиста моя совесть и перед китайцами. В моем СП была самая высокая среди местных гостиниц зарплата для рядовых рабочих, горничных, официанток. Я принял изношенный и устаревший по всем статьям "профсоюзный санаторий", а оставил китайцам современную "трехзвездную" гостиницу паркового типа. Я начинал практически при отсутствии на курорте в Бэйдайхэ туристов из России, а закончил при потоке в двадцать тысяч человеко-дней за сезон. Что же до консалтинговой части, то советы я давал русскому бизнесу и, естественно, в интересах русского капитала.

Коротко замечу: главное в бизнесе — человек, который придумает и реализует схему с получением дохода, превышающего возмещение затрат капитала. Хороший высокоприбыльный бизнес это не реклама, не конкурентоспособность — это как добывание данных в разведке, со

взвешенным риском, быстро и тихо. Теория и практика бизнеса — абсолютно разные вещи. Теория перво-наперво связана с получением максимальной прибыли, а практика — с минимальным риском убытков. Финансовые же риски в бизнесе куда весомее, чем риск провала в разведке с легальных позиций.

В 1997 году у меня близился к концу пятилетний срок действия общегражданского загранпаспорта. Моя полная независимость и самостоятельность, верность коммунистическому идеалу, а главное — зримый хозяйственный и финансовый успех раздражали некоторых близких мне раньше соратников в ГРУ. При моей попытке получить новый паспорт они предприняли все, чтобы его мне не давать. Находясь в Китае, я два года вел официальную тяжбу с ГРУ, которую выиграл лишь весной 1999 года. Эти последние два года у меня в КНР никакого действующего паспорта Российской Федерации не было, а личность свою и гражданство перед иностранными властями я вынужденно удостоверял своим старым дипломатическим паспортом СССР (серии ДК, "снятым с вооружения" в РФ еще в 1992 году).

С этим паспортом с 1997 по 1999 год за рубежом я был признанным гражданином Союза Советских Социалистических Республик и в этом качестве выезжал из Китая по делам во Вьетнам, Чехию, Сингапур, ЮАР. Меня это отнюдь не смущало. Напротив, я даже гордился тем, что в 1999 году великая Советская держава была все еще представлена за рубежом одним официальным юридическим лицом — Внешэкономбанком СССР (название не менялось, поскольку именно этот банк остался правопреемником советских долгов) и, видимо, одним официальным физическим лицом — мной.

После того, как я открыто выиграл тяжбу, соратники продолжили борьбу со мной в тени и "слили" китайцам информацию о том, что у меня фактически нет паспорта. И после этого китайские компетентные органы, уставшие от моего посольского прошлого, которое им было понятно, и от красного, советского статуса в бизнесе, который

им был совсем непонятен, радостно выдворили меня. Для китайских органов мой советский, якобы дипломатический статус и иммунитет, на который у меня "не было законного права" (но вспомнили об этом лишь спустя семь лет после исчезновения СССР с политической арены) был не более чем поводом избавиться от меня. Причины лежали глубже. Решение убрать постоянное присутствие русского бизнеса с курорта в Бэйдайхэ и закрыть мое СП под любым предлогом было принято китайцами на высоком уровне в Пекине еще в марте 1999 года, а экономических или иных законных оснований для этого у китайской стороны не было. В изнуряющей гонке бизнеса китайцы по-китайски прагматично, наплевав на красную идею, устроили мне промежуточный финиш.

Таков оказался результат, но для понимания мотиваций и специфики мышления и поведения китайцев куда интереснее был сам процесс ведения бизнеса в Китае, о чем далее.

Вернувшись на Родину, я на время оказался не у дел. И поэтому решил систематизировать накопленную информацию, написав эту книгу. Обычно профессионалы книг не пишут: некогда и не принято, — ну, разве что мемуары на пенсии, а писатели, как правило, далеки от сути дела. В политике и бизнесе идет непрерывная борьба. Проблемы нагромождаются друг на друга, и победы требуют безостановочного продолжения. Только поражение дает свободное время, возможность передохнуть и обратиться с мыслями. В отношениях с официальной наукой, соратниками в нынешнем ГРУ и китайскими властями я, действуя в одиночку против системы, конечно, потерпел поражение. Однако я не проиграл в бизнесе, хотя и был устранен из него силой. Не проиграл потому, что главное в бизнесе не системные связи, но деловые и личные качества отдельного человека, способного добиться результата в мире денег. Конечно, трудно оставаться равно хладнокровным при удаче и неудаче, но для ощущения успеха в бизнесе не нужно никакого официального или общественного признания, каких-то званий, должностей,

наград. Здесь успех меряют деньги. Как они получены и сколько их у тебя в кармане — ты сам знаешь, и никакой почетной грамоты для подтверждения этого не нужно.

Само собой, написана она без особой оглядки на общепринятые и освященные авторитетом нынешней системы взгляды. Смешно предположить, чтобы А. И. Деникин спрашивал бы у Л. Д. Троцкого разрешения написать свои "Очерки русской смуты". Главнокомандующий проигравших белых *писал о своем*. У меня, конечно, и масштаб не тот, и ситуация другая. Но аналогия, думаю, уместна.

## СТРАНА ИНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ

### ТОЧКА ОТСЧЕТА

За последнюю четверть века Китай стал первостепенной величиной в мировой политике и экономике. Это касается не только Китайской Народной Республики как государства, которое уже сегодня по многим параметрам сопоставимо с Соединенными Штатами Америки, бесспорным лидером второй половины XX века. Это касается в первую очередь всего "китайского мира", включающего в себя и Тайвань, и Сингапур, и китайские общины по всей планете. "Китайский мир" уже в ближайшей перспективе претендует не просто на то, чтобы КНР стала "второй сверхдержавой мира", как некогда Советский Союз,— он утверждает иную модель развития человечества, отличную от привычного нам "евроцентризма".

Впрочем, для китайцев, в том числе для китайских политиков, отказ России от ее собственных традиций мало того что был ожидаемым шагом, соответствующим, как будет показано ниже, ее образу и обозначению,— он и воспринимается там совершенно иначе. Никакой борьбы "коммунизма" и "демократии", никакого противостояния "либералов" и "патриотов" — все эти слова за "Великой стеной" не имеют смысла. Возвышение и распад государств подвержены, как и все в этом мире, не идеологическим, не политическим и не экономическим, а природ-



но-циклическим, символическим даже влияниям. И лишь непонимание этих закономерностей вызывает у некитайцев появление разных "теорий", напичканных специально испорченными словами.

"Кто знает — молчит (не спорит), а кто не знает — говорит (спорит, доказывает)", — гласит ставшее поговоркой изречение мудреца Лао Цзы. Противоречия здесь нет, ибо знание в китайской традиции связано не столько со словом звучащим, с речью, сколько со словом написанным, с образом смысла — иероглифом. И если сопоставить в данном отношении "Книгу книг" Библию с китайской Книгой перемен "И цзин", то это сопоставление обнаружит равнозначность их символического значения для соответствующих цивилизаций. Возможно, обнаружатся причинно-следственные основания и для многих, казалось бы, поверхностных и случайных аналогий между проявлениями "библейского" и "китайского" мироустройства.

Конечно, утверждение об иероглифической символичности китайского мышления, в отличие от буквенной знаковости мышления "библейского", будет лишь образным и достаточно грубым, хотя верным в основе своей, приближением к сути дела. Для более полной картины требуется привлечение иных символических систем, большинство из которых — например, система музыки, танца или математическая система — достаточно специфичны и доступны только для специалистов, к числу которых я заведомо не отношу ни себя, ни своих читателей. Поэтому здесь придется ограничиться выяснением прежде всего пространственных и временных координат китайского мышления, его, по терминологии М.М.Бахтина, "хронотопа".

Отличия китайского способа действовать от норм, присущих европейской культуре, достаточно очевидны и хорошо доступны наблюдению. Но стоящие за этим особенности китайского способа мыслить, с трудом поддаются "дешифровке". Сколько раз мне приходилось, со всеми своими профессиональными знаниями и опытом, опускать в бессилии руки перед стеной китайского

"молчания" и "неделания" Сколько раз сказанное китайцами ничего не значило по сравнению с тем, что они оставляли "за кадром". И оставалось только утешать самого себя: "Чего ты хочешь? Это ведь китайцы, а не англичане".

Возвращаясь к библейской традиции, следует отметить, что китайцы лучше любых иных народов исполнили один из ветхих библейских заветов, данных Богом после Великого потопа праведнику Ною: плодиться и размножаться, заселять Землю. Другие древнейшие цивилизации — шумеров и египтян, создавших, как и китайцы, 3-4 тысячи лет назад идеографическое письмо и государственность,— к началу нашей эры уже распались. А китайцы сохранялись и множились, ассимилируя всех, кто входил с ними в контакт. Современная Индия тоже имеет миллиардное население, но единой цивилизации не образует. 12 религий и 18 основных языков в Индии — это не китайский культурный и этнический монолит. Малоизвестно, что у современных китайцев доминирует одна (2-я) группа крови, а генетически от любого кровосмешения с китайцем получается китаец. Поныне существует только одна этнически выраженная группа полукитайцев-маканийцев, проживающая в бывшей португальской колонии Макао (сильна португальская кровь!). Негр с китайцем сразу дает китайца, и даже евреи, издревле сохраняющие свои колена по всему миру, уступают силе китайской крови. Единственная еврейская община, появившаяся в Кайфэне в XIX веке, полностью окитаилась уже через три поколения, и раввины, считающие евреем любого, рожденного еврейской женщиной, для детей от китайских отцов делают исключение и евреями их не признают. Справедливости ради должен отметить, что в 1999 году в Гонконге в гостинице "Фурама" на шестом этаже я видел действующую синагогу, которую посещали и иудеи китайской внешности (а иудеем может быть только еврей). Однако о возвращении таких гонконгских иудеев китайской внешности на Землю Обетованную в Израиль я ничего не слышал.

"Дайте мне точку опоры — и я переверну мир", — так, по преданию, заявил некогда Архимед. Задумывая эту книгу и нуждаясь в "точке опоры" для понимания того, как "перевернут мир" в китайской традиции, я обратил внимание на компас — сугубо китайское изобретение, придуманное свыше двух тысяч лет назад (II век до Р.Х.), признанное и принятое всем миром к использованию. Известно, что по-китайски компас — это "стрелка, указывающая на ЮГ(!)". Хотя у всех других народов она указывает на север. Столь явной противоположности в пространственной ориентации мышления обычно не придают серьезного значения и, по-моему, совершенно напрасно.

Самоназвание Китая — чжун го, "срединное государство". Китай для китайцев — безусловный пуп Земли. Уже как величайший этнический монолит планеты, Китай вполне может считать себя природным, естественным центром отсчета для всего мира. Что он, впрочем, и делает — но по совершенно иным, и не менее основательным, причинам.

## ИНАЯ КАРТИНА МИРА

Если Китай — центр, то весь остальной мир будет окраиной. Именно так и воспринимают это деление китайцы: *чжун\вай*. Когда я создавал на курорте в Бэйдайхэ совместное предприятие, то для меня оно было китайско-российским. Именно так я его именовал в общении с китайцами. А те устно и письменно упорно именовали его срединно-окраинным, всякий раз избегая смысла "российское". Перевод пары *чжун\вай* на языки с буквенным письмом, конечно, будет переводиться абстрактно-понятийно: "китайско-иностранный". Но для самих китайцев за изобразительным иероглифом 中 ("*чжун*") стоит объединенное в символ представление: центр, середина. Не звуки и буквы, а картинка иероглифа лишь с чтением "*чжун*" тянет китайскую мысль именно к этому конкретно-символическому смыслу.

Приглядевшись к названиям других СП, я отметил, что на всех иностранных языках совместные предприятия именовались китайско-американскими, французскими, немецкими и прочими (с обязательным указанием имени страны иностранного учредителя). На китайском же языке вместо имени страны официально и неофициально употреблялось одно и то же для всех случаев значение «*вай*» (внешний, наружный, чужой, периферийный, зарубежный). Раздвоение единого юридического лица совместного предприятия в названиях стран его учредителей у китайцев имеет "срединно-окраинный" по сути смысл разделения на свою цивилизацию центра и чужую цивилизацию окрестности.

Итак, Китай — центр. Далее от центра по окрестностям расположен ближний круг стран, нашедших в китайских иероглифических названиях явный символический смысл. Ниже я даю лишь развернутый комментарий ореола слов иероглифических символов, используемых в китайских названиях стран мира в соответствии со значениями иероглифов в словарях ["Канси", "Цы Хай" и словарь под редакцией И.М.Ошанина].

Слева от центра (если стать лицом к югу) находятся "Страна восходящего солнца" (*жи бен* — Япония) и "Страна утренней свежести" (*чао сянь* — Корея).

В зените Солнце светит над самим "Срединным государством" (*чжун го* — Китаем). Максимум тепла и света достается находящейся за границами середины "Стране крайнего Юга" (*юэ нань*, ранее *ан нань* — Вьетнам) и "Цветущему [изобильному] государству" (*тай го* — Таиланд).

Затем следуют: "Дальние владения" (*мянь дянь* — Бирма). "Государство небесной веры" [буддизма, растворившегося в искренних, натуральных народных верованиях индуизма] (*тяньчжу го* — Индия). И "Западный кладезь" [истинных, сохраненных неповрежденными, духовных ценностей] (*си цзан* — Тибет).

На северо-западе "Срединное государство" прикрито "Западной границей" (*сийюй* — Туркестан), которая теперь называется "Новой границей" (Синьцзян).

А на севере расположена "древняя страна заходящей предрассветной Луны", "Темная старина" (*мен гу* — Монголия).

За окраинными странами ближнего к центру круга расположена дальняя окраина мира, населенная уже совершенно чужеродными центру народами. Среди этих народов титула государство (*го*) со смысловым и закрепленным иероглифически наименованием удостоились лишь пять великих держав.

Слева от центра — прибывавшие в Китай со стороны моря "заморские черти" (*янгуи*), они же "черти с окраины" (*вайгуи*). В иероглифических смыслах-символах единая картина Запада (заморских чертей с окраины мира) у начитанных китайцев, видимо, выглядит так. От индивидуального натиска отборных по уму и энергии самцов (*ин го*, "государство выдающегося таланта" — Англия). Через упорядочивающий личные потребности писанный закон (*фа го*, "государство логики закона" — Франция) и благой порядок с нравственным воздействием личным примером (*дэ го*, "государство нравственного примера" — Германия). К процветанию в прекрасной, торопливой, лакомой стране эмигрантов (*мэй го*, "прекрасное государство" — США).

Кстати, иберийская цивилизация, колонизовавшая всю Южную и Центральную Америку, тем не менее, не удостоилась у китайцев титула *го*. Правда, Португалия, создавшая на китайском юге колонию Макао за три века до британского Гонконга, названа дословно "Страной знатоков винограда" (*лутаоя*), и это соответствует действительности. Такая конкретная осмысленность названия ставит заморскую Португалию в китайской иерархической системе мира сразу после символических смыслов государств, удостоенных титула *го*.

Справа от центра на дальней сухопутной окраине живут народы под общим названием "Обращенные в себя" (*хуйцзу* — мусульмане) и "Государство неожиданностей [затягивания и мгновенных перемен]" (*э го* — Россия).

Все другие запредельные народы титула *го* (государство) или осмысленных и понятных для китайцев названий своих стран "не заслужили", а потому именуются

звуковой бессмысленной транскрипцией. С потерей исторического величия смысл имени и титул *Го* в XX веке утратила сначала Индия, а после 1991 года — и "новая Россия". Зато теперь титула *Го* удостоена Япония (на воротах японского посольства в Пекине начертаны иероглифы "*жи бен го*") и Южная Корея (с 90-х годов она стала обозначаться древним иероглифическим названием "*хань го*", данным этой стране китайцами еще во времена первой морской экспедиции Цинь Шихуана). Схематически картина мира по-китайски может быть нарисована следующим образом (см. рис.1).



Рис. 1. Картина мира по-китайски (реконструкция автора).

Как можно убедиться, эта география не просто "перевортывает" привычные для нас проекции поверхности Земли "по Меркатору" — она качественно отличается от

них именно наличием центральной точки развертки, наличием "срединного государства" *чжун го*, а не оси, условно проходящей через "нулевой" гринвичский меридиан.

То есть картина мира по-китайски вообще не предполагает наличия "двухполюсного" или, тем более, "многополюсного" мира. И Китай в ней выступает вовсе не "сияющим градом на холме", как представлял себе воплощение "американской мечты" президент Рейган, даже не "морем, вбирающим в себя все реки" — его идеальная функция иная. Это своего рода "центр тяжести", относительно которого должны быть уравновешены все окраины. И действительно, в китайском понимании правый, традиционный, тоталитарный Восток (миллиард совокупного населения России и мусульманского мира) уравновешен "золотым миллиардом" левого, инвариантного, либерального Запада. Есть и другие пространственно-временные "оси баланса", проходящие через Китай и несущие прямой "геополитический смысл". Однако понять это нельзя вне времени, как его трактует китайская традиция.

## ИНОЕ ВРЕМЯ

Повальная мода на "восточные" гороскопы, возникшая в Советском Союзе с началом "перестройки", сделала доступной для наших соотечественников внешнюю сторону традиционного "китайского календаря" (Инь-Ян ли, Сяли, 60-летний цикл). Понятия "год дракона" или "год крысы" прочно вошли даже в обывательский лексикон. Но, разумеется, внутренний смысл этой уникальной системы летоисчисления продолжает оставаться практически неизвестным и непонятым. Все другие страны мира (кроме Китая и еще двух-трех стран ближнего круга, пользовавшихся китайским календарем) употребляют системы счисления времени, основанные на природной периодичности видимых глазом движений небесных тел: Луны, Солнца и звезд. По мысли Платона, "глаза открыли число", астро-

номическая логика (равноденствий и солнцестояний) зрима. Но продолжительность суток (оборот Земли вокруг оси), месяца (оборот Луны вокруг Земли) и года (оборот Земли вокруг Солнца) не соотносятся между собой как целые числа. Небесные сферы не поддаются земной симметрии и упираются в бесконечное иррациональное число  $\pi$ .

Поэтому в счислении астрономического времени необходимо делать вставки (по Солнцу — добавлять дни в високосные года, по Луне — дополнительные месяцы). И солнечный календарь от Рождества Христова (в основе — древнеегипетский), и мусульманский лунный календарь от бегства Пророка Мухаммеда из Мекки в Медину, и лунно-солнечные календари иудеев, древних вавилонян, греков, римлян, — все содержат искусственные добавки в линейное времяисчисление.

Китайский же традиционный календарь имеет не натурально-астрономическую, а расчетно-символическую основу, где природные циклы Солнца и Луны используются только для определения момента начала счисления (определения первого дня нового года, начала династии, традиционного календаря в целом от второго новолуния после зимнего солнцестояния — *ЧЖЭН ШО*, примерно в феврале).

Инь-Яновый календарь китайцев — математическое сопряжение натуральной асимметрии несовпадающих длительностей астрономических циклов Солнца и Луны (небесного круга) с символами природной симметрии времен года и стран света (земного квадрата). Китайская система счисления времени не линейна. Последовательность лет объединяют "круги" числом *ровно по 60 лет* в каждом. Шаг цикла объединяет три поколения по 20 лет, потому что в семье одновременно живут дедушки, дети и внуки. Это природный размер семейного счастья, радости за потомство и почитания родителей. Эта нелинейность ощущения времени у китайцев (меряется не длительность, а порядок последовательности) — чрезвычайно важна для понимания специфики китайского мышления.



Так, год с числом 2000 от Рождества Христова в китайском цикле обозначен порядковым номером "гэн чэнь" и несет символические смыслы "белого [стихии металл] Дракона". Предыдущий китайский год "белого Дракона" с тем же номером "гэн чэнь" от Рождества Христова был 1940, а еще раньше 1880, 1820, 1760, 1700 и т.д. На этом примере важно еще раз отметить, что летоисчисление от Рождества Христова ведется при помощи чисел со смыслом прямого линейного возрастания — поступательного движения. А в китайском цикле чисел нет, и года следуют в порядке номеров, не возрастая числом.

Точно так же в грамматике китайского языка нет линейного деления категории времени на прошлое, настоящее и будущее. Нужно специально либо добавлять слова "вчера", "сегодня", "завтра", либо упоминать какие-то даты, либо имена действующих лиц из истории, а официально для фиксации прошлого обязателен девиз царствования.

Китайская история записана детально с опорой на девизы царствования императоров потому, что циклические знаки — это порядок без нарастания числа, а ориентирование во времени прошлого возможно лишь по девизам царствования. То есть привязка 60-летнего цикла, не имеющего сквозной нумерации, делается не числом, а образом исторического лица — императора. Так, например, Мао Цзэдун родился в 19-й день 11-й луны лета "гуй сы" (черной [стихии вода] Змеи) в 19-й год императорского правления под девизом Гуансюй ("блестящее наследие"), что соответствует 23 декабря 1893 года от Р.Х. Если девиз царствования не указать, то год "черной змеи" — это и 1833, и 1953, и так далее в прошлое и будущее в периоде 60 по линейке времени от Р.Х.

Примечательно, что все современные китайские периодические издания, включая и все газеты, издающиеся в иероглифике для китайцев в Москве, обязательно содержат дату традиционного календаря для сопряжения текста с китайской историей, а дата от Рождества Хри-

стова в них сопрягает циклы китайской истории с мировыми событиями.

Склонность китайского народа заносить в летопись все происходящее и чрезвычайно историческое самосознание китайцев объясняются, видимо, именно циклическим восприятием времени. Древность никуда не исчезла — она просто изменилась. Примечательно, что и конфуцианская традиция считает, что план Пути Неба («Дао») записан именно в "Чунцю" ("Весны и Осени") — краткой хронике политических событий царства Лу, записанной самим Конфуцием, а вовсе не в тексте Книги перемен "И цзин". Искать в истории ключ к истине, — в этом состоит самая характерная черта миросозерцания китайцев. А исторические примеры имеют для китайцев большее значение, чем поучения мудрецов.

Наблюдать время по-китайски значит стоять лицом к уже совершенному и спиной к предстоящему, ожидаемому. А "следующий раз" означает сделать в таком положении шаг вниз (*ся цы*) левым плечом вперед. *Ся* (вниз) имеет и значение слева (например, менее почетное место слева от хозяина при протокольной, по часовой стрелке, рассадке гостей за столом; самый же почетный гость усаживается справа от хозяина, занимая как бы высшее по отношению к главе стола положение).

Предшествовавшее в китайском сознании находится сверху и впереди, по правую руку, а последующее — внизу и сзади, по левую руку. Прошлый год — это *шан нянь*, а позапрошлый год — *цяннь нянь*. Следующий год — это *ся нянь*, а через два года — *хоу нянь*.

Будущее с этой позиции — приходит, и спешить китайцу в этом мире некуда. Пожелание "счастливого пути" по-китайски имеет смысл "двигайтесь помедленнее, размеренно, степенно", а "приятного аппетита" — "кушайте помедленнее, не торопитесь". Предупреждение об опасности, китайский дорожный знак "внимание", есть не западный призыв "усилить бдительность" (!) или приказ "остановиться" (STOP), но китайское указание сначала "замедлиться" (белый иероглиф "*мань*" на красном фоне) и

лишь потом осмотреться, а затем и действовать (встать совсем, ускориться или сманеврировать). Такое ощущение времени китайцами и ступенчатая помоментность их действий весьма специфичны.

## ИНОЙ ВЗГЛЯД, ИНЫЕ СТИХИИ

В китайском языке предыдущий расположен сверху (*шан*), а последующий снизу (*ся*). Завтра выражено смыслом наутро, когда Луна уйдет, взойдет Солнце и родится свет (*мин*). То же, что настанет потом, после завтра, впоследствии, грядущее через один, выражено смыслом сзади, с тыла (*хоу*). А то, что было раньше, случилось прежде, наоборот находится на переднем плане, выражено смыслом спереди, с фронта (*цзянь*). Наглядно такая картина имеет место на китайских пейзажах с воздушной перспективой, где точка наблюдения человека по высоте расположена где-то посередине, между заоблачными высями (небесным узором) и безднами вод, долями гор, ширью равнин (земным рельефом). Перемещение человека с высшей точки наблюдения на низшую скрывает из поля зрения часть находящегося на дальнем плане, оставляет часть известного за горизонтом, стирает ясность очертаний и отнимает минувшее.

Неизвестное же, находящееся вне поля зрения наблюдателя, расположено внизу и сзади. В конкретике китайского мышления возврат человека в минувшее, как и подъем вверх спиной к горе, с которой открывается воздушная перспектива, невозможен. Спуск же вниз по крутой горе возможен только спиной вперед. Перемещение на низший уровень наблюдения приближает, укрупняет детали, прибавляет предстоящее.

У окраинных для Китая народов — иная, линейная перспектива. Например, в картинах западных и русских художников точка наблюдения человека находится на земле с бесконечным линейным расширением пространства вдаль и вверх. Прошое находится сзади и внизу "в глу-

бине веков", а будущее впереди и вверху "на высшей ступени развития". Перемещение человека на следующую точку наблюдения будет шагом вперед лицом к еще неизвестному в чувствах (не охваченному зрением). С каждым следующим шагом вперед неизвестное становится известным, а горизонт отодвигается. Будущее с земной позиции наблюдения уходит. Это создает стимул для человеческой активности, заставляет спешить в этой жизни, приводит в движение.

В круговращении времен наибольшая окружная скорость бытия будет у народов, населяющих дальние от центра окрестности. На ближних окраинах скорость перемен меньше, чем на дальних. А в центре скорость бытия самая малая. Жизнь вращается по винту времени вокруг центра. Вектор ускорения всего сущего раскладывается на касательное, центробежное ускорение и центростремительное. Первое выталкивает сущее на окраину, а второе постепенно затягивает его в центр. Центр, Китай, успокаивает и поглощает, переваривает и ассимилирует все, что затягивается.

Вместе с тем совершенное и ожидаемое по окрестностям пространства выстраиваются в наклонную линию, ориентированную, как и стрелка компаса, с севера на юг (со склонением влево). Воображаемый диаметр окружности суши (*лу цзин*) у китайцев — это именно "протяжение с севера на юг" (с учетом склонения, примерно от Алтая через Срединное государство до Австралии).

"Высочайшая древность" (*шан гу*) расположена выше центра (*шан*) под точкой новолуния, на севере, там, где Монголия или дальше (где первый день первой луны летоисчисления, вечная мерзлота, кладбище динозавров, древность — *гу*). Ожидаемое, стало быть, расположено на юге и ниже. Так формируется другая ось баланса: дряхлеющий, ожиревший Север и развивающийся, поджарый Юг.

Круг — символ неба, символ вечности. И он выступает главной фигурой пространственно-временного устройства мира по-китайски. Систему "пространство — время" образуют элементы и их взаимосвязи. У китайцев простран-

ство образуют пять элементов (*у син*). Слово "элементы" по-гречески означает "стихии", "основополагающие энергии космоса". У китайцев элементы преодолевают друг друга по кольцу и, в порядке пересиливания, аллегорически соотнесены с именами следующих стихий:

> *Дерево* > *Почва* > *Вода* > *Огонь* > *Металл* > *Дерево* >

Стихии условно занимают четыре стороны света и центр. Оборот времени начинается от Дерева (Восток, синий). Идет к Огню (Юг, красный). Проходит центральную позицию, которую занимает Почва (Земля, как стихия "ту", несет смысл Прах, начало и конец всего сущего, цвет желтый). И затем продолжается через Металл (Запад, белый) к Воде (Север, черный). Стихия Воздуха в китайской традиции отсутствует. Так и движется китайское время по спирали, повторяющимися шестидесятилетними циклами традиционного календаря: сверху вниз, с "правой резьбой", скалярно (то есть как бы по ступеням, имея номерную градуировку, шкалу).

Прокручивание, шагом вниз, поочередно 5 стихий в их двух (небесном и земном) состояниях дает 10 шестичленных периодов "небесных стволов" и 12 пятичленных периодов "земных ветвей". Стволы обозначены только абстрактными циклическими знаками, несущими не ассоциирующийся ни с чем на земле "голый" смысл порядкового номера следования, а ветви дополнительно к циклическим знакам символизированы именами животных и наделены осмысленными качествами.

У некитайцев номер все же линейен, так как обозначен цифрой или буквой алфавита в порядке возрастания числа. Так, например, у европейцев нумерация кресел зрительного зала в ряду следует последовательно слева направо в порядке возрастания числа от единицы. У китайцев даже линейная нумерация кресел в ряду цифрами следует от единицы в центре в разные стороны не по возрастанию числа, а по порядку отдаления от центра: нечетными числами налево, а четными направо.

Как же обстоит дело с ориентацией в двойной ипостаси Пяти стихий? Всегда неизменной остается положение

линии Север—Юг, а также правое и левое от нее расположение. Земная ориентация удерживается в границах ближнего круга, а небесная — относится к окраинам дальнего круга. Так, если стоять естественно на Земле головой вверх лицом на Юг, то Запад будет справа (Тибет, Туркестан), а Восток — слева (Япония, Корея). Именно так из середины видится китайцам окраина ближнего круга. Но если взгляд распространить на дальнюю окраину, то придется, не разворачиваясь через плечо, смотреть на нее как бы с небес, а значит головой вниз лицом на Север (примерно так, как с орбиты, пролетая над Китаем, видит Землю аппаратура спутников видовой разведки). В этом положении Запад будет уже слева (все западные "заморские черти"), а Восток — справа (Россия и все мусульманские страны). Восток — это там, откуда встает Солнце, только на средних широтах. Уже на Соловецких островах в Белом море, в 160 километрах от полярного круга, в начале июля Солнце заходит и тут же восходит — на севере! В приполярных Тикси и Хатанге летом уже "вечный день" под незаходящим Солнцем, описывающим спирали. При таком взгляде из "Поднебесной империи" Япония окажется вместе со странами Запада, Россия же — на Востоке, что и проявляется в реальной китайской политике. Назвать ее геополитикой было бы верно лишь отчасти. Скорее, это поднебесная политика Пяти стихий.

То, что китайцы дальнюю окраину видят именно с небесной ориентацией, закреплено в именах. Новый Свет: Америка — это Западный материк (*сидалу*), а Старый Свет: Евразия — Восточный материк (*дундалу*). В других известных мне языках таких смыслов в именах нет.

И Земля, и Небесная сфера имеют только два полюса — Северный и Южный. Восточного или Западного полюсов нет. По отношению к Европе Америка — Запад, но по отношению к Америке Россия — тоже Запад. В чисто географических терминах невозможно описать границу между ними. По ходу истории каждый многочисленный народ, из населяющих дальние окрестности Поднебесной империи, время от времени считал, что через него проходит



ны "немецкой Срединной Европы", "России—Хартленда", "американского атлантизма", изложенные, например, Александром Дугиным в книге "Основы геополитики", не сильно противоречат китайской картине разделения сил на окраинах. Они лишь построены с ориентацией на север, расписаны с позиции наземной линейной перспективы, а потому имеют условный центр истории, смещенный по отношению к Китаю куда-то в Сибирь — примерно туда, где у китайцев расположена "высочайшая древность" (шангу). И все эти обстоятельства, на мой взгляд, необходимо учитывать при любом — хоть политическом, хоть торговом — взаимодействии с Китаем и китайцами.

## ИНАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Теперь, выяснив для себя основные отличия китайской картины пространства и времени, в которой происходит действие, от хронотопа "западного", мы, возможно, сумеем понять и некоторые основные принципы этого действия. И здесь нам необходимо еще раз вернуться к "иероглифичности" китайского мышления, приняв данное утверждение за рабочую гипотезу.

Иероглифическое письмо, сохраненное с древнейших времен и вплоть до современности только китайцами, обладает, сравнительно с буквенным и слоговым письмом, целым рядом особенностей. Прежде всего, это дискретность (нелинейность) иероглифов в тексте, цельность и неизменяемость их композиции. Хотя и существуют разные варианты написания одного и того же иероглифа, называемые разнописями, однако они тоже зафиксированы в словарях, и сами также являются неизменными. Общее число китайских иероглифов (основание кода) достигает 50 тысяч (в известном словаре "Канси" — 42174 иероглифа), но в современном употреблении находится только 4—7 тысяч. Стоит сравнить это многообразие с 33 буквами русской азбуки или 28 — латинского алфавита, чтобы понять, какой огромной дифференцирующей способностью



обладает иероглифический код. А это, в свою очередь, обеспечивает четкую фиксацию самых сложных умственных конструкций в сжатом и лаконичном виде. Не случайно еще известный математик и философ Лейбниц (1646—1716) на основании аналитически мотивированного выражения представлений иероглифами признавал иероглифическое письмо более совершенным, чем буквенное. Более того, само учение Лейбница о монадах, без которого вряд ли могла состояться современная квантовая механика, несет на себе явный отпечаток иероглифики. Впрочем, это отдельная тема, о которой — чуть ниже.

Далее, иероглиф связан не со звучанием, а со значением слова, то есть графический и звуковой знак при кодировании информации независимы друг от друга. Именно это делает иероглифическое письмо единственным практическим средством фиксации одинаковых смыслов — как для всех диалектов китайского языка, так и для пользующихся китайскими иероглифами японцев, корейцев и, реже, вьетнамцев. Например, иероглиф 人 означает "человек". При этом он в произношении пекинца читается "жэнь", у шанхайца — "нин", у шаньдунца — "инь", у кантонца — "янь", у японца — "хито" (китайское чтение в Японии — "цзин"), у корейца — "сарам", у вьетnamца — "нгэй".

Отсюда для внутренних смысловых связей китайского языка гораздо важнее оказывается не этимология звучащего слова, а этимология иероглифики, наглядного написания того или иного значения. Наиболее ярко это видно на примере классической китайской поэзии. Китайцы дали миру целую плеяду величайших мастеров слова. Китайская поэзия охватила своими чарами умы и сердца разных восточных народов, приобщившихся к китайской цивилизации. Но она остается почти совершенно недоступной иным письменностям и языкам в связи с независимым от звуковой речи характером аналитического обозначения представлений в иероглифическом письме.

Французский писатель Клод Руа пишет: "Все, что идеограмма только подсказывает тонким наброском,

штрихом, переводчик должен передать словом. Нам дают наглядный образ, вместилище, переполненное значениями и намеками, акцентированное особенностями языка, а переводчик заменяет его абстрактным словом. Нам показывают живое дерево с могучей кроной, с переплетающимися символами его ветвей, с листвой, зеленеющей недомолвками; переводчик же пытается дать представление обо всем этом при помощи грубо обтесанного столба".

А вот мнение выдающегося русского китаевода и замечательного переводчика академика В.М.Алексеева: "Парадокс, но китайская поэзия не имеет связи со слышимой речью, и только у Бо Цзюи иногда достигается этот исключительный эффект, когда стих понятен на слух". И далее: "Всякий перевод китайского литературного текста старинного уклада и так обречен на неуспех в смысле неизбежной упрощенности в переводе неупрощаемого в природе вещей оригинала. Таким образом и до сих пор китайская изящная литература нам недоступна". Иными словами, китайская поэзия не "проговаривается", а "просматривается", она ориентирована на зрительные, а не слуховые ассоциации — вещь не только невозможная, но и не представляемая для европейской поэзии.

Следует подчеркнуть, что графика начертаний иероглифов: линия, штрих и пятно (точка); ритм неодинаковых повторов их наклонов, изгибов и промежутков; а также нелинейность с двухмерным (слева направо и сверху вниз) расположением, — создает самостоятельную художественную выразительность, эмоциональность восприятия и через разворачивающиеся на плоскости композиции изящных силуэтов черного на белом вносит в передачу смыслов эстетический момент. Мазок кисти каллиграфа может быть широким, сдержанным, стремительным, медленным, уверенным или робким. Свободная и непринужденная линия, которая словно струится, медленно и долго, пока не придет к естественному завершению, вызывает ощущение спокойной, величавой красоты. Линии — то срывающиеся в пятна или кляксы, то бессильно угасаю-

щие; мелкие штрихи, ломающиеся углами, наоборот, передают состояние внутреннего трагизма, растерянности, душевного разлада и страдания. Разумеется, подобного эффекта при использовании буквенного письма не то что невозможно достичь — он отсутствует в принципе.

Иными словами, мир "иероглифического" мышления чрезвычайно дискретен, чрезвычайно подробен, состоит из наглядных и практически неделимых "атомов смысла", которые взаимодействуют между собой, порою вовсе не "цепляясь" линейно и непосредственно друг за друга, как это неизбежно происходит в мышлении, использующем буквенное или слоговое письмо, а "сшивают" вроде бы удаленные друг от друга локусы смыслов (мысли) и обозначая тем самым их принадлежность к аналогичным фазам разных, но подобных между собой циклов или "витков" движения. Здесь можно провести аналогию с тем, как "сшивается" вандерваальсовыми связями аминокислот в двойную спираль молекула ДНК (и к этой аналогии нам еще не раз предстоит возвращаться). То есть дискретность китайского иероглифического мышления неизбежно дополняется волновой непрерывностью изменений, о чем в полной мере свидетельствует "И Цзин". Для западного мышления эта сторона мира впервые была открыта в начале XX века усилиями создателей квантовой механики, постулировавшими двойную, корпускулярно-волновую природу света и всего сущего во Вселенной.

## ИНОЕ ИСЧИСЛЕНИЕ

Десятичная система чисел, основополагающая для всей современной науки, впервые возникла в Китае на основе пальцевого счета. Примером использования десятичной системы в Древнем Китае может служить надпись, датированная XIII веком до Р.Х., в которой 547 дней обозначены как "пять сотен плюс четыре десятка плюс семь дней". Очевидно, что изобрели десятичную систему гораздо раньше. Однако наряду с десятичной системой ис-

числения китайцы пользуются и еще более ранней двоичной (со смыслом "чет—нечет").

В десятичной системе числа выражаются десятью цифрами. Китайские цифры начинаются с символа нечетности "один" и заканчиваются четным символом "десять". А современная некитайская десятичная система счисления, как и цифровой ряд, начинается с "ноля" (четного) и заканчивается "девяткой" (нечетное).

—	二	三	四	五	六	七	八	九	十
0	1	2	3	4	5	6	7	8	9

Цифры (специального фигурного значка) с символом "ноль" у китайцев нет. Для передачи числового смысла наименьшей четной дробности есть иероглиф лин со значением "нуль", как производная ассоциация с каплей дождя, которая и отдельная, и самая мелкая, но и делимая на брызги. В этом несоответствии начала десятичного цифрового ряда у китайцев (с единицы) и некитайцев (с нуля) состоит принципиальнейшее различие противоположностей чжун\вай, без уразумения которого не понять природу китайской специфики.

В двоичной системе счисления каждое число выражается при помощи двух цифр. В современной компьютерной технике это арабские цифры 0 и 1 (с одной из идей числа: чет и нечет). В древнекитайской традиции тоже самое — это разорванная (— —) и сплошная (—) линии. Спустя значительное время после появления этих универсальных символов они были сопоставлены с именами, а именно: суженный, но тоже символический смысл этой двоичной схемы был закреплен иероглифами, соответственно "инь" и "ян". Изобразительная идеография *Инь* — "облако в настоящий момент", то есть идея силы, периодически заслоняющей свет, суть тьмы, производного от нее похолодания и т.п. Идеография *Ян* — "Солнце, отбрасывающее лучи": идея света, действия тепла и т. п. Дальнейшее толкование пары иероглифических символов *Инь* и *Ян* есть лишь все большее сужение их высокого математического смысла в каждой конкретизации и каждом

словесном вычленении того или иного оттенка из многих связанных ореолом значений.

0 — это раздвоенное (— —), четность, симметрия, равновесие, качественное единство противоположностей (+, —), притяжение, торможение, мертвая точка, покой, неделание, мягкое, пустое, отсутствие стимула и реакции, "нет", негатив, пассивность, реактивный потенциал, поглощение, созерцание, качество жизни, телесное, — сила *Инь*.

1 — это единое (—), нечетное, отрицание симметрии, сдвигка равновесия, импульс, отталкивание, ускорение, порождение, движение, преодоление, твердое, наполненное, наличие стимула и реакции, "да", позитив, активность, импульс, выделение, делание, деловой успех, духовное, — сила *Ян*.

Арифметические символы (числа) способны кратко, но глубоко заменять логические понятия (слова). На этом строится вся кибернетика, основные идеи которой изложил Норберт Винер (1894—1964). По его мнению, процессы управления и связи в машинах, живых организмах и обществах совершенно подобны (аналогичны). Общим для них является то, что они идут как процессы передачи, хранения и переработки информации. Информация — не что иное, как разнообразные сигналы (знаки), сообщения и т.п. Если отвлечься от конкретного материала знака (звук речи, цифра или буква письма, электромагнитные колебания электрических средств связи и пр.), то сигнал представляет собой выбор между двумя или несколькими значениями. Следовательно, возможна общая теория управления и связи, которую Винер и назвал кибернетикой (1948). Огромную роль в кибернетике играет математическая логика. Она занимается операциями с символами, представляющими высказывания, о которых можно сказать только то, что они истинны ("да") или ложны ("нет"). На языке математической логики: 1 — есть некоторое утверждение, "да", а 0 — некоторое отрицание, "нет".

Важно уяснить, что 0 и 1 контрастны друг другу, но не составляют противоположность, ибо они не равны!

Классификационная пара Инь-Ян ("— —" и "—") нагляднее всего в своей числовой ипостаси соответствует алгебре Джорджа Буля (1815—1864), английского математика, одного из основоположников математической логики. Этот раздел математики имеет дело не с символами числа — цифрами, а с идеями величин, как правило, обозначаемыми буквами. Здесь на символическом языке исчисления выражаются операции ума с понятиями: истина ("да") и ложь ("нет"). С ними возможны три операции: отрицания ("не"), сложения ("или") и умножения ("и").

Все количественные значения символов сведены у Буля к двум неравным друг другу 0 и 1. Или, иными словами, элементы имеют только два количественных значения: 0 (чет) и 1 (нечет).

Напомним, что в Книге перемен элементы — пять стихий — сводятся к двум значениям Инь (0, чет) и Ян (1, нечет). Читаем в каноне Конфуция: "Пять стихий [образованные] из двоицы Инь и Ян пересекаются [в пространстве] между Небом и Землей". Стихии имеют кольцевую структуру взаимосвязи преодоления (суть пересиливания, так как *Инь* и *Ян* — силы). Дерево преодолевает Почву, Почва преодолевает Воду, Вода преодолевает Огонь, Огонь преодолевает Металл, Металл преодолевает Дерево.

И в алгебре логики — Булево кольцо, суть алгебра с равенством и особым элементом 0 в двухточечной замкнутой цепи (0,1), в которой имеются одна одноместная операция отрицания (замены + на -) и две операции с двумя объектами (сложение и умножение).

$$0 + 0 = 0 = 1 + 1, 0 + 1 = 1 = 1 + 0.$$

$$0 \cdot 0 = 0 \cdot 1 = 1 \cdot 0 = 0, 1 \cdot 1 = 1.$$

Разница с обычным арифметическим сложением чисел 0 и 1 у Буля лишь в следующем равенстве:  $1 + 1 = 0$  (нечет + нечет = чет).

У китайцев натуральный числовой ряд начинается с 1, единого "—", нечетного, централизованного и потому в системе *Инь-Ян* и Пяти стихий непротиворечиво замыкается в *кольцо* (единое не разорвано). У современных европейцев числовой ряд начинается с 0, разорванного "— —",

четного, делимого пополам, а потому составляет *линию* (два конца) положительных и отрицательных чисел. Суть же отличного от арифметики равенства ( $1 + 1 = 0$ ) требует пояснения.

Для этого представим электрическую схемы, где кнопки *а* и *б* соединены параллельно. Тогда ток потечет и лампа загорится, если *а* замкнуто, или *б* замкнуто, или оба замкнуты (соединить концы двух потенциалов "+" и "—" значит замкнуть электрическую цепь, из двух нечетов получить чет). При этом, нажав две кнопки одновременно, мы получим не вдвое больший, а тот же количественный результат (цепь замкнется, электрический ток той же силы потечет в лампочку и она зажжется), как если бы мы нажали только одну кнопку. То же в буквах:  $A + A = A$ , где сумма двух *A* равна не двум *A*, а тому же *A*. В этой схеме "человек разумный" есть не единство противоположностей ( $\sigma \varnothing = 0$ ), а сумма земного зеркального чета "0" с небесным началом (Духом Святым). Движение задает прибавление к нулю единицы ( $0 + 1 = 1$ ).

Умножение — это последовательная схема переключателей, когда лампочка горит, только если нажаты оба (и первый *а*, и второй *б*) выключатели. То же в буквах:  $A \cdot A = A$ , где произведение не есть квадрат *A*, как в обычной алгебре.

Отрицанием будет такая логическая операция, в результате которой из данного высказывания (*A*) получается другое высказывание (не *A*) или полная переменная (упорядоченное изменение), когда полярности меняются местами — *Инь* на *Ян* и наоборот. В традиционной и математической логике отрицание лжи равносильно истине, а отрицание истины равносильно лжи. Не-*Инь* есть сила *Ян*, а Не-*Ян* есть сила *Инь*. Происходит полная замена 0 и 1. Последовательное взаимное преодоление стихий одна за другой — это кольцо вычетов, стираний и прекращений предшествовавшего.

Поскольку *Инь* и *Ян* суть силы, то правомерно их сопоставление с физическими величинами численного значения, направления и точки приложения.

Сила движения *Ян*, повторенная [в противофазе] дважды, дает равновесие ( $1 + 1 = 0$ ). Сила поглощения *Инь*, повторенная дважды, тоже дает равновесие ( $0 + 0 = 0$ ). При равновесии перемены возникают от преодоления дуальной равносильности третьей силой. То есть:  $(0 + 0) + 1 = 1$  или  $(1 + 1) + 0 = 0$ . И вот это — чрезвычайно важный момент для понимания принципов китайского способа мышления и способа действия вообще.

## ИНАЯ ЛОГИКА

В китайской комментаторской традиции "И цзина" понимание природы пары *Инь—Ян* не сводится к каким-либо дуальным сущностям-антагонизмам, они не выражают какую-либо борьбу противоположностей. *Инь* и *Ян* есть символ полярности, пара эмблем, представляющих за целый ряд контрастных сторон вещей; пара меток, позволяющая осуществлять двоичную классификацию, разделять — разносить все сущее по двум рубрикам, раз за разом делить все и вся на "два".

Так, покой, вроде бы однозначно соотнесенный с *Инь*, и движение, соотнесенное с *Ян*, можно разделить на два еще раз. В *Ян* покой есть сосредоточение, движение есть прямота; в *Инь* покой есть смыкание, движение есть широта.

В европейской логике движение — это жизнь, а покой — смерть. В китайской логике, напротив, *Ян* (движение) как твердое, соотносится со смертью, а *Инь* (покой) как мягкое, соотносится с жизнью. Правда, здесь следует отметить, что в христианской доктрине телесная смерть соотносится с соединением души с Божественным Светом ("Тот *Свет*", а не тьма) и китайское *Ян*, объединяя смыслы "смерть" и "свет", этому не противоречит. То же — и с *Инь*, объединяющей смыслы "жизнь" и "тьма", ибо "тьма" первого дня творения в христианстве выражает утробную тайну плодородия, принцип тайны жизни, тайны, свойственной земле и чреву. *Инь* и *Ян* то и дело сменяют друг друга. Семена (твердое и сухое — *Ян*) возвращаются в



почву через спелый плод. Из смерти непременно снова возникает росток жизни (мягкое и влажное — *Инь*). Когда дерево умирает, оно опять крепко и сухо (*Ян*). В этом суть цикла перемен (упорядоченных обращений полярностей *Инь—Ян*).

По критерию контрастности к *Инь* относится женское, а к *Ян* — мужское. Но чтобы в дальнейших построениях ума с символами *Инь-Ян* (нечет-чет) избежать путаницы с образами пола, возникающими за метками "Ж" и "М", для женского (земного) принципа специально используется иероглиф *кунь* с рисуночным смыслом потенциальной энергии плодородия почвы, а для мужского (небесного) принципа — иероглиф *цян* с идеографическим смыслом кинетической энергии, исходящей от солнца.

Так, неопределимая ни в утверждениях, ни в отрицаниях сущность "*Дао*" (в Библии — Бог) через явление "*Ци*" — Одно (в Библии — Дух Божий) является в двух формах *Ян* и *Инь*. В отличие от европейских диалектических пар: "сущность и явление", "содержание и форма", — в китайской логике нахождения третьего сущность и явление вместе составляют содержание "*Дэ*", всегда представленное в той или иной форме (сущность является в форме).

Две формы *Инь* и *Ян* с внешней видимой стороны представляют содержание: ту или иную связь элементов-энергий алгоритмом *Дэ*. А сами Пять связанных элементов, суть содержание, и есть *явление*, открытие, нисхождение к нам невидимой и неопределимой *сущности* в своих энергиях.

Энергии, в которых *Дао* проявляет себя вовне, — это как бы всепронизывающие лучи сущности, но не сама вечная вездесущность. Векторные силы (*Инь* и *Ян*) формируют всенаправленные энергии (Пять стихий-элементов). Каждый элемент (стихия или энергия) содержит и *Ян* и *Инь*, но в разной степени: янские элементы — огонь и дерево; иньские — вода и металл; баланс — почва, соотнесенная, как показано выше, собственно с Китаем, *чжун го*.

Дао рождает одно,  
Одно рождает два,  
Два рождает три,  
Три рождает десять тысяч вещей.

(Даодэцзин, 42)

То есть через две формы *Инь* и *Ян* возникает ("оформляется") следующая субстанция — Два: мужское и женское начала (*цян*ь и *кун*ь). Два, пронизанное *Ци*, рождает Три (неравновесную соразмерность: небо-земля / человек). Три рождает десять тысяч вещей, то есть все вещи. Иными словами, Дух (*Ци* — импульс) порождает числа, затем возникают формы, а уж после форм возникают элементы и все реальные вещи.

Отсюда — принципиальная троичность или, лучше сказать, тринитарность китайской логики, совершенно нетипичная для европейского, западного ratio с его принципом "исключенного третьего". Для китайцев "единое раздваивается, но перемены следуют через сочетание не двух, а трех сил". Поэтому вся китайская логика состоит в нахождении и привлечении "третьей силы" при явном противоборстве двух сторон.

Когда противостоящая вам активная сила равна или больше вашей, то по-китайски правильно будет не наращивать поступательное лобовое сопротивление, а поддаться, проявить не силу, а дать слабину. Созданием третьего вращательного момента сделать уступку изначально в том же направлении, куда гнет противник, но по ходу уже вращения осуществить перехват вектора противостоящей силы и вывернуть сумму сил в противоположное противнику направление или, на худой конец, увести контрсилу в безопасное место. А в пассивной, патовой ситуации китайского неделания следует привлекать любую третью силу (все равно, заинтересованного в Вас посредника или даже Вашего конкурента) — с тем только, чтобы сдвинуть симметрию, повернуть цикл с мертвой точки.

Циклы деятельности и синусоиды их периодов всегда можно разложить на комбинации трех и шести сил, с тем

чтобы по ним провести стратегический прогноз развития ситуации за китайскую сторону. А если расчет сил невозможен или сомнения после анализа недостоверных данных сохраняются, то для сравнения сомнительных выводов относительно перспективы можно обратиться и к беспристрастному "обезличенному оракулу", то есть собственно к "Канону перемен", "И Цзин", а затем и задуматься об "исправлении имен" (асимметричном ответе).

Начинать же практическое дело с китайцами нужно с тщательного анализа не столько того, что ЕСТЬ (1, Ян), что китайцы декларируют, а с вычленения того, чего НЕТ (0, Инь), и уяснения, почему нет. Ведь у китайцев "будущее приходит", "поспешать нужно медленно", а это значит, чуть что не так, позицию, которую китаец займет естественным образом, будет Инь (европеец же будет интуитивно искать и занимать позицию Ян, для него "время уходит" и нужно спешить).

Для рационального извлечения пользы с опорой на изложенный метод (то есть:  $(0 + 0) + 1 = 1$  или  $(1 + 1) + 0 = 0$ ) нужен точный расклад всех сил, и активных и пассивных. В этом трудность правильного расчета. Как известно, закономерная связь явлений, изучаемая наукой, такова, что может быть выражена при помощи математических формул и благодаря этим последним самый ход явлений может быть предугадан.

В бизнесе эта приверженность китайского ума к поиску третьей силы для решения дела в свою пользу выражается в их стремлении, чуть что не так, действовать через посредника.

С появлением посредника складывается связка из трех сил, в которой китаец ориентируется "по зову сердца" и "по голосу крови", — а потому добивается исключительной эффективности. Победный результат здесь во многом определяется тем, что противоборство сил переносится из чета в нечет, где работает закон, который западный мозг, как правило, игнорирует. А закон этот следующий: одна, даже количественно меньшая, третья сила (все рав-

но, активная или пассивная) тем не менее перетягивает на свою сторону в связке количественно явно большую сумму двух других сложенных вместе, но противоположных ей по знаку сил. Так, пассивная позиция перетягивает две активные позиции и переворачивает всю ситуацию в свою пользу и наоборот. Этот «принцип цикла перемен» представлен в трехфазном тяговом электрическом двигателе, где пассивная позиция — ноль выступает не мертвой точкой, а необходимым условием вращения при двух активных позициях — фазах.

В некитайской же логике на чаше весов результат действия суммы двух одинаковых сил всегда должен быть больше, чем результат действия одной противостоящей силы. А то обстоятельство, что бывает и не так, требует приведенных выше специальных иллюстраций на электрической схеме с параллельными выключателями или же разъяснений по двоичной системе счисления.

Если не игнорировать этот закон, записанный в китайской классической «Книге перемен» и осознано включиться в китайский тринитарный стандарт мышления, то многие вещи, неожиданные в западной логике противоположностей, станут понятными. Кое-что из казавшегося ранее случайным можно будет спрогнозировать заранее.

Китайская "Книга перемен" оперирует символами состояний, представленными как сочетания из трех и шести сил. Сила же может быть либо активной *Ян* (нечет), либо пассивной *Инь* (чет). *Ян* — это активная сила выталкивания (1), а *Инь* — пассивная сила поглощения (0). В практике бизнеса, как и в любой другой сфере, эти силы образуют связи.

За китайцев, конечно, самое важное — это заранее, с опорой на знание специфики их приоритетов, просчитать то, как они будут реагировать на Ваши предложения. Здесь следует знать, что китайцы реактивны. То есть они, скорее всего, займут позицию *Инь* (0), а Вам дадут быть активным — *Ян* (1).

Сделке предшествуют переговоры, и здесь поначалу китайцы будут придавать наибольшее значение вежливо-

сти и уважению. Будут предпочитать молча и спокойно слушать монолог партнера, обдумывать полученную информацию и изучать его поведение, пытаться уловить логику намерений и нравственную позицию, осторожно реагируя на предложения другой стороны.

Переговоры у китайцев служат для сбора информации, а реальные решения принимаются ими медленно, на долгосрочной основе, в духе коллективной ответственности, и не на встречах с партнерами, а после них.

Человек русской и западной культуры при определении рубрики китайской позиции (1 или, все же, 0) должен исходить из того, что фактическое содержание ответа, даваемого китайцами, является всего лишь малой частью того значения, которым наполнено происходящее. В ориентированных на контекст высказываниях большую важность неизбежно приобретает не то, что говорится, но то, как это говорится, кто говорит и что стоит за сказанным. Таким образом, то, что не было сказано, может оказаться основным смыслом китайского ответа. "Кто знает — молчит, а кто не знает — говорит". Важным следует считать то, что не высказано! Это поучение древних в ходу и у современных китайцев. Как происходит его реализация на практике в политике, бизнесе и даже в быту,— будет проиллюстрировано в следующих главах.

# АЛЕЕТ ВОСТОК

### ПРЕОДОЛЕНИЕ ХАОСА

У Мао Цзэдуна есть короткое стихотворение 1954 года под названием "Бэйдайхэ". Сейчас это курортное место. Здесь любил отдыхать Мао и другие китайские руководители. Исторически же оно связано с именем первого императора Цинь Шихуана — объединителя семи "воюющих царств" в единую державу. Отсюда он посылал морские экспедиции на поиск острова бессмертия (а открыли они для Китая вполне смертные народы Кореи и Японии). С тех времен (215 год до Р.Х.) здесь сохранились руины его походного дворца. Я семь лет прожил в Бэйдайхэ, однако на смысл этого стихотворения обратил внимание лишь после того, как в 1999 году меня оттуда выгнали китайские органы.

Дальнейший текст, возможно, не мешало бы освободить от некоторых подробностей и комментариев к ним. Но именно они как раз демонстрируют ход непереводаемых исторических ассоциаций, которые создают ореол смыслов, стоящих за завуалированными намеками, поэтическими образами и собственно иероглифическими символами китайского стихотворения.

В этом стихотворении Мао, задумавшись о минувшем и обратив взор на море в сторону мифического острова

бессмертия, который безуспешно искал Цинь Шихуан, напрямую вспоминает другого великого китайского деятеля, Вэй У-ди. Упомянутое в первой строфе наряду с древним (Юйянь) и нынешнее название этого места (Циньхуандао) означает как раз "остров императора Цинь", а император У династии Вэй — это посмертное имя Цао Цао, блестящего полководца и дипломата, усмирившего хаос, который охватил Китай в конце царствования династии Хань. Тогда, при крушении достигшего вершины конфуцианского процветания государства, население страны сократилось на три четверти! Ничего более страшного китайская история не знает.

Канва символов в стихотворении следующая: хаос, преодоленный Цинь Шихуаном, опять хаос, преодоленный Цао Цао, и, наконец, сам автор, Мао Цзэдун, преодолевающий очередной хаос. Всякий раз в китайской истории хаос подавлялся силой. Подавлялся безжалостно к страданиям и даже жизни людей, зато правитель, совершивший это, приобретал несравненное национальное величие — пусть даже в ореоле злодея.

В 207 году Цао Цао, изгоняя "северных варваров" на восток (к проходу Шаньхайгуань: начало Великой китайской стены — граница империи Цинь Шихуана), "вышел со своими войсками к горе Цзешишань" (ныне окраина Чанли, 35 км западнее Бэйдайхэ). Эта гора высотой около 700 метров с корявыми вековыми соснами и почти отвесным, абсолютно гладким скальным склоном, обращенным к морю, действительно поражает глаз величиим натуры.

Мао Цзэдун поминает былые времена и великие деяния Вэй У-ди на фоне открывающейся с высоты этой горы перспективы бесконечной череды волн с седой пеной барашков, под вой ветра и шум ливня безостановочно накатывающихся в белом кипении на длинное песчаное мелководье, а вдали смыкающихся в бескрайнем просторе с сине-черными тучами.

Мысль же о том, что у Мао Цзэдуна за образами штормового моря и управляемой не человеком, но лишь силами стихии (Волей Неба) одинокой лодки, — стоит со-

поставление с законами войны и политики, пришла ко мне лишь под влиянием форс-мажорного (кнутом непреодолимой силы) выдворения меня, "северного варвара", обратно в Россию.

Скрытый смысл стихотворения, видимо, состоит в том, что Бэйдайхэ с пятидесятих годов вплоть до настоящего времени было местом регулярного проведения неофициальных закрытых совещаний руководства коммунистического Китая с жесткой "подковерной борьбой" по стратегическим вопросам внутренней и внешней политики. А Цао Цао, как тип национального героя-злодея, был весьма умелым политиком, диктатором-интеллектуалом и спасителем агонизирующей в мятежах конфуцианской империи. Он откровенно сделал ставку на силу и именно с помощью военной силы преуспел.

Видимо, и Мао Цзэдун, глядя на восток (а именно так сориентирован его памятник в Бэйдайхэ на том высоком месте над морем, куда теперь толпы туристов приходят встречать рассвет), слагая стихотворение, о котором идет речь, и поминая военные действия Вэй У-ди, примерял на себя его роль — роль победоносного главнокомандующего. А известная у нас как "Алеет Восток" песня: "Восток заалел, Солнце взошло, в Китае появился Мао Цзэдун", также связанная с тем образом Мао, который воплощен памятником в Бэйдайхэ, символизирует появление новой коммунистической династии современного китайского государства. Мао как правитель Китая включается здесь в традиционную парадигму императора — "Сына Неба". Для сопоставления можно привести лаконичную запись в древнейшей "Книге песен" (*Шу Цзин*) о возвышении династии Чжоу: "Засветилось, засветилось внизу — заполыхало, заполыхало вверх". Своим стихотворением Мао заявляет о преодолении хаоса западнического государственного строительства, связанного с деятельностью отступившей на остров Тайвань и уже там вернувшейся к конфуцианской традиции Китайской республики во главе с партией Гоминдан.



Примечательно, что почитательно поминаемый Мао Цзэдуном Вэй У-ди получил свое посмертное имя У-ди по ассоциации с великим императором-созидателем У-ди династии Хань. А династия Хань пришла на смену рухнувшей без видимых причин блистательной в государственном строительстве, но очень короткой по продолжительности царствования империи титана китайской истории, объединителя семи "сражающихся царств", приверженца писаного закона и гонителя конфуцианской идеологии государства-семьи Цинь Шихуана (он приказал заживо закопать 460 конфуцианских ученых и публично сжег все старинные книги, кроме книг по сельскому хозяйству, медицине и другим прикладным знаниям).

В 221 г. до Р.Х. Цинь Шихуан объединил нацию в первую формальную империю, провел унификацию письменности, мер веса, длины, денег, колеи дорог, административного деления и т.д., а в 206 г. до Р.Х. эта империя вдруг рухнула, и китайцы стали свидетелями разрушения своего мира и цивилизации. Именно У-ди, озабоченного результатами деятельности своего предшественника, мучили вопросы теории управления. Он хотел получить основательные ответы на вопросы: как Цинь Шихуан сумел покорить весь Китай и что же случилось с Циньской империей почти сразу после его смерти, а, главное, почему?

Ответы на эти вопросы дал императору У-ди конфуцианский философ Дун Чжуншу, изложивший ему в трех меморандумах, составленных на опыте прошлого, универсальный исторический закон последовательной смены трех периодов в цикле развития общества и государства, а именно: установление хаоса, малое процветание, великое единение (и опять хаос).

Конфуцианство с тех пор стало официальной государственной идеологией Китая. И Цао Цао был интеллектуалом из числа конфуцианской элиты. А через две тысячи лет в разгар очередного хаоса теория трех периодов вдохновляла уже старшего современника Мао Цзэдуна Кан Ювэя. В конце XIX века он безуспешно пытался (противники во главе с императрицей Цы Си одержали

верх) провести необходимые китайскому обществу реформы так, чтобы новый порядок обеспечил развитие страны без утраты культурной уникальности. Однако с этой задачей справился лишь Мао Цзэдун.

В 1954 году, когда писалось стихотворение "Бэйдайхэ", Мао Цзэдун был на гребне успеха. Милитаристские клики, возникшие после 1911 года на обломках последней империи в разных частях страны, были уже подавлены генералиссимусом Чан Кайши. Унизительное ярмо японского диктата в оккупированных районах и в Маньчжоу-го сброшено. Реформы языка (*го юй*), денежной системы, бюрократической власти на местах и прочие — уже проведены гоминьданом. А сам режим гоминьдана под натиском революционной стихии во главе с коммунистами, тем не менее, был сметен на Тайвань. Повержены были и соперники Мао в КПК. И, судя по всему, тогда Мао стремился избежать для себя ассоциаций с искавшим физического бессмертия великим тираном Цинь Шихуаном. И явно предпочитал сопоставление с ролью высшего должностного лица Вэй У-ди, лишь после смерти почтительно признанного потомками основателем новой династии, а также его ролью просвещенного стройной идеологией сильного и искусного правителя периода восстаний, войн и политического хаоса в конфуцианских циклах китайской истории.

Ветер осенний. Как встарь, воет ветер,  
Но по-иному все стало на свете!

Однако случилось все же так, что в 1971 году, когда провозглашенный официальным преемником Мао Цзэдуна маршал Линь Бяо после неудавшегося путча бежал из Бэйдайхэ (его самолет вылетел с аэродрома в Циньхуандао в сторону СССР, но при загадочных обстоятельствах разбился на территории Монголии), избежать сопоставления с тираном Мао Цзэдуну не удалось.

Линь Бяо говорил, что "правление Мао — это эпоха правления нового Цинь Шихуана", и народ воспринял эту

оценку. Да и сам Мао Цзэдун после заговора инициировал компанию "критики Линь Бяо и Конфуция". А параллельно с критикой конфуцианских ценностей началось восхваление Цинь Шихуана.

Еще в известном стихотворении, повсеместно изучавшемся на уроках китайского языка в школах, "великий кормчий" советовал президенту Академии наук КНР Го Можо: "Поменьше ругайте императора Цинь Шихуана. Окончательная оценка сожжению книг еще не дана. Великий предок, хотя и умер, его славное имя известно всем. Конфуцианство имеет высокую репутацию, а на деле представляет из себя всего лишь кучу хлама".

В довершение всего Мао открыто похвалялся тем, что по жестокости превзошел Цинь Шихуана, но сделал то же, что и тот,— покончил с хаосом, объединил китайское общество и возродил империю. Вскоре после смерти Мао Цзэдуна, как и после смерти Цинь Шихуана, в китайском обществе и государстве произошел поворот от жесткой бюрократии, тотального контроля и управления наказаниями к конфуцианским нормам. Хаос, преодоленный насилием, сменился "малым процветанием" в ключе восстановления клановой морали, патриархальных нравов и традиции соотносить поведение с высокими стандартами предков, одновременно ощущая ответственность перед потомками.

Подобные совпадения между случившимся ранее и теперь, конечно, можно отнести к категории случайного. Однако в китайской логике не исключения, но "нахождения третьего" случайное всегда по сущности необходимо. А потому от рассуждений по аналогии ("исторические аналогии не только бесполезны, а иногда и вредны") следует переходить к заключениям по необходимости. Произошедшее — это всегда случившееся, то есть отягощенное непредвиденным, конкретным человеческим выбором, поступком. В то же время, случившись, историческое событие (суть время) становится неотвратимым. И эта неотвратимость, невозможность исправить, свидетельствует о том, что проявленная активность или пассивность участ-

ников исторического процесса, и даже черты характера выбившихся в лидеры на каком-то отрезке циклов, в бесконечной сущности "Пути Неба" — необходимы. История — это действительно "наука всех наук".

И с православной позиции промысел Божий в историческом процессе проявляется исподволь, то есть как бы "из-под воли" политических деятелей, полководцев, обладателей больших денег.

Те или иные поступки, реформы, походы начинаются вроде бы от ума первых лиц, как проявление свободной воли личностей. Изначально, может быть, и с благородной целью, без злого умысла, не оформлено в заговор. Однако на каком-то этапе воплощения человеческого умысла и человеческой воли непременно наступает момент выбора, и тут все и решается: либо деятель входит в историю добрым гением, либо злодеем. Выбор личности всегда соответствует либо промыслу, либо попущению. В момент, когда в душе лидера побеждает соблазн "князя мира сего", он становится злодеем, но на все, так или иначе, воля Господня.

Философскую методологию идей самого Мао Цзэдуна лучше всего определить как материалистическую диалектику. Диалектика Мао сложилась под влиянием идей Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, а главное, даосизма. Однако Мао Цзэдун, как и всякий китайский марксист, прежде всего был китайцем, а уж потом марксистом. Справедливо утверждая, что "все делится на две части" (*и фэнь вэй эр*), он, тем не менее, в реальной политике шел дальше и по-китайски всегда искал и находил третью силу. А после его смерти не "Относительно практики" и не "Относительно противоречия", но "Теория председателя Мао Цзэдуна о делении мира на три части" была объявлена в Китае "величайшим вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма".

Дело в том, что, невзирая на очевидное противоборство во второй половине XX века двух систем, социализма и капитализма (соответственно — во главе со "сверхдержа-

вами" СССР и США), а также на ортодоксально двухполюсное устройство мира тогдашней политики, Мао разделил мир не на две, а на три части. Определил для Китая место в третьем мире (суть третьей поглощающей реактивной силы *Инь* в связке находящихся в противофазе активных сил движения *Ян*) и по канону перемен перевернул всю связку в пользу Китая.

Здесь следует еще раз подчеркнуть, что слово "сила" в стандарте западного мышления воспринимается как обозначение способности к активному действию, некая степень напряженности и интенсивности. В стандарте же китайского мышления (точно так же — в физике) оно в равной степени относится и к воздействию бездействием (затухание), и к демпфированию колебаний с эффектом преобразования одного вида энергии в другой (удержание и вбирание в себя). Например, демпфирование механического движения осуществляется увеличением трения в системе; для гашения электрического импульса применяется резистор и т.д. Во всех подобных случаях механическая и электрическая энергия преобразуются в тепловую с повышением температуры демпфера. Поэтому политический термин "полюс силы" (в условиях политико-экономической многополярности, конкуренции и сосуществования) на деле может означать "демпфер поглощения" чужих ресурсов. Это, так сказать, пример конфуцианского "исправления имен".

Примечательно, что идею о том, что "мировой системы социализма больше не существует" и, соответственно, "основное противоречие эпохи: между миром социализма и миром капитализма далее следует рассматривать в новом свете деления мира на три части", озвучил Дэн Сяопин. Сделано это было в апреле 1974 года на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где Дэн был главой китайской делегации.

Тем самым "преодоление хаоса", заявленное Мао Цзэдуном в стихотворении "Бэйдайхэ" 1954 года, приобрело еще при жизни "великого кормчего" масштабы, вы-

ходящие далеко за пределы собственно Китайской Народной Республики и "большого Китая".

Наиболее отчетливо работа китайской идеи деления мира на три части в пользу Китая видна на примерах из военной сферы, на изучение которой я потратил большую часть своих сил и времени, как профессиональный военный разведчик.

### ТРЕТЬЯ СИЛА

Заранее оговорюсь, что речь будет идти здесь о двадцатилетии 70-х и 80-х годов, со сроком давности более десяти лет от времени написания этой книги. Наблюдавшаяся мною тогда некоторая несуразица и огрехи в понимании военной силы Китая стратегической разведкой СССР в "новой России" за десять лет "стратегического партнерства" с Китаем, надеюсь, уже выправлены наилучшим образом.

В начале же 90-х годов, после крушения Советской сверхдержавы я отчетливо понимал, что *главной концепцией китайской военной доктрины периода гонки ракетно-ядерных вооружений СССР и США была концепция стратегической маскировки и стратегической дезинформации*. Эта концепция была хорошо прикрыта "рассуждениями о своем" в официальных заявлениях и средствах массовой информации и поразительно успешна по критерию "стоимость—эффективность". С позиции Канона Перемени маскировка и дезинформация — это, конечно, нечто темное, то есть *Инь*.

Если следовать тринитарной китайской логике, то между военной доктриной страны и мышлением, волей, памятью (опытом) ее политических лидеров возникают отношения, аналогичные диалектическим категориям явления и сущности. Сознание лидеров (сущность) и сформулированная доктрина (явление) вместе составляют содержание, которое реализуется в формах конкретной политики и собст-

венно войны, как различных вариантах организации добровольного или насильственного повиновения замыслу, интуиции и духу лидеров. Свободная воля или, иначе, случайность того или иного выбора в сознании военно-политического руководства (сущность) при реализации военной доктрины (явлении) всегда, так или иначе, подчинена политической или военной необходимости (форме).

Политику государства определяют личности. Под личные качества политиков аппарат подбирает догмы в набоере на все случаи жизни. Экономические, социальные, военные и прочие вопросы государственного строительства подчинены амбициям руководителей. Стабильность расклада сил и амбиций в руководстве — это стабильность в стране. Однако мир без войны есть состояние баланса угроз и рисков применения силы в расчетах политиков. Угроза *объективна* в вещественном наличии силы, ее присутствии в том или ином районе и в демонстрации готовности к ее применению по приказу. Риск же *субъективен* и устраняется способностью руководителей хладнокровно наблюдать, не принимать поспешных решений и лишь с осознанной необходимостью реагировать на угрозы, а главное — в оценке будущей реакции противников на свои угрозы и приемлемости для себя такой реакции. Чтобы как-то ориентироваться в объективных (диктует необходимость) и субъективных (основа случайности) факторах угроз и рисков, формулируется доктрина.

Напомню, военная доктрина — это принятая в государстве на определенное время взаимосвязанная совокупность социально-политических и военно-технических концепций. Причем совокупность, устанавливающая:

— Политическую (власть), экономическую (богатство) и социальную (слава) стратегию национальных целей и путей их достижения. Причем как без применения военных средств (силы), так и с их использованием или угрозой использования (воля). Включая как меры предотвращения войны, так и условия вступления в войну.

— Военную стратегию видов, целей и способов ведения войны на суше, в море, воздухе и космосе, а также в

умах людей. А также концепции военного строительства и подготовки страны и вооруженных сил к возможной войне.

Так вот, в ряду мер для предотвращения войны, достижения национальных целей с опорой на потенциал силы и создания преимуществ на момент вступления в войну китайцы еще при жизни Мао Цзэдуна выбрали путь стратегической дезинформации и маскировки.

Для сравнения замечу, что в СССР и США аналогичные цели достигались в вещественном виде наращиванием арсеналов вооружений (прежде всего ракетно-ядерных) и лихорадочным добыванием информации о противнике как способе контроля за ситуацией. При этом внимание и тех и других уделялось не дезинформации, а сохранению тайны над истинной информацией, ибо *угроза подавалась и воспринималась как дозированная истина!*

Особенностью русского подхода к сохранению военной и государственной тайны выступает секретность. При этом секретность понимается как набор способов ограничения доступа к информации. Опечатанный сейф, скрупулезный реестр всех бумаг и обмен запечатанными пакетами по инстанции через живых курьеров — вот наглядные образы российской секретности, "тайны за семью печатями".

Американцы используют другой принцип сохранения тайны, а именно: создание избыточного потока информации, в котором настоящий секрет тонет и становится неотличимым на фоне обилия второстепенных данных. "Белые книги по обороне", масса справочников и специализированных открытых изданий, доведение до своей и чужой общественности навязываемых смыслов национальных интересов, океан Интернета и других электронных потоков сообщений, — вот чем представлены американские информационные технологии манипулирования угрозами.

Китайцы же вместо всей истины подсовывают не часть истины, но вовсе не истину, ибо исходят из того, что угрозой выступает сама тайна, то есть незнание. Но чтобы противник излишне не волновался и не предпринимал



судорожные шаги к ясности, его следует вводить в успокаивающее заблуждение. Заблуждение конструируется во многом официальными данными, ориентированными на систему ценностей некихитайцев и изящными подставками под контроль технических средств спецслужб стран, вводимых в заблуждение. А частная информация, циркулирующая в электронных средствах связи и глобальной сети Интернет и могущая пролить для иностранцев лишний свет на затемненные места реальной картины, в автоматизированном виде подвергается цензуре.

Во времена "холодной войны" открытая борьба шла между СССР и США, а выгоды от этой войны получил Китай. В то время, как СССР и США до отдельного танка считали обычные вооружения в Европе и до последней боеголовки торговались на переговорах в Женеве, Вене, на Мальте и в Рейкьявике, китайцы лишь намекали на свою угрозу. Продемонстрировав, начиная с 1981 года, сперва пуск МБР в район островов Фиджи, затем БРПЛ из подводного положения в район Южно-Китайского моря, и, наконец, мобильной БРСД в направлении о. Тайвань, китайцам удалось создать в головах у противников ощущение их уязвимости и поддерживать впечатление, что такие средства у Китая не только существуют, но и о том, что эти средства боеготовы для применения с неприемлемым для противника ущербом.

Стратегические ядерные силы КНР были несравнимы количественно и явно уступали по качеству тому арсеналу, которым обладали СССР и США, особенно на театре военных действий: десятки ракет и боеголовок против более десяти тысяч. Громоздкие жидкостные малоподвижные ракетные комплексы с моноблочными зарядами против русских компактных твердотопливных высокомобильных комплексов с разделяющимися головными частями и американских трудноуязвимых крылатых ракет с огибанием рельефа местности, базирующихся на бомбардировщиках кругосветной дальности.

Однако находящиеся в глубокой тени китайские стратегические ядерные силы имели тот же эффект ощутимой

угрозы, что и демонстрируемая напоказ реальная гонка вооружений между СССР и США.

Яркий пример успешного применения концепции дезинформации и стратегической маскировки дает история с так называемыми "буграми", которые до начала 90-х годов более двадцати лет числились советским Генеральным штабом (да, наверное, и Комитетом Начальников Штабов ВС США) за китайские ракетные базы. Эти "бугры" были выявлены из космоса. Правда, и тогда специалисты затруднялись объяснить, как с этих "бугров" можно производить ракетные пуски. Но что-то ведь перед политическим руководством нужно было числить за китайские ракетные базы!

Уже в конце 90-х годов, когда китайцы многое приоткрыли, я прокатился на машине мимо одного такого "бугра", числившегося у нас ранее так называемой "ракетной базой Тяньцзинь". Это действительно была искусственная насыпная гора с ведущими под нее железнодорожными подъездными путями. Но располагался под "бугром" всего лишь защищенный склад мобилизационного запаса зерна на военное время, сооруженный как раз в период развертывания первых ракет и лозунга Мао: "Глубже рыть окопы, запастись зерно".

Боюсь, что и сейчас, когда Россия и США, продолжая сокращать стратегические вооружения, дотошно подсчитывают каждую шахтную пусковую установку сторон, специалисты их стратегической разведки вряд ли отважатся со стопроцентной уверенностью утверждать, что они точно знают координаты всех шахтных пусковых установок китайских тяжелых ракет, замаскированных еще во время их строительства в тени бесконечных складок китайских гор, неразличимых в деталях из космоса. А это сомнение как раз и формирует ощущение уязвимости от пусть даже ничтожно малого китайского ядерного потенциала, создает эффект реального устрашения, пусть даже и с негарантированным поражением.

Так или иначе, заняв позицию пассивной реактивной силы и избежав тем самым участия в гонке вооружений,

китайцы смогли мобилизовать ресурсы страны на программу модернизации и наращивания своей совокупной мощи.

Политическое мышление, опыт и воля лидеров китайского государства периода "холодной войны" явно исходили из того, что ни СССР, ни США в условиях их противоборства не нанесут по Китаю удара, так как это автоматически превратит его в союзника одной из противоборствующих сторон и существенно изменит в ее пользу соотношение сил. Именно это обстоятельство закладывало основу под длительную перспективу мирного окружения для экономического строительства и наращивания совокупной мощи Китая как контрастной (поглощающей и реактивной) третьей силы в связке.

Стратегическая цель Китая для внутреннего пользования в середине 80-х годов была ясно сформулирована так: "К 100-летию образования КНР (2049) вступить в ряды мощных мировых держав". По мере наращивания совокупной мощи государства "раздвинуть стратегическую границу Китая на континентальный шельф, заатмосферный космос, полярные области". "Перенести возможные военные действия из районов географической границы Китая на стратегические границы, обменяв стратегическое пространство на дорогостоящее время стратегической реакции".

Недвусмысленно китайцами было сказано и о путях достижения цели: "Слепое антиядерное движение, выступающее за безъядерный мир — утопия. Ядерное оружие — объективная реальность, а требовать от ядерных держав полностью уничтожить его это все равно, что просить тигра добром отдать свою шкуру". "Нам нужны стабильное мирное окружение, стабильность и сплоченность внутри страны". "Нам необходимо создать трехсферные (в космосе, в мировом океане и на материковой суше) силы устрашения, способные защитить законные интересы Китая и действовать на "поле боя" за пределами страны". "Только государство, обладающее совокупной мощью в экономической, научно-технической, политической, социальной, военной и дипломатической областях может рас-

ширять стратегические границы за рамки географических границ, и только стратегические границы, строящиеся на комплексной основе, являются эффективными и прочными". "Трехсферная стратегическая граница — сложное явление стратегического соперничества в современном мире. В их существовании — суть международной конфронтации. В их формировании — залог обеспечения законных прав и интересов Китая" (газета "Цзефанцзыньбао, 03.04.1987).

Согласитесь, ни о какой интеграции в глобальные процессы, как о национальной цели КНР, ни до 2049 года, ни после китайцами ничего не сказано. Речь же идет о медленном изменении, за счет комплексного самоусиления, существующего положения в пользу Китая, а значит, и о подобающем месте в мире и о праве решающего голоса Китая при обсуждении вопросов, затрагивающих судьбы человечества.

Наращивание влияния на окружающий мир через совокупную мощь страны было названо в Китае "новым выбором". В составе совокупной мощи военный аспект был поставлен в подчиненное и производное положение по отношению к ее общеэкономическому и научно-техническому аспектам. Пройти путь "нового выбора" Китай намерен главным образом за счет опоры на собственные силы. Играя на противоречиях и трудностях России и Запада, взаимно сковывающих друг друга и позволяющих КНР извлекать долговременные выгоды от конъюнктурной опоры на их политическую, экономическую и научно-техническую поддержку, не беря на себя встречных обязательств, Китай оставляет за собой свободу политического, финансового и военного маневра. А главное, свободу определения сроков, необходимых для непосредственной подготовки своих сил и средств к вступлению в открытую борьбу.

Важно заметить, что в КНР никогда не отрицалось и не замалчивалось то, что гарантом мирных условий экономического строительства и защитой от внешних и внутренних угроз выступают боеготовые вооруженные силы. Огражденные от деполитизации, находящиеся под жест-

ким руководством Военного Совета ЦК КПК (он же Центральный Военный Совет КНР), парткомов и политорганов в войсках, Вооруженные Силы Народного Китая обеспечивают следование китайской нации курсом "социализма с китайской спецификой". Причем как в центре, так и на местах, и особенно в подстрекаемых либералами к сепаратизму приграничных автономных районах проживания национальных меньшинств (тибетцев, уйгуров, монголов, дунган, чжуанов).

Концепция "трехсферной стратегической границы" обосновывает необходимость для КНР расширять жизненное пространство за пределами национальной территории. Однако, прежде всего, предусматривается наращивание китайского национального присутствия в пространстве космоса и мирового океана (ближайшая задача — полный суверенитет над островами Наньша). Ибо такое присутствие есть мощный способ по сути военного знания обстановки, контроля и решающего влияния на геополитическую и все более важную "геоэкономическую" ситуацию на планете. Влияния посредством способности собирать, интегрировать и распространять (демонстрировать) информацию о рисках и угрозах в реальном масштабе времени.

Действительно, в прошлом противоречие между аграрным характером китайского общества и ограниченностью ресурсов пахотной земли было причиной многих бедствий для Китая. Ныне же новые технологии, информатизация и коммерциализация общества (информационные и финансовые рычаги воздействия) ведут к расширению жизненного пространства китайской нации без военной оккупации новых территорий.

Китайцы копируют пример Японии, в которой плотность населения еще выше, чем в Китае, но которая практически без наращивания собственно военного потенциала (под американским "зонтиком") лишь в процессе научно-технического и финансово-экономического рывка решила многие проблемы, остающиеся для Китая пока крайне болезненными.

Тем не менее, подкрепляя слова и хозяйственные замыслы политиков силой, начиная с войны в Корее, КНР применяла свои вооруженные силы именно и только за пределами своих географических границ (1962 год — конфликт с Индией; 1969 год — конфликт с СССР; 1974 год — захват Парасельских островов; 1979 год — удар по Вьетнаму; 1988 год — обострение вокруг островов Спратли; 1995 год — обострение в Тайваньском проливе).

Практика убеждает, что объявленная Западу и России в качестве официальной китайская стратегия "народной войны в современных условиях" — иллюзия, сохраняемая по большей части для иностранного потребления и лишь на невероятный случай гипотетической внешней агрессии против КНР со стороны бряцающих ядерным оружием "бумажных тигров". Однако эта иллюзия опирается на действительно неисчерпаемые и подготовленные к быстрой мобилизации и развертыванию на своей территории людские ресурсы нации.

За срок до 30 суток для решения задач противодействия обороне побережья и прикрытия сухопутных границ, китайскими мобилизационными планами, в части, не особенно скрываемой от общественности, предусмотрено развертывание примерно ста резервных дивизий. Эти резервные дивизии в угрожаемый период должны начать усиление оперативных группировок войск постоянной готовности, а в ходе первых операций начавшейся войны по мере развертывания обеспечивать эшелонированную глубину китайской обороны на направлениях прорыва вторгшегося противника и восполнять все потери фронта. То есть примерно так, как отобилизованные за Уралом сибирские дивизии грудью закрыли Москву зимой 1941 года.

Так иллюзия предполагаемых способов ведения войны и реальность численности резервов помогают решать задачи все более осложняющейся дипломатической деятельности КНР во все более непростых отношениях с оппонирующими Китаю "полюсами силы".

Полагаю, что в будущем на фоне дальнейшего укрепления мирного образа китайской державы всегда можно ожидать другую войну: локальное применение Китаем военной силы за периметром своих границ с целью унижить правительство или расстроить экономику страны, где китайским интересам или интересам китайской экономической общины будут пытаться "наступать на ноги".

Такое применение военной силы считается у китайцев законным, приемлемым, справедливым и полезным. Полезным потому, что "препятствует количественному накоплению острых противоречий, не доводя их до перерастания в крупномасштабную войну". Более того, таким образом, возможность крупномасштабной войны в XXI веке вообще сводится к минимуму.

В звене оперативного искусства, как заметный успех китайской дезинформации и маскировки, вспоминается внедренный в сознание советских военачальников миф о непреодолимости обычными средствами поражения тысячекилометровой полосы укрепленных районов пекинского оборонительного рубежа и устойчивый стереотип необходимости его обхода с флангов.

Летом 1992 года мне довелось проехать на машине насквозь через Чжанцзякоуский укрепрайон (к памятнику советским воинам, павшим на этом направлении в 1945 году в боях с японцами). С точки зрения масштабов проделанных здесь в 60-70-х годах инженерных работ по оперативному оборудованию театра военных действий (противотанковых эскарпов, рвов, стенок) зрелище было на уровне декораций из фильма "Звездные войны". Многокилометровые полосы исполинских бетонных надолбов и противотанковых ежей можно было бы сравнить, пожалуй, лишь с рядами волноломов и причальных стенок громадного морского порта. Вся эта оборонительная красота, контрастная для воздушной и космической разведки, как и Великая китайская стена в прошлые века, вселяла ощущение неприступной твердыни. По уровню воздействия на разум полководца, просчитывающего ожидаемые

потери в живой силе и технике, неизбежные при прорыве этой твердыни с ходу, один вид укрепрайона можно сравнить, наверное, с эффектом ожидания применения тактического ядерного оружия.

Неприемлемость величины трудностей, цены их преодоления и риска значительных потерь от лобового прорыва пекинского оборонительного рубежа наталкивала полководцев на идею его обхода с фланга. Эта идея повторялась в решениях командующих войсками "красных", наносящих контрудар по "желтым", на всех советских учениях и тренировках периода "возрастания опасности с Востока". В этом плане показательно крупнейшее командно-штабное учение того времени "Восток-88", проводившееся в Монголии как продолжение войскового учения "Запад-88" в Европе, в ходе которых советский Генштаб отрабатывал первые операции мировой войны на два фронта.

На мой взгляд, созданием глубоко эшелонированного пекинского оборонительного рубежа китайцы, собственно, и преследовали цель обменять в ходе начавшихся боевых действий заблаговременно оборудованное пространство на дорогое время, необходимое сухопутным войскам противника на совершение длинного обходного маневра. Более того, маневра уже не по пустынной, а по густонаселенной территории, охрана тыла на которой от партизанских действий, организуемых массовым народным ополчением, сводила бы на нет наступательный порыв войск.

Одна демонстрация не занятых войсками в мирное время грандиозных инженерных сооружений уже давала эффект планирования их обхода, а не прорыва. Этим достигалась маскируемая цель: затянуть ударную группировку войск противника в густонаселенные районы и "утопить их в пучине народной войны" (две классические стратегии: "нельзя выйти из Китая, войдя туда" и "мягкое обязательно побеждает твердое").

Иными словами, из опыта советских учений было видно, что СССР как "вероятный противник" неминуемо вос-



принимал китайскую подставку и сам выбирал неприемлемый для себя способ ведения боевых действий, предусмотренный концепцией "народной войны" Мао Цзэдуна. А она как раз предполагала на первом этапе большой войны "втягивание или заманивание вторгшихся войск на максимально большое количество направлений в глубь Китая с целью распыления (растаскивания) его сил, уничтожения вторгшихся войск путем ведения активной обороны регулярными войсками, занявшими заранее подготовленные позиции, и навязывания противнику партизанской войны на изматывание его сил".

Можно привести и обратный пример воздействия на умы пассивной дезинформации: бесполезности военных средств как фактора сдерживания из-за невозможности их эффективной демонстрации (навязывания информации).

Первыми в этом отношении следует упомянуть химическое и бактериологическое оружие, ибо сложно продемонстрировать исходящую от них угрозу в форме находящегося под охраной склада артиллерийских снарядов или авиационных бомб.

Ни фашистская Германия в Европе, ни самурайская Япония в Азии эти виды оружия массового поражения, даже как жест отчаяния перед крахом во Второй мировой войне, не применили. Даже после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки американцами японские офицеры, осознавшие поражение, но не сломленные, свои химические и бактериологические бомбы не сбросили на войска и население противника, хотя морально их вроде бы ничего уже не сдерживало. Самураи предпочли массовую демонстрацию силы духа через смерть от харакири на площадях после более-менее выгодной для страны капитуляции верхушки, чем демонстрацию конечной жизненной бесполезности результатов применения химического и бактериологического оружия в виде стойкой отравы среды обитания, распространения сплошных эпидемий и мора среди людей без различия по принципу "свой—чужой".

Будучи примененными стороной, терпящей поражение, химическое и особенно бактериологическое оружие становились бы уже не средством достижения политических целей, а усугублением мучений своей нации от ответного применения такого же оружия. То есть концом политики, личной катастрофой авторов политики. Именно из-за невозможности демонстрации угрозы как средства предотвращения войны и конечной бесполезности как средства эскалации уровней угрозы в ходе войны отказ от применения химического и бактериологического оружия, его запрет и программа ликвидации запасов успешно осуществляются мировым сообществом.

Есть и третий вариант: военные средства демонстрируются, а эффект устрашения не достигается. Происходит это тогда, когда дезинформация, маскировка или рассредоточение лишают возможности назначить хоть какие-то достойные для демонстрируемой силы цели поражения.

Так, безуспешную демонстрацию угрозы под конец афганской кампании в 1988 году представлял специально показанный по советскому телевидению зрелищно эффектный пуск оперативно-тактических ракет залпом дивизиона. И вот тут, после паузы, придется констатировать, что целей для поражения баллистическими ракетами не было, и, рванув в афганских горах, боеголовки вряд ли поразили даже отдельных моджахедов, а тем более — уж точно не напугали, не деморализовали и не заставили сесть за стол переговоров с "неверными" их командование.

Хорошим средством устрашения, демонстрации угрозы через само присутствие силы, на уровне мнения элиты государств, выступают американские авианосцы. Они могут подойти к берегам объекта угрозы. С их палубы можно поднять самолеты, которые очень внушительно и эффектно выглядят по телевидению. Однако для борьбы с "народной войной": террористами, повстанцами, боевиками, партизанами, вооруженными стрелковым оружием и время от времени подрывающими американские посольства, эта военная мощь бесполезна. Бесполезна, прежде всего, потому, что для крупных систем оружия в

"народной войне" просто нет целей для поражения, они асимметричны.

Приведенные примеры показательны в том же смысле, что и дезинформация и маскировка. Когда нет целей для поражения системами оружия, эффекта устрашения от бряцания оружием не будет, и результат боевого применения оружия окажется нулевым.

Занимаясь пассивной дезинформацией и провоцируя активную борьбу между сверхдержавами: классическим империализмом США и "социал-империализмом" СССР,— Китай обеспечил себе, как реактивной силе в связке трех сил, условия для роста своего могущества. Ибо с 1979 года заполучил все преимущества потенциала, притягивающего на себя активность инвестиций гражданского назначения от Запада, а военно-технического характера с 1989 года — от Новой России.  $(1+1) + 0 = 0$ .

Примечательно, что и здесь преимущества были получены Китаем за счет поражения "стратегического партнера" — России. Причем получены именно тогда, когда Горбачев, а затем Ельцин исключили Китай из числа потенциальных противников и перевели в разряд потенциального союзника. Повторюсь: проигрыш российских интересов определялся тем, что в китайской формуле трех сил, выраженной словами: "мы сами, наши враги и наши союзники", китайцы ("мы сами") всегда выигрывают за счет ущерба интересам союзников. Ибо союзники, в сопоставлении с врагом, всегда выступают силой второго разряда, а враги — первого, на то они и враги.

## ДАО КИТАЯ НА ВОЛНАХ ИСТОРИИ

Впрочем, правильное восприятие столь масштабных успехов современного Китая и, главное, его перспектив невозможно без уяснения той системы координат, в которой они действительно происходят.

Общепринято, что Солнце и Луна так воздействуют на Землю и человека, что физические и общественные про-

цессы периодически повторяются во времени, соотносятся с небесным кругом.

Воздействие активности Солнца на все жизненные процессы на Земле, включая всемирно-исторический процесс, описал основатель гелиобиологии А.Л.Чижевский. На огромном статистическом материале он выявил, что один цикл солнечной деятельности нечетен и равен, в среднеарифметическом выражении, 11 годам.

Наиболее же яркий и бесспорный пример такого воздействия — приливы и отливы: вызываемые силами притяжения Луны и толчков Солнца вынужденные периодические колебания воды в Мировом океане (а также гравитационного поля Земли и атмосферного давления воздуха). Еще в глубокой древности была замечена связь между колебаниями уровня моря и фазами Луны. Наибольшие приливы отмечаются в дни новолуний и полнолуний (когда Луна, Земля и Солнце расположены примерно на одной прямой линии), а наименьшие приливы бывают в дни квадратур (первой и последней четверти Луны, когда направления от Земли к Луне и к Солнцу образуют прямой угол).

У начала Великой Китайской стены в Шаньхайгуань максимальная высота прилива составляет 3-4 метра, а на другой стороне Бохайского залива у порта Байюйцзюань — до 10 метров. За семь лет моей работы в Бэйдайхэ единственный раз в марте 1998 года, когда новолуние почти совпало с весенним равноденствием, я сам наблюдал грандиозный отлив со значительным отходом линии уреза морской воды от обычно погруженного в воду основания первой башни Китайской стены.

Приливообразующие силы Луны (в пределах 40%) и Солнца (в пределах 10%) вызывают приливные волны (смещения воды от положения равновесия). Постоянные изменения положения Луны и Солнца относительно Земли создают неравенства величин прилива. Неравенство приливов имеет период "круга луны" — примерно 19 солнечных лет (кстати, генетический код человека выстраи-

вается также за 19 витков спирали ДНК, а 1 солнечный год примерно равен  $12^{3/7}$  лунного месяца или, если без непрерывной дроби, то 235 лунных месяцев = 19 лет). Приливные волны распространяются с востока на запад и, вследствие неравенства длительности суток солнечных (24 часа) и лунных (24 часа 50 минут), а также из-за торможения перемещения волны по поверхности океана преградами материков могут рассматриваться не как одно колебание в едином периоде, а как *сумма ряда гармонических колебаний различных периодов*. В разных точках земного шара эта сумма будет разной. Чем продолжительнее наблюдения над колебанием уровня и точнее статистика, тем для большего числа составляющих волн прилива можно вычислить гармонические постоянные. Такова точка зрения современной физики.

Напомню, гармоническими колебаниями называются периодические изменения физических величин, происходящие по закону косинуса или синуса. Графически они представляются кривой — синусоидой. Время одного полного колебания называется периодом, а размах колебания — амплитудой. При движении точки по линии окружности с постоянной угловой скоростью (цикл) проекция ее на прямую линию, лежащую в плоскости окружности, будет совершать гармонические колебания (выписывать синусоиду). За то время, как проекция точки на прямую линию совершит одно полное колебание, точка на окружности сделает один оборот.

Если сложный Путь исторического процесса в человеческом обществе (*Дао*), протекающий под Солнцем и Луной подобно безостановочному движению приливной волны (выталкиваемой из равновесия физическими силами небесных тел) представить как сумму ряда гармонических колебаний различных периодов, то цикл всемирной истории по-китайски должен быть общим кратным (*Дэ*) для четырех основных периодов, а именно: Периода гармонии, периода богатства, периода добродетели и периода долголетия. Именно эти четыре качества традици-

онно соотносены в Китае с благополучием человека, семьи и общества.

Гармония — это стройность в многообразии, слаженность различного, соразмерность неравновеликих частей целого. Так, в архитектуре гармоническое деление представлено "золотым сечением" ( $100\% = 62\% + 38\%$ ). А в музыке основной тип гармонического сочетания тонов в одновременном звучании — это аккорд (минимум три звука). Четное двузвучие не является аккордом и гармонию не составляет, гармония — это сложный спектр: чистый тон с призвуками. Несомненно, что минимум для гармонии — это число три. Если так, то период богатства выражается числом 4, добродетели — числом 5 и долголетия — числом 12 (минимальное число, кратное 3 и 4, но не кратное 5).

Вопрос теперь в том, что выбирать в качестве единицы масштаба этих периодов в циклах человеческой истории? С позиции метафизики природная и человеческая хронология должны иметь разный масштаб. Для природы масштаб исчисления времени носит природно-астрономический характер и равен году. Для человеческой истории за единицу масштаба следует брать продолжительность активной жизни одного поколения. Она исчисляется в годах, в прошлом неизвестна, а ныне составляет *примерно 20-30 лет* (по китайскому календарю — 20 лет, а у европейцев — традиционно 30 лет).

Именно в поколениях меряет историю Библия: "Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его; и так всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов" (Мф. 1 — 2,17). Специально отмечу, что в Писании речь идет о земной родословной Сына Божия, а потому исторический масштаб используется хотя и четный (земной) — 14, но кратный не человеческому — 6, а божественному — 7.

Раз так, то и долголетие конструкции власти (системы управления обществом) может измеряться в поколениях и должно быть связано с ростом и убылью благополучия.

Цикл полной перемены благополучия, считая в поколениях и логике вышеизложенного, равен: 3 — для гармонии; 4 — для богатства; 5 — для добродетели.

Отсюда наиболее быстрым изменениям подвержена гармония (соразмерность), которая нарушается за три поколения (приблизительно 75 лет). Третья сила (третье поколение) в связке с двумя неизбежно нарушает равновесие, создает вектор. По "Канону перемен" одна слабая линия в сочетании с двумя сильными перетягивает их и всю связку делает пассивной. Полная перемена гармонии, новое равновесие (силы делятся пополам, баланс) и новый цикл наступают с четвертым поколением (астрономически примерно через 60-90 лет, в среднем — 75 лет).

Разорение богатства происходит от накопления пассивной, непродуктивной силы. Происходит это в четвертом поколении, когда пассивная сила удваивается. Полная перемена и новый рост богатства наступают с вступлением в силу пятого поколения (астрономически примерно через 80-120 лет, в среднем — 100 лет). Если следовать "Канону перемен", то здесь одна сильная линия среди двух слабых одолевает их и делает связку опять активной.

Устойчивее всего благополучие добродетели. Крайний упадок добродетели в обществе наступает в пятом поколении, а новое равновесие (силы делятся пополам) и новый подъем (полная перемена) начинаются в шестом поколении (астрономически примерно через 100-150 лет, в среднем 125 лет).

При всесветной симметрии (чет) кардинальные перемены проистекают через сочетание трех сил (нечет) в связке из шести, а благополучий у китайцев четыре. Кардинальные перемены поэтому следуют в периоде долголетия (то есть долголетие — суть масштаб благополучия), имея в связке трех сил гармонию, богатство и добродетель (в упадке *Инь* или на подъеме *Ян* три благополучия дают шесть состояний) и наступают тогда, когда их синусоиды либо синфазны, либо занимают положение противофазы (то есть, в любом случае, каждая четко соотно-

сится с *Ян* или *Инь*). На этих отрезках происходят восстания, реформы, государственные перевороты, революции, смены общественного строя, то есть перерывы долголетия. Период долголетия равен двенадцати поколениям. На этой отметке впервые разные по продолжительности три периода накладываются, имея один в противофазе. Четыре полные трехфазные перемены благополучия гармонии проходят три полные четырехфазные перемены богатства. Только тогда период гармонии в фазе нарушения (*Инь*) совпадает с периодом богатства тоже в фазе упадка (*Инь*). При этом добродетель находится в противоположной фазе подъема (*Ян*), когда гуманность, справедливость и мудрость вызывают в сердцах людей к прекращению хаоса дисгармонии и разорения в обществе. Происходит обязательная упорядоченная перемена: одна сильная линия среди двух слабых одолевает их и вся связка становится *Ян*. Начало фазы одновременного подъема двух благополучий (гармонии и богатства) совпадает с вступлением в силу тринадцатого поколения. Добродетель же в это время переходит в фазу снижения: установление порядка вместо хаоса и перераспределение собственности протекают в жестких условиях, как правило насильственным путем. Астрономически период долголетия равен в среднем примерно 300 годам и в исторической статистике совпадает с продолжительностью так называемых "династических циклов" или, по конфуциански, со сроком полномочий "мандата Неба".

Поскольку, согласно китайской традиции, в пространственном отношении тройка соотносится с Востоком (Россия и мусульманский мир), четверка — с Западом (США и НАТО), а пятерка — с Центром (Китай), то *доминантой* в историческом цикле перемен благополучия для России будет период гармонии (три поколения), для Запада — период богатства (четыре поколения), для Китая период добродетели (пять поколений).

Период же долголетия, как масштаб времени, для всех стран и народов одинаков (двенадцать поколений) и со-



ставляет один полный династический цикл (20-30 активных лет жизни одного поколения умножить на 12 поколений равно, примерно, 240—360 лет). Например: на Севере — Великая Монголия — 338 лет (1206—1544), а первый хан единой Монголии Чингис-хан был потомком в 12 колена легендарного предка всех монголов Борте-Чино; на Юге — династия Великих Моголов в Индии (331 год, 1526—1857); на Востоке — династия Романовых в России (304 года, 1613—1917); на Западе — династия Стюартов в Шотландии и Англии (344 года, 1370—1714), во Франции — династия Капетингов (341 год, 987—1328), затем Валуа (261 год, 1328—1589); в Китае — династия Тан (289 лет, 618—907), Сун (319 лет, 960—1279), Мин (276 лет, 1368—1644), Цин, включая императора Пу И (301 год, 1644—1945). Династический цикл часто бывает неполным. Благополучие долголетия нарушается и посреди своего периода, одолеваемое другими силами в комбинации связи из шести сил, и говорят о полном династическом цикле, речь идет о максимуме долголетия власти. Примечательно, что круговорот истории по-китайски, как и в Библии, содержит одну из мер счисления — *поколение (дай)*. Так:

— 60-летний круг китайского календаря называется "Эра" (текущая началась в 1984 году) включает три поколения по 20 лет.

— Три эры (верхняя, средняя и нижняя), 180 лет, составляют "Цикл", который делится на 9 поколений (текущий Цикл начался в 1864 году и закончится в 2044 году, а текущее седьмое поколение этого цикла началось в 1984 году).

— 20 Циклов, 60 Эр, 180 поколений, 3600 лет составляют "Эпоху" — самый большой период в китайской системе летосчисления. Со времен Желтого императора (как самая ранняя точка отсчета китайского календаря традиционно фигурирует 2698 год до Р.Х.) миновала лишь одна полная эпоха (нынешняя вторая эпоха началась в 964 году после Р.Х., сейчас идет ее 6-ой цикл и 18-я эра, то есть уже прошло около трети).

Замечу, что в отличие от христианского летоисчисления, делящего историю на прямые отрезки "до" и "после" Рождества Христова либо на луч "от" сотворения мира, какого-либо заметного рубежа, "зазубрины" на винте времени между двумя китайскими эпохами нет. Примечательно лишь то, что циклы китайского летосчисления начинаются с первой в китайской истории династии Ся почти сразу после потопа, библейская дата которого — 2850 лет до Р.Х. Иными словами, все цивилизации мира имеют примерно одинаковый пятитысячелетний кругозор и с этим масштабом соизмеряют свои деяния.

Если же считать продолжительность активной жизни одного поколения для мировой истории средней между китайской мерой — 20 лет и европейской — 30 лет, то есть равной 25 лет, то полный период долголетия (12 раз по 12 поколений) и составит аккурат одну эпоху — 3600 лет ( $12 \times 12 \times 25 = 3600$ ).

То, что Западу соответствует число 4, Китаю — 5, а России — 3, прослеживается и из парадигмы (принятого людьми набора основных физических представлений) их мировосприятия.

Так, физическая картина мира в рационалистической западной мысли включает четыре элемента. Древние греки полагали, что мир состоит из четырех начал: земли, воды, огня, воздуха. В нынешних основах естествознания ученые утверждают, что, в части квантовой механики, мир построен из четырех взаимодействий (сил): сильного, слабого, гравитационного и электромагнитного. А в части теории относительности перешли к четырехмерному пространству-времени.

Китайская мысль, как изложено выше, традиционно придерживается пяти элементов. А русская мысль приняла православную картину творческого созерцания *целостности* мира, основанную на Божественной троичности Первопричины всех вещей, Живоначальной Троице. С достаточностью трех измерений мира видимого (для прямоугольной системы координат — три расстояния; два расстояния и один угол для цилиндра и одно расстояние и два угла

для сферы). С троичностью мира невидимого (Ум—Слово—Дух). Остановилась уже на тройке, как минимально достаточном устойчивом основании, и в натурфилософию не пошла. Тройка у русских присутствует от национально-государственной аллегии с "птицей-тройкой" до стойкой народной привычки выпивки "на троих".

Вопрос теперь заключается в том, как и от какой точки на привычной европейцу прямой линии счисления времени и с каким шагом лет в одном поколении развернуть синусоиды периодов гармонии (3), богатства (4), добродетели (5) и долголетия (12) китайского цикла всемирной истории. Делать это нужно по-китайски, а поэтому Рождество Христово брать за начало отсчета нельзя.

Корректнее всего было бы начинать счисление циклов поколений с разворачиванием их на прямую юлианского звездно-солнечного календаря (в 46 г. до Р.Х. объявлен государственным календарем Римской империи Юлием Цезарем) от первого года традиционного китайского календаря. Но эта отметка на винте времени поднимается к дням сотворения Неба и Земли на тысячелетия выше Рождества Христова. А точность хронологии с нашей позиции недоступна проверке на достоверность и подвергается сомнениям (см., например, теорию "новой хронологии" российского академика математики А.Т.Фоменко).

Однако, измерение истории циклами позволяет взять за точку отсчета любую удобную отметку, так как циклы повторяются, описывая круг за кругом (циклы, развернутые в периоды колебаний, см. на графике №3).

Не отходя далеко от наших дней, я взял за отметку начала отсчета периодов в цикле истории середину XIX века — Тайпинское восстание (1851), пришедшееся аккурат на конец пятого и начало шестого цикла второй эпохи традиционного китайского календаря и ознаменовавшееся его сопряжением в Китае с лунно-солнечным летосчислением. Здесь примечательно, что Книга Бытия Священного Писания указывает одновременно на три ориентира измерения времени: солнце, луну и звезды (Быт.1,14-16), что и ввели в традиционный китайский календарь тайпины.

Тогда в Китае завершился большой этап расцвета экономики, культуры, бурного роста населения (со 100 до 400 млн. чел.), военного могущества и широкой территориальной экспансии Цинской державы (присоединение Монголии, Восточного Туркестана, Тибета, Тайваня). На смену расцвету, длившемуся десять поколений (периоды "малого процветания" и "великого единения"), пришел период "установления хаоса".

Фаза подъема "малого процветания" пришлась на императорские правления под девизом "Шуньчжи" — "благоприятное и упорядочивающее" (1644—1662) и особенно "Канси" — "процветающее и лучезарное" (1662—1723).

Подъем "малого процветания" начался после восстановления порядка маньчжурами на месте хаоса продолжительного и мощного народного восстания, государственной измены, национального предательства и политической смуты среди китайских военачальников и чиновников развалившейся династии Мин.

Пик благополучия в Срединном государстве ознаменовался присоединением к империи очищенного от голландцев Тайваня (1683) и единственной за всю историю победой Китая над Россией под Албазином (1685).

При стабильности власти и неизменных ставках умеренных налогов начался период "великого единения", пришедшийся на правление под девизом "Цяньлун" — непоколебимое и славное (1736-1796) и далее. Благополучие же в государстве перевалило в фазу падения. Она ознаменовалась завершением этапа военных побед сокрушительным поражением в походе на Бирму (1768), последующим династическим кризисом, разложением госаппарата коррупцией, навязанным англичанами ввозом опиума, проходивших на фоне прогрессирующего демографического взрыва (роста добродетели).

Следует подчеркнуть, что период "великого единения" в китайском восприятии времени, как счетчика регистрации номеров событий в циклах, есть повторение "высокой древности" не в качестве линейного развития "малого

процветания" в богатстве и гармонии до изобилия и совершенства, а в качестве соответствия жизни общества замыслу добродетели, суть которой — правильные взаимоотношения в семье и многочисленное потомство. На этом стоит национальная система духовных ценностей. То есть лучшим периодом в жизни китайского общества с высокой фазой и богатства, и гармонии, и добродетели выступает средний период "малого процветания", а не крайний период "великого единения" в добродетели, срывающийся в другую крайность — "установления хаоса".

Начало периода "установления хаоса" (а фаза снижения идет вниз с пика подъема через пик падения до баланса) ознаменовалось образованием тайпинами "Небесного государства великого благоденствия" (1851-1864). На остальной территории одновременно с ним китайцы жили при императорском правлении под девизом "Сяньфэн" — "всеобщее изобилие" (1851-1861). В 1864 году, когда государство тайпинов пало, начался новый, 6-й цикл традиционного китайского календаря.

Центростремительная сила *Инь* тогда доминировала в связке сил и начала затягивать в центр (Китай) идеи, получившие развитие за рубежом (на окраине). Тайпинское государство было пиком подъема добродетели: отмена рабства, равноправие женщин, равное распределение земли,— при начале хаоса, дисгармонии и разорения богатства в целом по стране. Сначала некитайская, христианская идея равенства у тайпинов, затем западные идеи буржуазной демократии и либерализма синьхайской революции и, наконец, европейский марксизм-ленинизм, подправленный "идеями Мао Цзэдуна" при коммунистах.

Период "хаоса" (полной перемены добродетели от иностранной опять на китайскую) длился 126 лет (пять поколений) — вплоть до реформ Дэн Сяопина. Затем, с 1978 года начался период доминирования силы *Ян*, центростремительного ускорения, роста китайского влияния на окраинный мир, то есть очередного "малого процветания".

Шаг же периодов благополучия в исторических циклах я взял из православной пасхалии: это 28-летний круг

Солнца. Через 28 лет юлианского календаря происходит повторение чисел месяцев и дней недели. Это как раз и важно для пасхалии — ежегодного духовно истинного, с учетом равноденствия (день равен ночи) и полнолуния, празднования соединения времен и сроков седмицы сотворения мира, точно совпадающих с седмицей страдания и воскресения Спасителя.

Духовная истинность православного исчисления сроков подтверждается ежегодным схождением Благодатного огня на каменную плиту Гроба Господня в храме Воскресения Христа в Иерусалиме лишь в день Великой Субботы днем примерно в два часа пополудни накануне православной Пасхи.

Стремление увидеть предустановленную гармонию мира, эту предполагаемую сокровенную взаимосвязь Целого, есть цель настоящего научного знания. И история, если хочет быть наукой, владеющей методом не только сравнения, но и расчета, должна быть не архивом бухгалтерских реестров случайных событий и дат, но точным инструментом раскрытия числовых, математических законов безупречной гармонии мира. У европейцев "наука есть знание об измеримом". А у китайцев "случайное в сущности необходимо".

Для измерения времени современной наукой принята лишь одна эталонная единица — секунда (за эталон длительности с 1954 года принята секунда на момент 1 января 1901 года, а конкретная дата выбрана потому, что астрономическая длительность суток возрастает на 1,64 миллисекунды за 100 лет). В понятиях современных физиков возраст Вселенной составляет десять в минус сорок третьей степени секунды до появления квантов и в многих и многих степенях после. Такое невообразимое линейное понятие времени зиждется на представлении о неизменности скорости света и частоты радиоактивного распада атомов. Отсюда и возникает представление о миллиардах лет эволюции, а не миллионнократной скорости процессов в начале времен.

Однако время для истории людей — это, строго говоря, не одна только чистая физическая длительность (Ньютон). Но и сроки (начало—конец) очевидных ритмов (размеренных чередований) в циклах движений и выбросов энергии солнца, луны и звезд. А главное, производных от них сельскохозяйственных сезонов, "в поте лица" дающих пропитание, и других этапов обыденной земной жизни, которые зафиксированы людьми в календарях для своих практических целей. Для составления календарей используется не физика (длительность событий может быть растянута или сжата), а математика (порядок последовательности событий определен причинно-следственными связями).

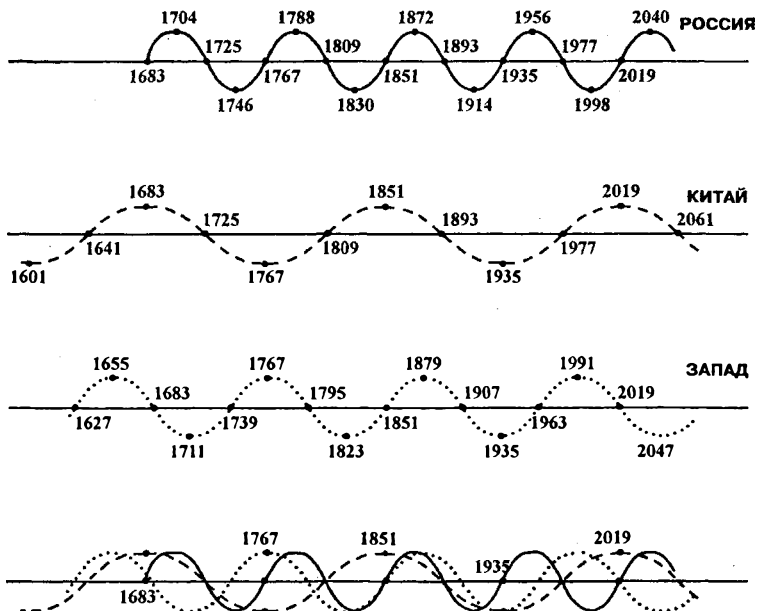
Математика — наука о бесконечном. Ее целью является постижение человеком, который конечен, Бесконечного с помощью знаков. Вспомним бесконечное иррациональное число  $\pi$ . Именно математика открывает для мыслящего человека путь к иррациональному источнику закономерной гармонии мира — Создателю.

Мир же устроен как сложная система зависимых переменных. Притом, с очевидностью, как система циклическая, суммирующая ряд ритмических колебаний более или менее правильного периода в величинах дней, месяцев, лет, поколений, эр, эпох. А взаимодействие циклической природы с человеком разумным и составляет историю. Поэтому применение к историческому процессу математики периодов и фаз гармонических колебаний я полагаю правомерным.

Еще в начале XX века на "закон смены поколений через 28 лет" через примеры выдающихся личностей обратил внимание поэт В.В.Хлебников. А кривые колебаний всемирно-исторического процесса в цикле солнечной активности построил ученый А.Л.Чижевский. Понятие абсолютной свободы воли исторических личностей и, соответственно, торжества случайного в истории пошатнулось. Если смоделировать периодичность подъемов и падений благополучия в истории трех мировых цивилизаций с использованием линий синусоид, опирающихся на нумеро-

логию китайской традиции и на ритм "круга солнца" православной пасхалии, то можно получить картину, иллюстрированную графиком № 3.

*График № 3. Гармоники перемен благополучия*



Если же вернуться к высказанному ранее предположению о том, что в конфуцианских исторических циклах Китай вскоре после смерти Мао Цзэдуна с 1977 года вступил в период "малого процветания", то к 2019 году следует ожидать (конечно, в новом прочтении) повторения ситуации, наблюдавшейся приблизительно в 1683 году (а это — поражение России от китайцев в Сибири под Албазином и первое присоединение острова Тайвань к китайской империи). Таков наш прогноз на основе реконструированной традиции и одновременно — стратегическое предупреждение всем директивным органам и заинтересованным лицам (см. график № 3).



### ПОЯСНЕНИЕ К ГРАФИКУ №3

Синусоиды периодов резонансно принципу конструкции власти характеризуют именно состояние благополучия общества. Войны и революции как времена разрешения противоречий истории не выходят на пиковые моменты благополучия власти и общества, а приходятся на участки либо подъемов, либо падений этого благополучия. Пиковые же моменты благополучия или неблагополучия общества есть не точка, а некоторая длительность, составляющая 3 года (этот масштаб продолжительности максимумов присутствует в солнечных исторических циклах А.Л.Чижевского).

Благополучие для Российской цивилизации — есть фазы установления гармонии между азиатской и европейской частью ее самости в ключе имперской державности.

Так, пики благополучия державы в фазах евразийской гармонии приходятся на:

- 1704 ( $\pm 3$ ): правление Петра I Великого (1689-1725);
- 1788 ( $\pm 3$ ): правление Екатерины II Великой (1762-1796);
- 1872 ( $\pm 3$ ): правление Александра II Освободителя (1855-1881) ознаменовавшееся как Великими реформами (отменой крепостного права), так и присоединением к России Кавказа, Казахстана, Средней Азии, Уссурийского края;
- 1955-57: Советская империя. Фаза 1935-1977 включает: сталинские пятилетки и Великую победу, хрущевский рывок в космос, брежневскую сверхдержаву.

Пики неблагополучия в фазах дисгармонии евразийского курса выпадают на:

- 1662 ( $\pm 3$ ): раскол русской православной церкви при Алексее Михайловиче (1645-76);
- 1746 ( $\pm 3$ ): падение шло при Анне Иоанновне (1730-1740) в форме иностранного засилья "бироновщины", а подъем — при Елизавете Петровне (1741-1761);
- 1830 ( $\pm 3$ ): правление Николая I (1825-1855) вылившееся в режим казарменно-полицейской диктатуры, реакции, гонений и расправ.
- 1913-15: правление Николая II (1894-1917) при котором держава пришла к катастрофическому состоянию;
- 1997-99: правление Ельцина (1991-1999). Падение ознаменовалось "перестройкой", а подъем внутри фазы дисгармонии уже начался.

Благополучие / неблагополучие для Китайской цивилизации, как уже изложено выше,— есть этапы перемен добродетели в государстве.

Пики благополучия государства в фазе торжества добродетели приходятся на:

— 1683 ( $\pm 3$ ): правление императора "Канси" (1662-1723);

— 1851: установление "Небесного государства великого благоденствия";

— 2019 ( $\pm 3$ ): цели программы "модернизации и наращивания" Дэн Сяопина, принятой в 1978 году на 40 лет, должны быть достигнуты.

Пики неблагополучия в фазе недостатка добродетели в обществе:

— 1767 ( $\pm 3$ ): правление императора "Цяньлун" (1736-1796);

— 1934-36: поражение Китайской Советской Республики и Великий поход, марионеточная империя Маньчжоу-го (1932-45), развал в гоминьдановских районах. Выправление неблагополучия началось при Мао Цзэдуне и перевалило в фазу возвышения добродетели в 1976-78 годах.

Благополучие для Западной цивилизации — это фазы экономической мощи с бумами накопления богатства, а неблагополучие — фазы стагнации и разорения.

В XX веке пик неблагополучия пришелся на 1932-1935 годы: конец всемирного экономического кризиса и Великой депрессии. Баланс был пройден в 1962-1963 годах ("карибский кризис"). А пик благополучия выпал на 1991 год: триумф экономической и военной мощи Запада над вконец ослабевшим Востоком (рухнувшей Советской империей и поверженным исламским Ираком). Падение внутри фазы мощи уже началось и перевалило в фазу разорения в 2019 году.

На нижнем графике наложения периодов — годы указывают точки их сопряжения в синфазе и противофазе, отстоящие на 74 года — три "солнечных круга" по 28 лет.

## ЗОВ СЕРДЦА И ГОЛОС КРОВИ

В глубинах человеческой природы гораздо больше общего, чем различного. Однако яркие факты китайской инаковости позволяют говорить о специфике китайской души и анализировать эту специфику.

Поскольку люди разумны, они соединяются в общество не только и не столько инстинктами тела, сколько умом и сердцем. В конфуцианской традиции за тело ответственно *Инь*, а за сознание — *Ян*.

Ум — это интеллектуальное сознание, производство идей, искание и открытие новых мыслей, рациональное постижение. Ум связан с душой. Помрачение ума — это душевная болезнь.

Сердце — это эмоциональное постижение. Понятие «сердца» занимает центральное место в мистике, в религии и поэзии всех народов. В Библии "сердце" упоминается очень часто; это орган духа, того, что побуждает к действиям, и всех чувств вообще. Оно же — орган воли, который принимает решения. В сердце помещается такая функция сознания, как совесть, "инстинкт правды", "закон, написанный в сердцах". Из сердца исходят как желания ("я хочу"), так и страх ("я должен"); как добро, так и зло; как ненависть, так и любовь. Сердце может быть и бесстрастным. Из сердца же исходят внутренние чувства стыда, жалости, справедливости, зависти, гордости...

Ум и сердце составляют единство сознания, целостность и стержень личности, неповторимую душу. Душа единична по существу и троична в проявлениях доступных восприятию: ум-мышление; память — слово — чувства; дух-воля. В разуме — познавательная способность души, в слове — запечатлевающая и оценивающая, в воле — желательная.

От того, как люди мыслят и как соединяются сердцем в своем общении, зависят их взаимоотношения друг с другом, их поведение, их целеполагание, производительность их труда, дисциплина, организация и результаты хозяйственной деятельности.

Цель мобилизует колеблющуюся волю, заставляет принимать решения исходя из перспективы, оправдывает усилия и жертвы на преодоление трудностей. Человек размышляет, взвешивает, колеблется и решает по велению души и влечениям тела. Слушает "зов сердца" и "голос крови".

В соответствии с христианской доктриной, "душа тела в крови" (Лев 17,11), и этим объясняется «голос крови» на генетическом уровне.

Для удобства уяснения различия цивилизаций через их сопоставление я составил таблицу некоторых приоритетов или характерных векторов приверженности тела, ума и сердца на Западе, в Китае и России. Что называется: «душой и телом», «плотью и кровью», «умом и сердцем». Таблица субъективная, поверхностная (доступна для проверки) и преднамеренно форсированная в направленности особенного.

ТАБЛИЦА ПРИОРИТЕТОВ ТЕЛА, УМА И СЕРДЦА

ЗАПАД	КИТАЙ	РОССИЯ
центробежный	центр	центростремительный
активный	безразличный	пассивный
ускорение	устойчивость	торможение
натиск	равновесие	сопротивление
положительный	нулевой	отрицательный
выталкивание	индифферентность	поглощение
деятельный	безучастный	созерцательный
секс	голод	холод
бодрость	благополучие	здоровье
движение	покой	действие
энергия	потенциал	заряд
соблазн	сила	страх
мышление	память (опыт)	воля
бесчувствие	чувства	предчувствие
дробный	симметричный	цельный
либеральный	нетенденциозный	консервативный
потребности	интересы	идеалы
деньги	власть	слава
малодушие	равнодушие	великодушие
закон	ритуал	целесообразность
капитал	роскошь	удовольствие
мысли	образы	эмоции
рационально	интуитивно	иррационально (и по совести)

методично	традиционно	оригинально
примитивный	изохренный	простой
четкость	намек, умолчание	пространность
точно	скрупулезно	приблизительно
наука	ремесло	культура
личность	семья	община
одиночно	толпа	очередь
демократия	бюрократия	аристократия
конкуренция	клановость	солидарность
свобода	братство	равенство
моноактивный	реактивный	полиактивный
намеренно	рок	ненаароком
делание	бесстрастие	покаяние
оптимизм	смирение	пессимизм
в темпе	не спеша	рывками
быстрый	неподвижный	медленный
земной	человеческий	небесный
протестантизм	конфуцианство	православие
богатство	добродетель	гармония

С опорой на координаты китайской традиции западную цивилизацию следует подвести под символ образа "Тигра" (энергия), китайскую — под символ образа "Дракона" (сила). А российскую — под символ образа "Змеи" (воля). На долю остальных цивилизаций планеты приходятся оставшиеся девять традиционных китайских символов-образов животных (суть качеств натуры).

Если же названные 42 характеристики китайской инаковости подвести под обобщающий, единый, наивысший математический символ, то это будет число пять. Число пяти фаз мирового цикла по-китайски.

— Это и число элементов (стихий) картины мироздания, созданной китайской мыслью (дерево, почва, вода, огонь, металл);

— и число нот, на которых строится симфония внутренних чувств в китайской музыке — пентатоника;

— и число костяшек в пятеричной системе китайских счетов;

— и число китайской градации чистого цвета (синий, красный, желтый, белый, черный);

— и число черт, кодирующих информацию слов в иероглифическом виде (горизонтальная, вертикальная, наклонная влево, наклонная вправо, точка);

— и число внешних телесных чувств (света, звука, вкуса, запаха, осязания);

— и число вкусовых ощущений (сладкий, кислый, горький, острый, соленый).

Иными словами, вся китайская специфика, расположенная под рубрикой духовного — *Ян*, пятеркой сознательного в консонансе совпадает с пятеркой телесного — *Инь*. Здесь и зарыт корень китайской срединности и постоянства.

Загадочная же русская душа резонирует числом *три* (принцип некратности небесной первопричины), а рациональная душа Запада — числом *четыре* (земной квадрат). Их музыка построена на общем основании семи нот, а живопись — на семи цветах спектра солнечного света. Семерка в симфонии внутренних чувств диссонирует с телесной пятеркой внешних чувств. Этот диссонанс и проявляется, соответственно, в правом (небесном) и левом (земном) смещении характерных векторов устремлений «души и тела» людей русской и западной цивилизации от сбалансированной человеческой середины, занятой китайцами.

По части ума душа открывается через символы математики, а в части сердца — музыки.

Специфика китайского ума — это поиск *третьего* в рациональном постижении пути к цели.

Специфика китайского сердца — это стремление следовать *в лад* добродетели, как смысл пути.

Если бы у меня было хоть какое-нибудь музыкальное образование, то я продолжил бы попытку описать трепет китайского сердца в символах музыки, как наиболее адекватных сложности избранного предмета описания, но — увы!

"Было бы нелепо играть свадебные мелодии на похоронах", — замечал Конфуций. Неоконфуцианцы полагали,

что музыка через резонанс с душой должна упорядочивать поведение людей. Как и что должно быть, объяснял конфуцианский Канон музыки, но текст его утрачен. Поэтому мне остается лишь порассуждать о "зове китайского сердца" в понятиях психологии.

Общество приучило нас опираться на определенные понятия и ценности, и кросс-культурные проблемы возникают потому, что "опоры" разные. Более того, понятия универсальны, тогда как представления, кроющиеся за ними, индивидуально различны, да еще и ограничены в опыте словарем языка. Поведению нетрудно подражать, до некоторой степени можно имитировать некоторые особенности речи, но ход мысли и приоритеты воли — это совсем другое дело. Их нельзя увидеть, невозможно услышать; обычно нам, если и приоткрывают их, то с явной неохотой или с притворной искренностью.

Итак, *наипервейшая* характеристика психологии китайцев — это осознание "лица", суть — чувство собственного достоинства и достоинства других. "Лицо" — то глубоко личное, что идентифицирует душу. Ведь личное можно "уловить" только в личном общении, "лицом к лицу". "Лицо" уникально, и поэтому в любой ситуации взаимоотношений с другими людьми нужно "сохранять лицо", а "потеря лица" — недопустима!

"Лицо" держится на добродетелях сердца, которых у китайцев пять: *гуманность, справедливость, долженствование, мудрость и верность.*

*Суть добродетели состоит в том, чтобы делать то, что правильно, а не то, что логично.* В этом же состоит и приверженность китайцев к традиции.

Правда, способная "загнать в угол", причиняет зло личности, означает "потерю лица", что равносильно гражданской смерти, — ведь с этим "лицом" придется жить дальше в окружении своего клана, друзей и врагов. Поэтому ритуал уважения для китайцев предпочтительнее рационального поиска истины.

Я это особенно сильно почувствовал, когда китайские власти внезапно лишили меня вида на жительство и вы-

гнали из страны. Они сделали так, чтобы я не ощущал "потери лица" и не озлобился. Разбирательства деталей моей деятельности в КНР и поиска правды не было. Просто мне было формально объяснено, что спустя восемь лет после роспуска СССР китайские власти не признают моего советского дипломатического паспорта (а другого загранпаспорта у меня в 1999 году не было). Но, тем не менее, не привлекают меня ни к административной, ни к уголовной ответственности за нарушение паспортного режима и пассивное пользование дипломатическими преимуществами и привилегиями в бизнесе. Я был объявлен "персоной нон грата" и был изгнан из Китая с полным почетом и уважением старого статуса (который и послужил поводом для изгнания).

Со смыслом "сохранения лица" связана и такая особенность китайцев, как склонность к безличному характеру дискуссий, непроницаемости и отсутствию контакта глаз. Примечательно, что русские в личном общении привержены к местоимениям, а на Западе в той же ситуации принято использовать имена.

Образец правильного поведения — семья, которая выступает основанием китайского общества. Приоритет большой семьи и клана над личностью запечатлен в китайских именах, где фамильный иероглиф предшествует имени. Семья держится на соблюдении "пяти постоянных". Отец умудрен жизнью и должен быть справедлив. Мать — источает милосердие и верность. Старший брат должен заботиться о младшем. Младший брат должен слушаться старшего. Все дети должны почитать родителей и уважать всех старших. Наихудшее наказание для китайцев — не иметь потомства, то есть быть лишенным родительского почитания. Патриархальной традицией является стремление обязательно иметь наследника мужского пола. А лучшая награда — долгая жизнь в кругу многочисленной семьи и естественная смерть в глубокой старости.

Достижение гармонии во взаимоотношениях лиц в семье, клане, обществе (слаженности различного, сораз-



мерности неравновеликих частей целого); обходительность и достижение консенсуса, а не реализация амбициозных личных целей в противовес всем, — вот смысл и главная ценность бытия китайцев. Представления же об индивидуальности вне человеческих отношений бессмысленны.

*Второй* характеристикой психологии китайцев выступает чувство иерархии, которая упорядочивает положение "лица" во взаимоотношениях с другими "лицами" и образует семейные и клановые связи ("гуаньси"), снизу доверху связывающие "лица" круговой порукой сообразно с занимаемым в иерархии местом. Общество-паутину со строгой иерархией моральных и социальных обязанностей как по вертикали, так и по горизонтали составляют связи, образовавшиеся в семье, потом в средней школе, университете, учреждении или компании ("даньвэй"). А возраст и старшинство в этой паутине имеют не только привилегии, но и обязанности. Структура "общества-паутины" при "работе в сети" своей страны дает китайцам преимущества над иностранцами-индивидуалистами, не имеющими подобной опоры и не способными "тянуть связи", уходящие на разные уровни общества.

Китайское понимание неременной ответственности не только отца за сына, но и покровителя — за рекомендуемого я очень хорошо прочувствовал, когда китайцы серьезно требовали от меня выполнения финансовых обязательств по сделке, к которой я юридически не имел никакого отношения. Требовали только на том основании, что эти обязательства по сделке с китайской стороной не выполнил мой младший партнер (другое по отношению ко мне юридическое лицо).

Справедливость такого требования не укладывалась ни в моей голове, ни в нормы контрактного права, но для китайцев европейская логика моей непричастности не имела значения. Раз партнер — значит клан, а клан связан круговой порукой. Китайцы могли списать финансовые убытки, но не могли стерпеть, что их грубо «надули» иностранцы и они «потеряли лицо» прежде всего перед

своим окружением, как простофили в бизнесе. "Сохранить лицо" законным путем через суд было невозможно — не было предмета иска, и тогда китайцы напрягли нужные связи и изоощренными ударами по самолюбию иностранцев заставили моего партнера испытать чувство глубокого унижения, а меня — чувство морального дискомфорта, заставившее разорвать с ним все отношения. Так китайцы компенсировали свои финансовые потери и "сохранили лицо".

Чувство иерархии у китайцев составляет суть *гуманности*. Осознание природного неравенства положения "лиц" обеспечивает стабильность общества точно так же, как и в семье. И иероглифический символ гуманности (仁) объединяет смыслы человека и числа два в иерархии верхней и нижней единиц неодинаковой величины. То есть правильное взаимоотношение людей есть иерархия высших и низших (принцип пирамиды, на верху которой — высший руководитель, император). Так одним иероглифическим символом передается у китайцев сама идея гуманности.

Для сравнения, в римской цифре "два" единицы расположены рядом, вертикально, что подчеркивает их равенство между собой (II). А абстрактная гуманность, которую человек не в силах вообразить и может только понять, толкуется на Западе пространно фолиантами слов, в том числе и такими: "признание ценности человека как личности, его права на свободное развитие и проявление своих способностей, утверждение блага личности как критерия оценки общественных отношений".

*Третьей* характеристикой психологии китайцев выступает чувство смирения. Китайский символ смирения — человек в лодке без весел. Течение реки времени определяет жизнь человека. То есть традиции, государство, природа определяют путь жизни, поэтому весла человеку особенно и не нужны, достаточно руля. Сколько ни выгребай против течения (а в Китае и Вьетнаме против течения часто гребут ногами), но как только сделаешь передышку, течение обязательно понесет тебя за собой.

Примечательно, что китаец, плывущий вниз по течению реки жизни, сидит в лодке лицом к пройденному пути и спиной к предстоящему, ожидаемому. Будущее у китайцев находится со спины, течет им в затылок, на котором нет глаз, и потому оно неизвестно и бесполезно для задач настоящего момента. А зримое, уходящее вдаль и скрывающееся за поворотом прошлое influentially, так как у него можно учиться извлекать пользу в настоящем и готовиться к неизвестному. Сам же путь — вовсе не прямая дорога, идущая от наших ног вверх к горизонту. Не путешествие вперед к цели со стремлением сделать так, чтобы будущее в намеченный срок сбывалось. Не прямая линия от начала к "концу жизненного пути", попросту разбиваемая на отрезки для облегчения планирования. Китайский путь — это устремленное вниз по извилистому руслу течение в излучинах, поворотах и изгибах, ведущее человека через местность и обстоятельства, очень похожие на те, которые скрылись за предыдущим поворотом. Кривая реки жизни в форме буквы "S" — это, по сути, развернутый в линию синусоиды цикл.

Люди Запада (особенно американцы) считают время, когда не принимались какие-нибудь решения или ничего не сделано, попусту растроченным. Китайцы же не считают такое время потерянным. Они видят время, скорее, бегущим по виткам пружины, на которых могут возникать те же самые возможности, рискованные ситуации и опасности, что и на предыдущих витках, и сейчас, но к предстоящим временам человек станет мудрее.

Согласно китайскому восприятию, события в большей мере провоцируются ситуацией, чем являются результатом намеченного наперед плана. Время здесь выступает как полезный для практики счетчик регистрации номеров событий в поворотах циклов. Таков традиционный китайский календарь, отмеряющий в циклических знаках не длительность, а порядок последовательности времен.

Наблюдая циклическое время, китайцы менее самонадеянны в своих планах на будущее, поскольку полагают,

что будущим невозможно всецело управлять и что люди облегчат себе жизнь, придя в гармонию с законами и циклическими событиями природы. Правда, планирование в общей форме возможно, так как смена времен года, фаз луны, восходов и закатов солнца строго регулярна. Отсюда одинаковое с Западом построение коммерческих структур на основе линейного времени, соотношенного с ценностями: повременная оплата, рента, кредит, процентный доход, амортизационные отчисления, страховые взносы. Однако для всех людей остается непреложным тот факт, что землетрясения, смерчи, шаровые молнии, восстания, финансовые кризисы, авиакатастрофы и тому подобные проявления стихий и комбинаций случайных факторов по времени события непредсказуемы.

Смирение китайцев перед течением реки жизни проявляется в их реактивности, в том, что они редко иницируют действия или дискуссии, не торопятся раскрывать свои карты, предпочитая сначала выслушать и выяснить позицию других, затем откликнуться на нее и сформулировать свою собственную. Китайцы думают и говорят не одновременно, то есть думают молча. Поэтому предоставление китайцу достаточного времени для обдумывания ответа является ключом к достижению прогресса, каким бы медленным он вам ни казался.

Это справедливо как для коммерческих переговоров, так и для оперативного управления хозяйственной деятельностью предприятия. Так, мой китайский заместитель по гостинице в Бэйдайхэ всегда слушал мой монолог в полном молчании, как лекцию, и реагировал на какие-то мои организационные предложения и замечания по делу лишь после долгих размышлений на следующий день, да и то лишь после того, как я специально спрашивал о его мнении.

Смирение китайского сердца проявляется и в способности к кропотливой и монотонной работе в мелких формах (например: в создании изящных безделушек), в невозмутимости в жизненных коллизиях, в терпении, позволяющем "пересидеть" невзгоды, трудные или тупиковые ситуации.

В Китае не принято выступать против начальства. И это — бесспорный пример смирения китайской души.

Наверное, "разрядкой" от гнетущей китайцев пята смирения (*Инь*) можно объяснить и склонность их к бессмысленным издевательствам над другими людьми как оборотному смирению средству собственного самовыражения и морального удовлетворения в чувстве хозяина положения. В этом же ряду естественных противоположностей смирению находится и порой исключительно острая реакция китайцев в форме бунта (*Ян*) на эмоционально окрашенные моменты, а также их всплески ничем не оправданной жестокости и насилия.

*Четвертой* характеристикой психологии китайцев выступает прагматизм как тип поведения, предполагающий ориентацию на практически полезный результат и силу. Однако китайский прагматизм не чета западному. Китайское сердце тянется к богатству. Но если для Запада богатство — это количество денег, то для китайца — качество жизни. Показателем богатства на Западе выступает капитал. У китайцев же в ориентирах качества жизни богатство — это роскошь, а среди роскоши главная — это роскошный гигантский обед. И именно многочасовой китайский обед более всего контрастирует с быстрой и примитивной едой американских миллионеров. Для сравнения, в России человек, если живет в достатке, то и без роскоши или капитала уже ощущает себя богатым.

Прагматизм в бизнесе означает, что китайцы всегда используют все свои карты: и те, что в руках, и те, что в рукаве. Следует помнить, что и китайская вежливость, обходительность, гостеприимство и щедрые угощения, подарки, развлечения и рассудительный, скромный стиль обсуждения вопросов — являются прагматичной тактикой для достижения при любой возможности непреложного преимущества.

Приземленный в устремлениях прагматизм китайцев пренебрегает возвышенными категориями морали, равнодушен к правде, но всегда принимает во внимание силу. Поэтому лучшая политика во взаимоотношениях с кита-

цами — это политика с позиции силы, которая не применяется, но демонстрируется. Отсутствие же демонстрации вашей силы приводит, в конце концов, к выказыванию китайского пренебрежения.

Именно прагматизмом я объясняю и то, что очень многие уголовные и гражданские дела в Китае решаются в соответствии не с буквой закона, а с личным пониманием сути этого закона тем или иным чиновником, облеченным властными полномочиями. Причем не только на местах, но и на высоком уровне. Китай — это страна, в которой начальники поступают так, как им прагматически заблагорассудится.

Мне довелось участвовать и на стороне истца и на стороне ответчика в нескольких судах и арбитражах. Из этой личной судебной практики я и вынес названное мнение. Подтверждением же прагматичному подходу судей к тяжбам является обычная в Китае практика бесконечного откладывания рассмотрения дел и оставления их вовсе без какого-либо судебного решения в случаях, если судью не устраивает решение, которое он обязан вынести в соответствии с законом. Часто причиной этого является сила денег, влияние связей ответчиков или даже простое патриотическое нежелание выносить решение в пользу иностранца. Так или иначе, в реальной жизни у китайцев сила всегда стоит и выше правды и выше права.

*Пятой* характеристикой чрезвычайно исторического самосознания китайцев выступает чувство снисхождения, а порой и презрения к иностранцам. Неравенство лежит в основе картины мира у китайцев, в которой они занимают центр. Срединное государство — страна не только самой большой численности населения в мире, но и самой древней из ныне живых цивилизаций на планете, изумительные достижения которой по многим параметрам не имеют себе равных в мире. Поэтому в глубине души китайцы убеждены в исключительной самобытности центра, одна из сторон которой — интеллектуальное, моральное и культурное превосходство над жителями окраины.

Китайцы за глаза считают иностранцев вообще неполноценными, беспринципными, нетерпеливыми, грубыми, продажными и вероломными. По существу — "дьяволами" с белыми лицами (в китайском театре белое лицо — символ порока). При этом в Китае очень хорошо относятся к конкретным людям из-за рубежа. Китайцы вежливы и гостеприимны к ним и даже в современном термине "иностранец" ("лаовай") употребили смысл "почтенный обитатель окраины", признавая превосходство иностранцев в технологии и сноровке. Однако смысл полного китайского термина "иностранец" (*вай го жэнь*) обычно трактуемый не китайцами, как "человек *извне*", в логике противоположностей должен был бы иметь контрсмысл "человек *изнутри*" (*нэй*), но в жизни-то самоназвание китайцев другое: "человек из *центра*" (*чжун*). Смыслу "центр" противоположен смысл "окраина", и так в китайской душе формируется легкое ощущение возвышенного превосходства как бы "столичного жителя" над жителем провинции "этой планеты".

В ключе чувства морального и культурного превосходства китайцев над иностранцами и отмщения за "потерю лица" предков можно воспринимать и всеобщее ликование нации по поводу возвращения Гонконга в состав КНР, названного в материалах отдела пропаганды ЦК КПК "избавлением от столетнего позора".

В этом же ряду находится и факт обособленности китайских общин за рубежом. В Монреале, Нью-Йорке или Москве китайцы не читают местных канадских, американских или российских газет, они живут в рамках своих землячеств и читают издающуюся в стране пребывания иероглифическую прессу, всегда освещающую и события в Китае и дающую китайскую оценку событиям за рубежом. И если китаец при этом смеется, то его смех чаще всего выступает проявлением недоумения или презрения к иностранному, ибо другой источник смеха — иностранный юмор — для китайца совершенно невозможен.

Китайцы обычно очень стремятся получить иностранный вид на жительство. Выходцы из привилегированных

слоев, имеющие определенный уровень образования и связей в обществе, решают эту проблему путем брака с иностранкой, но характеризуют это не иначе как "патриотическое действие", как использование иностранцев в китайских целях. Другой популярный способ приобретения иностранного гражданства — через получение статуса беженца, пострадавшего от нарушений "прав человека" в Китае. Однако тех китайцев, кто искренне и последовательно выступает с критикой существующего в Китае положения в области прав человека, большинство "беженцев" называют "предателями Родины".

Получив иностранное гражданство, китайцы очень активно получают образование и быстро продвигаются в структуре бизнеса и в общественных стратегических организациях. Однако практически любой китаец — это такой человек, который может жить за границей, честно платя налоги, всю жизнь, но когда Родина попросит, он сделает для нее все, что сможет.

Я был свидетелем, когда, уйдя на покой, американские миллионеры китайской национальности, родившиеся и разбогатевшие в США, приезжали в Китай, покупали недвижимость и обосновывались заново с тем только, чтобы умереть на Родине предков. А состоятельных китайцев, на закате жизни перебирающихся на жительство на китайский материк из стран Азии,— тысячи.

И в деятельности китайских христианских общин, по свидетельствам самих китайцев, слова священников и прихожан часто расходятся с делом. Видимо, отчасти это можно объяснить тем, что искренне усвоить духовные ценности иностранного происхождения китайцам не так-то легко.

Для сравнения замечу, что тогда как китаец, где бы он ни был, всегда остается китайцем, то русский не везде остается русским, в эмиграции он уже зачастую другой. Только особенно крепкие духом православные староверы где-нибудь в Бразилии, как и китайцы, живут замкнутой общиной и внешне подчеркнуто сохраняют ношение русской окладистой бороды и сарафана. Однако глубокая



разница русских с китайцами заключена именно в отношении к иноверцам и инородцам. Русский извиняет их инаковость, а китаец к ней снисходителен.

Глубоко укорененный на Западе европоцентризм исходит из уверенности в том, что Запад есть единственная цивилизация, а все остальные культуры — это недоразвитый Запад ("развивающиеся страны"). При этом "на вершину развитости" возведена жизнь индивидуума, которая, якобы, есть высшая и абсолютная ценность. В русской же цивилизации идеи центризма нет потому, что для православных важнее спасение души, чем земная жизнь. У русских оправдано самопожертвование, геройская гибель ради спасения чего-то более ценного (коммунистической идеи, веры Православной, "нашей советской Родины", товарищей). Идея самопожертвования присутствует и в нравственно-исторических традициях китайцев. Именно в этой идее русский с китайцем противоположны западному индивидуализму, и потому слова из песни Мурадели "русский с китайцем братья навек" не режут ухо диссонансом (в такой мере, как если бы кто-то вздумал говорить о "братстве" русских с американцами, британцами и прочими носителями западных ценностей).

Итак, гармония в "сохранении лица"; гуманность неравенства в иерархии связей; смирение перед судьбой в цикличном времени; прагматизм; высокомерие к некитайскому — вот те пять нот, на которых строится вся музыка, весь трепет китайского сердца. Музыка "коллективного программирования" мыслей и поступков китайцев, образования устойчивого нейрофизического макрорезонатора (формата) для нации в целом.

Чтобы завоевать сердце китайца или хотя бы иметь с ними дела на взаимовыгодной основе, нужно учиться этой музыке, столь непохожей на нашу. Практика же убеждает, что попытки найти в китайском сердце отклик на ноты, не входящие в китайский душевный ряд, как правило, не только абсолютно безрезультатны, но и зачастую противоположны замыслу. На семи нотах чуждой китайской душе октавы — *идеалы, сантименты, прямота, юмор, логика, жертвенность, размах* — симфонии с вышена-

званными пятью нотами созвучного китайскому сердцу ряда на практике достичь не удастся.

Под конец этой главы приведу очень точный, с моей точки зрения, рисунок паутины китайских клановых связей и взаимоотношений из книги Р.-Д. Льюиса "Деловые культуры в международном бизнесе".

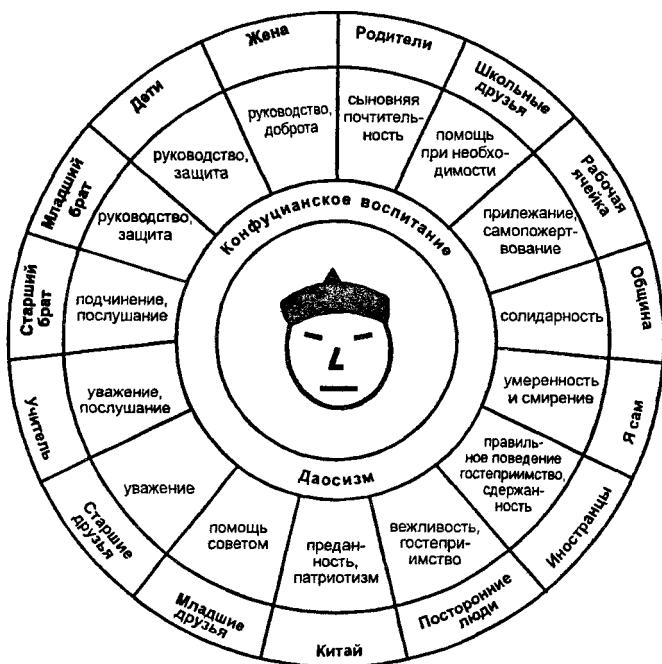


Рис. № 4

Наверное, в описанной мною "китайской душе" может ощущаться некая оторванность от современной жизни. Может показаться, что сказанное здесь было справедливо для XIX века, времен духовной миссии отца Иакинфа (Бичурина).

Действительно, не описанный выше "абстрактный китаец", а тот гражданин КНР, который сегодня вовлечен в массовые миграционные процессы, вынужден руководствоваться курсом "одна семья — один ребенок", активно (если не захлеб) вестернизуется. К тому же у китайской нации, как чрезвычайно многочисленной, и в китайской истории, как чрезвычайно продолжительной, есть все, включая тенденции социального утопизма, бунты "младших" против "вышестоящих", детей против отцов, искателей нового против традиционалистов и прочее. Но тем не менее даже сейчас о подавляющей китайской крестьянской массе нельзя сказать, что это "общество людей, лишенных чувства Родины, почвы, веры предков и живущих интересами потребления и зрелищ, которые не сет им теле- и видеозкран".

Подтверждением сказанному для меня выступает работавший со мной в совместном предприятии китаец, выбившийся в управленцы из поваров. Выходец из деревни, окончивший только местную школу в годы культурной революции, он поражал меня глубочайшим знанием китайской традиции, и сам являл образец китайского духа. При проведении специальных экскурсий в музеи китайской мифологии в Бэйдайхэ он был способен в деталях комментировать то сокровенно китайское, что пожилая интеллигентная китаянка из Пекина, получившая высшее образование за границей, ранее служившая редактором в журнале "Китай" и работавшая в нашем СП переводчицей, почти не понимала.

Слова можно опровергнуть словами, но что может опровергнуть опыт жизни человеческой?

## ЗОЛОТО ДРАКОНА

Пользуясь любезным разрешением моего друга, культуролога Мартина Мартиросяна, далее привожу следующий текст нашей с ним беседы, опубликованной в газете "Завтра" (2001, № 47).

*Мартин Мартиросян.* После событий 11 сентября 2001 года в США главный лозунг глобализма по-американски: "e pluribus unum" (из множества — одно), с 20-х годов прошлого века помещенный на бумажной купюре в один доллар,— вновь прояснил свое действительное содержание как уничтожение любой человеческой традиции: национальной, религиозной, культурной. Именно это содержание пояснено другой легендой на долларе: "novus ordo seclorum" ("новый порядок на века"), что заставляет рассматривать доллар как своего рода символ, даже "икону" современного глобализма, поскольку внутри его цифровой оболочки содержится некое "Слово" как генотип соответствующего мышления.

Мы уже говорили о том, что стандарты мышления выступают главным оружием глобализма в уничтожении противостоящих ему традиций. XX век завершился вроде бы очевидной победой пирамиды "нового мирового порядка" во главе с единственной гипердержавой — США. Однако теперь мир вновь разделился: на богатых, довольных всем происходящим,— и на бедных, одержимых идеей борьбы с несправедливостью. Началась реальная война, причем война перманентная: без временных и географических рамок, без ясных целей, без определенного противника.

В этих условиях судьба навязанной человечеству меры богатства в "один доллар США" остается, по сути, единственным критерием, по которому можно судить о развитии ситуации "на фронтах". И здесь мы видим, что доллар наконец-то получил внушительное наполнение военными расходами (для начала — 40 млрд.), покрывающими не виртуальные (Microsoft), но реальные стоимости оружия и его применения. Эти расходы в принципе способны абсорбировать ворох избыточной денежной массы, выраженной пока в электронных и бумажных носителях, и сбросить его в форме натуральных бомб и ракет с целью удержать пирамиду доллара от краха. Сначала военные удары посыпались на "стяжателей милости Аллаха", талибов в Афганистане. Далее мишенью для поражения,

скорее всего, окажется Ирак, где нефти больше, чем в Саудовской Аравии, и Пакистан — как убежище для фундаменталистов, да еще обладающее ядерной бомбой — единственной на весь исламский мир.

Между прочим, подобное поведение США вполне укладывается в определенную культурологическую матрицу, когда удары: неважно, финансовые, информационные или военные,— наносятся по недавним протекже и клиентам. "Мавр сделал свое дело — мавр может уйти". Подобное уже за послевоенное время происходило со множеством стран и режимов, принимавших американское "покровительство" и "сотрудничество". Назову среди них только самые известные примеры: Панама (Норьега) и Филиппины (Маркос). Пакистан успел наступить на эти грабли дважды. Первый раз янки устроили показательную порку своим мусульманским союзникам, когда окончательно стало ясно, что СССР выведет войска из Афганистана. Именно на это время приходится разгром ЦРУ и ФБР базировавшегося в Пакистане международного исламского банка и гибель в авиакатастрофе военного диктатора генерала Зия уль Хака. Второй раз — сегодня. Однако президент Путин как будто не замечает подобной матрицы в действиях руководства США. Во время своего визита в Вашингтон он демонстративно пошел под крыло белоголового орлана, назвав это "новым этапом стратегического сотрудничества". И как теперь понимать недавние договоренности РФ с Китаем? Как воспримут китайцы такой "новый этап"?

*Андрей Девятков.* Чтобы ответить на ваш вопрос, начну с того, что символ вечности — не прямая прогресса, ибо у прямой есть начало и есть конец. Символ вечности — круг. Отсюда вытекает цикличность исторического процесса как развернутой на плоскость гармоникой подъемов и падений. Все повторяется, но в несколько иных обликах, за которыми стоит извечный "путь вещей". Поэтому китайцы давным-давно и очень хорошо усвоили конфуцианский постулат о том, что исторические примеры ценнее, чем поучения мудрецов.

Многие в России и на Западе считают, что война для США — единственная возможность оттянуть крах доллара как условно-всеобщей меры стоимости и предотвратить крах глобального рынка виртуальных финансовых инструментов. Еще один нередко фигурирующий мотив — скрыть фиктивность нынешнего рынка золота как извечного металлического стандарта меры стоимости.

Но если обратиться к историческим примерам, то выяснится, что бумажные деньги, ассигнации, не имеющие обеспечения металлом, были изобретены не в Европе, а в Китае в 1618 году. Это было время заката династии Мин (смысл имени — "светлый"), тогда заканчивался очередной династический цикл (12 поколений, примерно 240-300 лет). Дела в империи шли из рук вон плохо, поэтому к натуральному налогу (зерно, ткань) был добавлен денежный. Но меди и серебра не хватало, и тогда придумали ассигнации. Однако без натуральной металлической меры стоимости дела пошли еще хуже, народ восстал, и последний император династии Мин в 1644 году покончил самоубийством. Пришла новая династия Цин (смысл имени — "чистый"). Денежный стандарт стал опять исчисляться в лянх серебра (50 грамм), а бумажные деньги как переносный (ненастоящий) символ богатства стали возжигать на день "цинмин" — чистого и светлого поминовения предков. В конце следующего династического цикла, на закате династии Цин, Запад, ведя против Китая опиумные войны, опять разрушил там серебряный стандарт, китайская экономика вновь была подорвана бумажными деньгами, и династия Цин пала в 1911 году, через 267 лет после основания.

Со времени принятия Декларации Независимости США, с 1776 года (кстати, эта дата также помещена под пирамидой на однодолларовой банкноте), прошло уже 225 лет — почти 11 поколений. Американская демократия, согласно китайским циклам перемен, близится к упадку. И поэтому с китайской точки зрения не будет ошибкой утверждать, что нынешнее поколение людей на планете еще увидит и крах доллара, и падение Америки. Отсюда понят-

но, что любые действия в защиту доллара выглядят из Пекина, по большому счету, как несерьезная попытка воспрепятствовать ходу перемен.

*Мартин Мартиросян.* Доллар — вовсе не американские, а всеобщие, мировые деньги, результат экономической глобализации. Да, с 1971 года эта валюта никакого обеспечения благородными металлами не имеет. Но мощнейшая долларова́я эмиссия и, соответственно, долларова́я инфляция налицо. Она служит, как и всякая инфляция, перераспределению собственности, но уже в глобальных масштабах так называемой "мировой торговли". Люди из Федеральной Резервной Системы наводнили этими черно-зелеными бумажками весь мир. За доллары можно купить буквально все и везде (кроме уважающих себя стран). Но попробуйте купить что-нибудь за рубли или марки в тех же США

Да, подобная "сверхконвертируемость" американской валюты всегда обладала эффектом бумеранга, которого опасаются финансовые воротилы Соединенных Штатов. Ведь за доллары можно купить все не только в мире, но и в США, чем активно пользовались японцы и европейцы, немцы по преимуществу, активно приобретающие в Новом Свете недвижимость и промышленные компании.

Поэтому американцы приблизительно раз в пять лет возобновляют дискуссии вокруг необходимости выпуска сугубо "зарубежных" долларов, которые должны иметь ограниченное хождение на территории США. Впрочем, с той же периодичностью подобные проекты и гаснут, поскольку уровень дебилизма в окружающем "американскую мечту" мире, несмотря на все старания "масс-медиа", все же не достиг необходимого для их реализации уровня. "Красные" и прочие "второсортные" доллары, которые желала бы эмитировать ФРС, заранее будут обречены на невостребованность, поскольку доллар в качестве мировой валюты обязан обеспечивать своим счастливым владельцам целый комплекс привилегий по доступу к высококачественным товарам и услугам. Если же мировая валюта такого доступа не дает, то она перестает быть

мировой валютой, как это произошло с британским фунтом стерлингов после Первой мировой войны. Поэтому в феврале 1996 года американцы ограничились всего лишь выпуском "новых", "хороших" долларов дополнительно к "старым", "плохим".

Казалось бы, избавиться от оборотной стороны своей чемпионской медали доллару невозможно. И это действительно так. Но создать иллюзию подобной одномерности оказалось вполне по плечу. Именно в этом ключе стоит рассматривать переход Америки на расчеты по банковским карточкам, позволяющий "отсечь" от большинства финансовых операций наличные доллары. Тем самым создались объективные предпосылки для объявления Америкой любой необходимой массы наличных долларов "фальшивыми", а электронных — "криминальными" и "недействительными". Но это — оружие "горячей" фазы финансовой войны.

В условиях длящейся "холодной" фазы гораздо большую эффективность продемонстрировала система "currency board". Суть этой системы в том, что право эмиссии национальной валюты передается через ряд "международных" финансовых институтов в руки ФРС США, в интересах которой, напомним, выпускать "неразменные доллары". Центральный банк страны, попавшей под currency board, продолжает эмитировать рубли, песо и так далее. Но — только в прямом соответствии с объемом имеющихся у него "золотовалютных резервов", то есть на деле — с объемом долларов, выделенных данной стране через МВФ и другие банковские структуры. То есть фактически выпускаются специальные "аргентинские", российские" или "сомалийские" доллары, на которые по определению ничего нельзя купить за пределами этих стран. Что и требовалось доказать.

Возврат долларов из-за границы — не просто экономическое самоубийство Америки, но и подрыв намеченного ее реальным руководством "нового порядка на века". Однако есть ли конкуренты глобальному доллару как символу и "иконе" этого порядка? Европа отказалась от своих национальных валют: фунта, марки, франка,— за



каждой из которых стояла мощная национальная традиция. Теперь там вводится обезличенное "евро", за которым нет традиции, и оно, подобно своему предшественнику ЭКЮ (ECU, European currency unit), в противостоянии доллару уже по одной этой причине обречено на поражение. Японская иена? Она тоже не конкурент доллару, поскольку находится в его орбите. Три четверти богатств Японии переведены в доллары и хранятся в американских банках. Семь крупнейших японских банков от этого "в долгах как в шелках" (более одного триллиона долларов). Перспективы рубля после 1989 года равны нулю. Остается Китай...

*Андрей Девятков.* На последней сессии стран Азиатско-Тихоокеанского Экономического Сотрудничества, проходившей в октябре 2001 года в Шанхае, прозвучало заявление премьер-министра Малайзии о том, что в АТР пора подумать о замене американского доллара на свою тихоокеанскую единицу меры стоимости товаров. Главный смысл здесь, в полном соответствии с китайской традицией, был не в том, о чем говорили, а в том, о чем умолчали, но на что многозначительно намекнули. Намекнули на то, что в АТР происходит 50% всей международной торговли и производится 60% мирового суммарного ВВП. Умолчали же о том, что этнические китайцы (хуацяо) контролируют 50% частного капитала на Филиппинах, 70% — в Индонезии, 80% — в Таиланде и Малайзии, а Сингапур — вообще часть Большого Китая. Совсем не упомянули о том, что именно по каналам хуацяо (смысл имени — "мост на китайский берег") разворачивается китайский экспорт в АТР и по всему миру, что армия коммерсантов-хуацяо является стратегическим резервом "всесторонней открытости вовнутрь" материкового Китая после его вступления в ВТО. Я считаю, что в свое время юань легко займет место американского доллара в тихоокеанских расчетах с центром в Гонконге.

Китай сегодня — единственная страна мира, которая имеет две валюты: юань и гонконгский доллар, курсовая разница между которыми — шесть копеек (фэней). Банк

Китай теперь печатает и синеватую бумажку в 100 "народных юаней" и красноватую бумажку в 100 "гонконгских долларов". При этом обе они достаточно эффективно защищены. Управление курсом юаня извне исключено, гонконгского доллара — практически исключено. Курс юаня определяется не "спросом рынка" (то есть не теми, кто хочет вывозить капитал или обменивать юани на доллары), а внутренними ценами на основные виды сырья и полуфабрикатов, производство которых почти полностью находится в руках государства. Гонконгский доллар, выступающий дублером юаня на внешнем рынке, — сверхпрочная валюта. Это означает, что Китай может создавать в мировой финансовой сфере связи трех сил, поскольку две из них находятся в его руках. А там, где возникает связь трех сил, действует китайский Канон Перемен, и победа без сомнения будет за китайцами.

Идея и практика стабильного юаня рассчитана не на стимулирование экспорта (здесь, напротив, результатом являются убытки в форме осознанно упущенной прибыли от снижения текущей конкурентоспособности). Они направлены на сохранение в китайской экономике устойчиво лучших условий для роста капитала, чем в окружающем мире нестабильности, и на формирование стойких стереотипов малой рискованности для притока иностранных инвестиций. То есть конъюнктурные жертвы, вызываемые этой стабильностью, носят абсолютно оправданный характер и являются по сути дела не жертвой, а геройской сверхрентабельной инвестицией в национальное будущее.

Иной вопрос, будет ли новый юань иметь золотой стандарт. Золотовалютный запас КНР официально исчисляется суммой порядка 200 млрд. долларов США (плюс свободный капитал Гонконга более 100 млрд. долларов США). Однако эта не поддающаяся проверке информация исходит от самих китайцев, а потому есть основания считать, что миру объявлено лишь о валютном запасе в долларах США. Причем запас этот, в отличие от Японии или России, хранится не в США, а в Гонконге. А сколько у КНР

тонн золота и где оно лежит,— не то что за рубежом, но даже в самом Китае никто из непосвященных не знает. Ведь наращиванием золотого запаса в КНР давным-давно занимаются специальные "войска золотодобычи", и все, что связано с их деятельностью, составляет даже не государственную, а военную тайну! Официально золотой запас Китая не растет. В 1980 г. называлась цифра 398 тонн золота, а спустя 17 лет — 392 тонны (золотой запас США в 1997 г. составлял 8140 тонн, Германии — 2960 тонн, Франции — 2546 тонн, Италии — 2074 тонны). Такая скромная цифра для страны, занимающейся масштабной золотодобычей, как раз и свидетельствует о том, что в качестве реального валютного резерва Китай копит золото (и серебро), но до срока не хочет этого афишировать.

И срок этот, если в расчетах исходить из модели Великой депрессии 30-х годов, близок: все произойдет не позднее 2005 года. Однако ближайшее падение будет не очередным, как в 1929 году, а последним в цикле долголетия конструкции власти. По китайским циклам перемен, пик расцвета Америкой пройден в 1991 году, а к пику полного падения американского благополучия и к смене либеральной "династии прав человека" США подойдут к 2047 году.

*Мартин Мартиросян.* Доля так называемой "новой", оторванной от натуральных стоимостей, экономики США достигает 30% ВВП, а спрос на ее продукцию уже в 5-7 раз ниже предложения. Рынок затоварен всякого рода компакт-дисками с программным обеспечением, компьютерными играми, поп-музыкой, а также микрочипами сотовой связи, кредитными картами и т.д. Внутри США вообще не осталось никаких рынков с положительной доходностью, совокупная кредиторская задолженность всех видов составляет фантастическую цифру в 28 трлн. долларов, а развитие идет только за счет притока иностранного капитала. То есть совокупный долг американцев втрое превышает их ВВП — даже с учетом "новой" экономики. При этом инфляции почти нет, а банковский кредит безумно дешев (2% годовых). В результате все сбе-

режения американцев уходят на спекуляции с бумажными стоимостями акций. В подобной ситуации война для США действительно выступает единственным спасительным кругом. Не буду говорить о талибах, как "удобном" противнике, на которого можно влиять по каналам спецслужб. Не буду также распространяться обо всех плюсах и минусах перевода Америки "на военное положение" — это тема для отдельной обстоятельной беседы. Последний вопрос, который нам предстоит здесь обсудить, — как прореагируют китайцы на закрепление американских военных баз в Средней Азии — в непосредственной близости от собственных границ?

*Андрей Девятков.* Любая попытка форсировать время приводит к фарсу. А Китай сегодня явно не торопится — и речь, по большому счету, идет вовсе не о реакции Китая, а о реакции Америки на усиление КНР. Ведь не надо забывать, что Бушу пришлось уже пережить публичное унижение после известного инцидента с самолетом-разведчиком. Несомненно, что удары, нанесенные по Афганистану, с точки зрения их организаторов должны были обозначить в первую очередь угрозу смыкания американского кольца вокруг Китая. Однако на сессии АТЭС в Шанхае китайцы продемонстрировали вроде бы полнейшее безразличие к этой угрозе — безразличие, совершенно необъяснимое для американского и вообще западного сознания с дихотомической матрицей "вызовов" и "ответов".

Однако если посмотреть на ситуацию китайскими глазами, подобное поведение официального Пекина выглядит совершенно оправданным — поскольку сегодня своей нарочитой пассивностью он "приглашает к активности" не только США, но и Россию, чьи интересы в бывших среднеазиатских республиках и Афганистане общеизвестны. Американские удары были ведь нанесены, или, что вернее, обозначены — вовсе не по Китаю. Следовательно, никакого реального противостояния между США и КНР нет — есть всего лишь провокационная попытка янки своими действиями вызвать ханьцев на такое противо-

стояние. Однако китайский глаз устроен иначе, нежели глаз западный, и видит он всю картину поэтому несколько иначе, с иной точки зрения, в иной перспективе.

Прежде всего это касается самой концепции "окружения". Китай для китайцев — безусловный центр земли, который и без того "окружен" мировой периферией, куда относится и Запад, и Россия, и мусульманский мир, и Юго-Восточная Азия. Проблема для китайского мышления здесь в том, чтобы на окружающей периферии царило равновесие — в противном случае их "срединное государство" будет испытывать разрушающее давление преобладающего "плеча", как это было в эпоху господства Запада с середины XIX по середину XX века.

Сегодня китайцы видят, что Америка в качестве признанного лидера "западного" мира безусловно активна, что она занимает в Афганистане позицию "ян". Кроме того, китайцы видят, что и Россия вследствие этого постепенно активизируется, переходя на позицию "ян". Следовательно, в китайской логике мышления, согласно "И цзин" ("Книге перемен"), необходимо выждать, занять пассивную позицию "инь" — с тем чтобы одна (четная) пассивная позиция "инь" перетянула и победила две (нечетные) активные позиции "ян", с которыми отождествляются в современном Афганистане Америка и Россия.

В таком образом выстроенной связке трех сил Китай, несомненно, оказывается в выигрыше — потому что столкновение вроде бы сонаправленных (союзники!) активностей РФ и США неминуемо закончится их взаимным конфликтом и ослаблением. С той же китайской точки зрения, Америка может достичь своих целей в Афганистане только если пассивную "инь"-позицию займет и Россия. В этом случае одна (нечетная) "ян"-позиция США перетянет и победит две (четные) "инь"-позиции Китая и России. А вот эта угроза будет воспринята КНР уже весьма серьезно и неминуемо заставит пекинских стратегов активизироваться, поскольку допустить реального закрепления американцев на собственных границах они, вследствие явного "нарушения равновесия", не могут. Даже

очевидное вследствие такого распределения ролей усиление России (одна ее слабая, пассивная "инь"-позиция побеждает и перетягивает две сильные, активные "ян"-позиции КНР и США) будет выглядеть в глазах Пекина "меньшим злом", нежели единоличное торжество американцев в Центральной Азии.

Следовательно, России в данной ситуации стратегически просто необходимо сохранять как можно более пассивную позицию, одновременно активизируя и сталкивая между собой позиции США и КНР.

*Мартин Мартиросян.* Не является ли описанная вами модель одновременно и возможным образцом действий китайской стороны в треугольнике "доллар—евро—юань", который неизбежно образуется после 1 января 2002 года?

*Андрей Девятков.* Конечно, является. Традиционное китайское мышление в течение нескольких тысячелетий устроено именно так, а не иначе, оно сделало Китай Китаем и в основе своей другим быть не может. Но в случае мирового противоборства трех валют необходимо будет сделать одну весьма существенную поправку. Этой поправкой является заданная активность, "ян"-позиция новорожденного евро, который будет просто обязан "завоевывать место под солнцем". И варианты возможных стратегем будут определяться тем, какую позицию относительно евро займет доллар. Если это будет позиция активного противодействия, китайцы, скорее всего, предпочтут занять для юаня пассивную "инь"-позицию с максимальным выигрышем для себя. Если же будет осуществляться глобальный перелив мировых финансовых активов в евро при полной пассивности и крахе доллара, мы станем свидетелями активизации китайской валюты.

К сказанному выше следует добавить, что китайцы, по сути, копируют модель использования национальной валюты с американского доллара как резервной в международных расчетах. Превращение же юаня в региональную резервную валюту Юго-Восточной Азии и переориентация ее стран с США на Китай опирается одновременно на

эффективную военную политику Китая и на доминирование китайской диаспоры в национальных экономиках целого ряда стран региона.

Напомню, что китайцы живут в самом длинном по сравнению с Западом и Россией периоде роста и падения благополучия, и для них долгосрочные интересы важнее сиюминутных выгод. Либеральная финансовая политика формально исходит из принципа соответствия интересам преимущественно краткосрочных инвесторов (которых в прошлом было принято именовать спекулянтами). Китайцев же слишком много, и чужие либеральные принципы просто не по размеру для Китая.

Дезинформацией и маскировкой является также достаточно широко распространенное представление о финансовой слабости современного китайского государства (ВВП которого, по мнению ряда специалистов, уже сегодня превышает ВВП США). А многочисленные загадки китайской финансовой статистики и спрятанные военные расходы лишь подчеркивают принцип: в системе государственных финансов в целом — чем больше госсектор, тем меньше госбюджет (перераспределение ресурсов во многом осуществляется вне бюджета). Иными словами, "дракон" (символ китайского государства) активно копит золото и "пускает пыль" в глаза своих потенциальных конкурентов. О том, как происходят эти процессы на уровне "атомарного" бизнеса, я могу свидетельствовать уже в качестве очевидца.

## БИЗНЕС ПО-КИТАЙСКИ

Когда меня силой удалили из Китая и новый временный представитель российской стороны, мой хороший друг, вел переговоры о дальнейшей судьбе совместного предприятия, у него сложилось впечатление, что китайцы удовлетворены сменой неудобного им деятеля и будут продолжать работу с новым человеком. Замечу, мой друг был профессиональным китаистом высочайшего уровня,

но он никогда не жил в Китае. Действительная же цель китайцев, что подтвердила практика, состояла в убаюкивании российской стороны с целью избежать контрмер в пик курортного сезона, выиграть время, ликвидировать СП без открытой схватки за раздел капитала, "сохранить лица" сторон и тем самым приток доходной российской клиентуры.

Слыша банальности и обычную лесть, новый представитель поддался мысли о том, что с ним хотят иметь дело. Позднее же, во время переговоров об условиях ликвидации СП, проявилась истинная напряженность, противоречащая, как кажется, имевшим до этого места любезностям. Дошло до того, что другому заслуженному и убеленному сединами русскому представителю, китайцу из бывших старших дипломатов, китайцы поставили в переговорщики девочку-адвоката, которая не являлась на назначенные встречи. Хотя внешне все было гладко, оскорбительных или неприятных высказываний не допускалось, но презрение к иностранцам было продемонстрировано и действием, и умолчанием.

То же касается отношений с любыми деловыми партнерами. Почетный прием, навязчивая забота, роскошный банкет и подношение подарков есть лишь форма, символы и жесты демонстрации уважения, прикрывающего скрытый финансовый и деловой маневр китайцев. Ни сам китайский партнер, ни его иностранный оппонент не должны "терять лица". Целью китайцев, конечно, является победа над партнером в сделке, но форма победы должна быть обходительной, китаец добивается своего, переигрывая партнеров и конкурентов, как правило, в подходящее время и в корректной манере.

Специфично и отношение китайцев к смыслу "контракта". Для человека абстрактно-понятийной западной, да и российской, культуры контракт — главный документ сделки, который подписан сторонами для того, чтобы затем соблюдать его условия. Подписи сторон как бы придают ему смысл окончательного и бесповоротного решения. А китаец смотрит на контракт как на некий документ, который принимается сторонами, чтобы избежать лишних



споров, и может быть всегда изменен, дополнен или разорван в зависимости от изменившихся обстоятельств. Чем шире и неопределенней смысл условий контракта, особенно в части ответственности китайской стороны, тем быстрее он будет подписан китайцами, ибо подпись для китайца придает контракту смысл бумаги не для исполнения, но для представления в арбитраж. По делу же главным для китайцев выступают не условия контракта, как символической канвы сделки, а конкретные условия других документов: аккредитива (как гарантии точной суммы денег, даты и места платежа) и товарно-транспортной накладной (как гарантии получения точного веса, габаритов и единиц количества груза). Реальность важнее плана, так как из нее-то и куется прибыль.

Следует быть готовым, что китайцы будут очень долго кружить вокруг да около поднятых проблем, прежде чем связать себя обещанием. Зато потом, после того как ударят с вами по рукам и будут считать, что чувство взаимного доверия, ясности и решимости достигнуто, они захотят очень быстрого выполнения партнером взятых обязательств.

Все это касается внешней формы сделки, а содержательно формулу успеха можно определить так: перемены возникают от преодоления равновесия контрастной третьей силой. Когда  $1 + 1 = 0$  (нечет + нечет = чет), тогда:  $(1 + 1) + 0 = 0$ , а  $(0 + 0) + 1 = 1$ . Проиллюстрирую действие этой формулы на примерах. И для начала приведу очень крупную сделку, провал которой является характерным следствием непонимания русским бизнесом специфики Китая. В этой сделке я непосредственного участия не принимал. Однако хорошо знаю детали, ибо основной участник проекта с российской стороны, компания "Энергомашэкспорт", в 1995-98 годах арендовала в моей гостинице на курорте в Бэйдайхэ несколько номеров для отдыха сотрудников, и у меня сложились приятельские отношения со всеми семьями их замечательного и дружного коллектива, работавшего в пекинском представительстве.

Речь шла об участии российского бизнеса в оснащении внушительного каскада китайских гидроэлектростан-

ций "Три ущелья" на реке Янцзы турбинами, генераторами и другим энергетическим оборудованием. Замечу, что "Ленинградский металлический завод" и другие гиганты отечественного энергетического машиностроения, без всякого сомнения, были способны выполнить китайский заказ на оборудование с наилучшим в мире показателем "качество/эффективность". Как передовые технологии, так и опыт у России с ее великими реками и мощной гидроэнергетикой вполне сравнимы с российскими технологиями и опытом в освоении космоса.

Президентом России Б.Н.Ельциным и председателем КНР Цзянь Цземинем незадолго до того была подписана декларация "О стратегическом партнерстве, направленном в XXI век". Достигнуты масштабные правительственные соглашения об увеличении оборота торговли и экономических связей между Россией и Китаем с 6 до 20 миллиардов долларов в год. Создана и регулярно работала двусторонняя правительственная комиссия по выполнению этих соглашений на уровне вице-премьеров. На столь впечатляющем воображение политическом фоне хоть какое-то участие компании "Энергомашэкспорт" в конкретных контрактах на оборудование китайских ГЭС "Три ущелья" виделось как само собой разумеющееся следствие.

Однако двусторонние декларации и правительственные соглашения до уровня контрактов в проекте "Три ущелья" не дошли. Китайцы на выполнение этого масштабного проекта объявили международный тендер и тем самым создали связку из трех сил: Китай, Россия, Запад. Сами заняли поглощающее положение Инь(0), а российских и западных претендентов вынудили в погоне за выгодными долгосрочными и масштабными контрактами занять активное положение: оба Ян(1). При этом, что самое интересное, тендер российская сторона в открытой борьбе с западными компаниями выиграла, а вот подряд на сделку, тем не менее, не получила. Не помогло ничего: ни суэта посольства России, ни попытки продавливания российских интересов в двусторонней правительственной

комиссии, ни личный звонок на самый китайский "верх" премьера Черномырдина.

Российская сторона не получила ни одного заказа: ни на основное, ни на вспомогательное оборудование, ни на одну лопатку от турбины, то есть вообще вчистую "прошла мимо кассы".

Формула успеха  $(1 + 1) + 0 = 0$ , в созданном китайцами раскладе трех сил все одно гарантировала победу китайских интересов. А вот проигрыш российской стороны определялся тем, что в китайской формуле трех сил, выраженной словами: "мы сами, наши враги и наши союзники", китайцы ("мы сами") всегда выигрывают за счет ущерба интересам союзников. Ибо союзники в сопоставлении с врагом всегда выступают силой второго разряда, а враги — первого, на то они и враги. Реактивный потенциал третьей силы (0) побеждает две активные силы  $(1 + 1)$ , переводя связку трех сил во взаимовыгодное равенство двух сил  $(0 = 0)$ .

Экономически подряд, доставшийся европейской компании, конечно, можно объяснить крупными взятками, вовремя переданными нужным китайским чиновникам. Или соблазнами выгодного кредита, который западная сторона предоставила китайцам под получаемый ею же подряд. Все это так. Однако взятка и кредит — всего лишь финансовые механизмы. У российской стороны не эти, так другие финансовые механизмы и экономические рычаги тоже были, но не сработали.

В координатах логики линейного противоборства, активная российская сторона (1) должна была бороться с западным конкурентом (1), что она и делала к полному удовольствию китайцев (0). Ведь "Энергомашэкспорт" участвовал в международном тендере и даже выиграл его. Но в этом случае в связке трех сил российская сторона могла победить только при полном устранении конкурента с рынка, то есть при переводе западной стороны из активного положения "1" в пассивное положение "0". Тогда  $(0 + 0) + 1 = 1$ . Но такой расклад сил был явно нереален.

Если бы российская сторона действовала в китайской системе координат, то она могла взять верх переносом своей активности с убеждений китайского заказчика в выгодах, о которых он и так знал, на демонстрацию потерь китайской стороны от отказа сделки с русскими в долгосрочной перспективе. Потерь, потенциальную угрозу которых и нужно было рисовать ярко, твердо, но очень корректно. То есть российская сторона в положении активной силы для решения дела в свою пользу должна была бы не взывать к союзническим чувствам китайцев (бесполезным был даже звонок Черномырдина), а угрожать китайцам как "вражья сила".

И смущаться тут нечему. Китайское сердце не откликается на ноту "жертвенной идейной солидарности". Такой ноты в китайской душе нет. Зато есть ноты "презрения к иностранцам" и "прагматического уважения силы".

Российская сторона была бы вообще конгениальна, если бы сумела сама занять позицию поглощающей силы (0). Заставить китайцев проявлять активность(1) и, направив энергию Запада(1) на выделение кредита под производство оборудования для проекта "Три ущелья", получить от двух активных сил и заказ на оборудование, и деньги на его исполнение. Иными словами, своим бездействием вынудила бы выжидающего, но обьятого желанием китайского "дракона" сойти с наблюдательной позиции на горе и тем самым перевести ситуацию в обычную для китайской системы координат активную схватку "дракона с тигром" за обладание "жемчужиной" российской технологии и опыта энергетического машиностроения.

Только вот придумать рабочую схему для такого маневра очень трудно. Мне самому в масштабах мелкого и среднего бизнеса, которым я самостоятельно занимался в Китае, построить схему трех сил, в связке которых я занимал бы выигрышную позицию третьей силы, контрастную двум другим, удавалось нечасто. Для примера расскажу об одной успешной операции по вытягиванию долгов от китайцев.

Не углубляясь в историю вопроса, начну с того, что одна северокорейская компания-посредник в 1993 году поставила из России в КНР крупную партию проката черных металлов, собственником которого была российская компания из Томска. Китайский конечный покупатель с русскими контактами не имел, а с корейцами-посредниками до конца не расплатился, и поэтому образовался долг томичам в размере 800 тысяч долларов, который на момент моего подключения к этой сделке в 1996 году формально висел на корейцах. Однако на деле платить долг русским должны были китайцы, так как российский металл не только получили, но и давно с прибылью продали именно они. Налицо была схема трех сил: активные продавцы русские, поставившие товар вперед оплаты; активные посредники на этом товаре корейцы и пассивные благодетели — «плательщики денег за товар» китайцы, которые и оказались в главных барышах. Да еще и формально непричастными к долгу корейцев русским. Взыскивать долг реально нужно было с китайцев, но юридически через суд сделать это было нельзя, а судиться с корейцами — бесполезно.

Отдавать долг русским китайцы не собирались, так как с корейцами у них уже был сделан сложный зачет другим товаром, и неоплаченная часть металла была их чистой прибылью. В этой патовой ситуации китайского неделания я решил сыграть по-китайски: слепить новую схему из трех сил. Самое трудное было сделать так, чтобы российская сторона оказалась в пассивном положении Инь(0), а китайская в активном положении Ян(1). Плюс к этому нужно было включить в связку еще и третью силу Ян(1) — нового активного посредника, теперь уже в вытягивании долгов. С активным китайским посредником трудности не возникло: за солидное вознаграждение, выплаченное авансом, и обещание значительного процента от предполагаемой суммы возврата долга, такой посредник с нужными связями, поднажавшими где надо, нашелся. А китайскую сторону удалось расшевелить, подцепив на идею заработать уже на возврате долга, сумму которо-

го для этого пришлось уполовинить. Так две китайские силы проявили активность в достижении замаячившей перед ними цели — стяжании легких денег. Долг русским был официально переписан с корейцев на китайцев. Первая маленькая победа на бумаге была вырвана через маневр долгами.

После этого китайцы, которые и не собирались возвращать долг, приступили к реализации понравившейся им идеи получить деньги с русских еще раз. Суть этой идеи заключалась в следующем. У китайцев в Сингапуре хранилась партия слегка подержанных автомобилей "мерседес-бенц" в количестве 29 штук. Там были машины всех классов: от шикарных представительских до спортивных. Машины эти были куплены китайцами в Германии как раз на прибыль, полученную от продажи упомянутой партии российского металла с целью получить на них еще и сверхприбыль. Однако, пока машины морем везли из Германии, в КНР резко изменилась таможенная политика, и по новым правилам за их ввоз в Китай нужно было заплатить огромную пошлину. Неподъемная пошлина делала ввоз машин в Китай убыточным, и наши китайские контрагенты вынуждены были поставить их на хранение в беспошлинный Сингапур. Теперь же, приняв официально долг за металл на себя, китайцы решили отдать его русским этими машинами. Но китайцы не были бы собой, если бы просто передали права на машины и этим закрыли долг. Во всей схеме китайцев грела идея получить за "мерседесы" деньги. И они выдвинули перед русскими условие: якобы из-за того, что стоимость партии машин превышает сумму долга (для этого и пришлось долг на бумаге уполовинить), русским предлагалось выплатить китайцам солидную разницу (300 тысяч долларов). Согласиться на такое российская сторона, конечно, не могла, и дело зашло в очередной тупик.

Тогда я решил по-китайски собрать новую связку из трех сил. Для этого нужен был новый активный посредник. Играя все на той же струне получения легких денег в форме машин, такой китайский посредник был найден.

Китайцы — владельцы машин — тоже занимали активную позицию. Стало быть, мне для победы нужно было занять пассивную позицию, а для этого неизбежно подставиться под риск полной потери прав на машины. Ибо бороться за машины с их владельцем должен был посредник, и в случае успеха все машины могли оказаться в руках посредника.

Китайский посредник, действуя по-китайски, не собирался платить за машины 300 тысяч и пошел на мошенничество с открытием фиктивного аккредитива (взаимное надувательство и недоверие между китайцами — обычное дело). При этом ответственность за мошенничество посредник планировал втемную спихнуть на меня, а машины заполучить себе. Так или иначе, владельцы машин, получив аккредитив на 300 тысяч, за свои деньги погрузили машины на пароход, и коносамент с правами на их получение в порту назначения отдали мне в руки. Вторая победа на пути к цели была одержана через товар. Теперь задача стояла в том, чтобы ее не упустить.

Мошенничество посредника я видел почти с самого начала и, просчитав порядок действий по сделке, делал шаги осознанно, тогда как китайцы были уверены, что я ничего не замечаю и они меня водят за нос. Две активные силы китайцев, движимые навстречу друг другу желанием получения денег, в результате проиграли третьей силе, которая пассивно ожидала законного возврата долга.

Когда владельцы машин выяснили, что аккредитив фиктивный и денег они с него не получают, разразился скандал, но претензии были не ко мне (аккредитив открывал не я). Когда посредник попытался опорочить меня как лицо, выдавшее фальшивый документ на получение денег по аккредитиву, я был чист перед владельцами машин, ибо я получил от них законный возврат долгов машинами, а все документы, оформлявшие сделку, касались их отношений не со мной, а с посредником. Когда посредник в китайском порту, куда прибыли машины, пытался предъявить на них права, как держатель документов, у него ничего не получилось, поскольку главный товарорас-

порядительный документ — коносамент — был выписан отправителем на мое имя. Так схема  $(1 + 1) + 0 = 0$  сработала в мою пользу.

Если бы мне всегда удавалось разыграть комбинацию трех сил по-китайски, я стал бы героем экономического фронта "борьбы за Это". Однако бизнес всегда проигрывает государству и, несмотря на мою смелость вступления в бой на участке прорыва, китайское государство устроило мне поражение в другом месте, на участке прикрытия: в совместном предприятии (консалтинговой фирме и гостинице на курорте в Бэйдайхэ).

Мое совместное предприятие, как и многие другие, поначалу выглядело многообещающе. Идея вливания нового капитала и совместная деятельность, происходящая из слияния двух пластов опыта и возможностей, первые годы поддерживали эйфорическое ощущение гармонии между партнерами. Пока внесенный сторонами капитал осваивался (в форме реконструкции зданий и модернизации инфраструктуры "профсоюзного санатория" до уровня классной гостиницы), дело шло гладко, а национальным "причудам" обе стороны не придавали серьезного значения. Однако, как только дошло до распределения доходов и клиентуры, китайцы быстро вернулись к своим глубоко укорененным убеждениям и принялись противодействовать моим методам руководства хозяйственной деятельностью совместного предприятия.

С самого начала в совместном предприятии китайцы в первую голову были озабочены разделом сфер влияния, а не собственно получением прибыли, тем более с риском. Я же исходил из того, что привычное любому китайскому госпредприятию иждивенчество и уверенность, что при неуспехе будут получены дотации сверху (а в ситуации с СП — от российской стороны), более неприложимы к совместной хозяйственной деятельности. Для меня на первом месте была окупаемость затрат, и риск для получе-



ния прибыли от коммерческой деятельности был не только вполне приемлем, но и необходим.

У китайцев в условиях жесткой иерархии гибкость обеспечивается принципом, согласно которому руководители должны быть чувствительны к проблемам своих подчиненных, и вина всегда лежит на начальстве. Поэтому китайское начальство заинтересовано не столько в сути решаемых проблем, сколько в сохранении своей власти и влияния в компании и обществе.

Меня иерархия вообще не волновала, а гибкость я понимал, как способность руководства к совершению маневра деньгами, недвижимостью, направлениями коммерческой работы (за которым китайцы видели только подвох со стороны иностранца).

Главным для китайцев была функция власти, а для меня — цель.

Сопереживание, чувство такта, понимание интересов партнера, искренность, разъяснение здравого смысла (а не убеждение в своей правоте), деликатность, позитивный настрой — вот ресурсы в достижении компромисса с китайцами, когда силовые методы оказываются малоэффективными. И эти ресурсы позволяли мне находить компромиссы шесть лет. Однако принципиальное различие взглядов на сущность власти в компании, а также фатальное различие представлений о целях работы и о способах их достижения все же сказались в свой срок.

Когда в руководстве СП начался конфликт из-за риска серьезными деньгами, китайцы не стали требовать снять меня с должности (как же можно игнорировать мнение российского учредителя?!), а просто настаивали на лишении меня права подписи финансовых документов, то есть основного рычага реальной власти гендиректора.

Я поступил по-китайски, поддался. Прекратил коммерческую и консалтинговую деятельность от имени СП, отдал печать и финансовую ответственность в гостинице китайскому заместителю, но, поскольку в моих руках был российский клиент, просто сменил схему и стал снимать основную выручку до того, как клиент попадал на стойку

регистрации. Заняв позицию Инь(0) и перехватив вектор силы в маневре, я в точном соответствии с формальным желанием китайской стороны, на деле резко увеличил доходы российской части СП, ибо прибыль от иностранного клиента в новой схеме уже не подлежала разделу, а она в гостинице была основной. Китайцы достигли своего, но выиграл от этого я. Встретив достойное сопротивление, уяснив суть моего маневра и ощутив бессилие что-либо с этим поделаться, китайцы "потеряли лицо", чего мне никак нельзя было допускать.

Китайцев трудно вызвать на открытый конфликт (из-за потенциальной угрозы все той же "потери лица"). Более того, младшие и подчиненные по конфуцианской традиции не могут высказывать негативного отношения к каким-либо поступкам лиц, занимающих более высокое место в социальной иерархии. В Китае вообще не принято выступать против начальства. Поэтому китайцы будут использовать посторонний повод и прикрывать легендой достижение своих целей, идущих вразрез с мнением старших или же подрывающих их авторитет. И китайцы победили меня внеэкономически, лишив вида на жительство по постороннему к СП предлогу. Вместо чувства героя-победителя я потерпел срам и неодолимую досаду из-за потери не денег, но русского присутствия в Бэй-дайхэ, начатого сто лет назад первым православным епископом пекинским и китайским Иннокентием.

А вот пример китайского бизнеса уже из современной российской практики. Известно, что лес — один из главных стратегических ресурсов нашей страны. Причем дело здесь не только в древесине: леса русского Севера, Сибири и Дальнего Востока являются продуцентами кислорода глобального значения, одним из двух "легких", оставшихся у планеты Земля, — наряду с тропическими лесами бассейна Амазонки. И уже в ближайшем будущем "кислородные квоты", связанные с массивированным выбросом углекислоты странами "золотого миллиарда", могут стать куда более прибыльным товаром, чем продукция собственно лесной промышленности.

Однако использование этого ресурса, ориентированное сегодня в основном на экспорт круглого леса, граничит с преступным разбазариванием. А поскольку лесные богатства Сибири позволяют выбирать лучшее, экспортный ГОСТ предъявляет жесткие требования к качеству "кругляка", и отечественный заготовитель в угоду привередливому иностранному покупателю на лесоповале вырезает только отборные экспортные сортименты. Остальное: могучие кроны, кряжистые комли и вся масса леса среднего достоинства — в лучшем случае сжигается, а чаще просто бросается и гниет на месте. Ущерб усугубляется варварскими рубками на ближайших к станциям погрузки участках лесного фонда, деградацией наличного лесного фонда, отсутствием оборотных средств у российских лесозаготовителей и несоблюдением требований по лесовосстановительным работам.

Здесь необходимо добавить, что не только основные мировые экспортеры леса: Канада, США, Швеция, Финляндия,— продают главным образом переработанную древесину (а финны в большом объеме перерабатывают именно российский лес), но и безлесная Япония перерабатывает у себя российский лес и затем снабжает страны Азиатско-Тихоокеанского региона фанерой и картоном, полученными из российского сырья.

Что же касается отношения к лесу со стороны китайцев, то лес для них — величайшая ценность. И неудивительно, что в 2000 году экспорт леса из России в Китай уже перевалил за 6 млн. куб. м, а в дальнейшем будет только расширяться. Однако сложившаяся внешнеторговая практика экспорта российского леса в Китай имеет невыгодный для российской стороны перекос. Ущерб наносит не только то, что в Китай поставляется по преимуществу круглый лес, в себестоимости которого транспортные издержки составляют порой более 50% от цены; а также фактический базис поставки от станции погрузки леса на вагон в глубине российской территории, что ведет к минимальной для отечественного лесозаготовителя рентабельности торговли. Эти обстоятельства распреде-

ляют внешнеторговую выручку в соотношении один к двум в пользу китайской стороны.

Рынок, как известно, отличается от базара тем, что позволяет получать прибыль не в однократной сделке купли-продажи, а в многоходовых комбинациях, где отдельное звено может быть и убыточным, зато вся схема получается архиприбыльной.

Китайцы — прирожденные мастера денежных дел. И в лесном бизнесе они действуют, как правило, через многоходовые комбинации, опирающиеся на национальный юань. Сначала, еще на китайской территории, народный юань, полученный от одного из четырех уполномоченных кредитовать внешнюю торговлю государственных банков КНР, переходит в стоимость ширпотреба, поставляемого в Россию. Затем китайские "тапочки и тряпочки" на базарах и в лавках по городам и весям России переходят в наличный рубль. Аккумулированные китайской диаспорой, внедрившейся в отечественное хозяйство, наличные рубли чемоданами отвозятся на лесозаготовительные пункты и кредитуют лесозаготовку. Круглое бревно, купленное китайцами чуть ли не на корню у российского заготовителя за наличные рубли, отправляется на экспорт в Китай. Рублевые цены закупки мизерны и фактически лишь чуть-чуть перекрывают себестоимость. Да и долларовые цены, фигурирующие в экспортных контрактах, смешны в сопоставлении с мировыми. По российской таможенной статистике, средняя цена одного кубометра нашего экспортного пиловочника хвойных пород в три раза меньше, чем цена аналогичного леса, заготовленного на североамериканском континенте. С низкой экспортной цены и таможенная пошлина, остающаяся российскому бюджету, низка.

Зато государственный доход китайской стороны в виде налогов и сборов на ввозе куда выше, чем у российской стороны на вывозе, и здесь соотношение уже один к шести в пользу китайцев. Кроме того, все доходы от переработки леса на китайской стороне достаются китайцам, и дисбаланс в абсолютных цифрах совершенно удручает. Перейдя китайскую границу, российское круглое бревно

отменного качества там распиливается в доски, и уже солидная добавленная стоимость пиломатериала на китайском внутреннем рынке опять переходит в народный юань, поскольку доллар внутри Китая в расчетах не используется. Заметьте: китайское государство включило станок и напечатало бумажные юани. Ведь денежная эмиссия — это монопольная и плановая деятельность государства, даже в самом свободном, либеральном и рыночном хозяйстве! Кредитовало ими собственных экспортеров ширпотреба, стоимость которого составляет в основном овеществленный труд китайских рабочих. Помогало китайской диаспоре в ее нелегкой коммерческой деятельности в России. Обеспечило грандиозную, по сравнению со стоимостью бумажных юаней, прибыль, причем почти всю эту прибыль в форме реальных стоимостей пиломатериала оставило на китайской территории у китайских же хозяйствующих субъектов, да еще с высоких юаневых цен на эти материальные стоимости сняло пошлины, налоги и сборы в бюджет. А часть российского леса, уже как китайский товар, по высокой цене продается дальше в Японию, на Тайвань и в другие страны. Примерно так прирастает богатство китайской нации на примере лесного дела. А чтобы этот механизм работал без сбоев, действуют специальные схемы обеспечения.

Так, китайцы умудряются держать на границе невероятно низкие цены за счет продуманной деятельности на российской территории. Тучи мелких китайских предпринимателей делают свой трудный бизнес в местах лесозаготовки. Это и лесное браконьерство, когда самовольные рубки прикрываются подложными документами. Российские органы порой изымают даже поддельные сертификаты и лесные порубочные билеты, снабженные защитными голограммами, изготовленными в Китае на высоком технологическом уровне. И "отмывка" леса тоже происходит "по китайскому сценарию": на заранее известный объем незаконно заготовленного круглого леса в Китае делают документы. Лес перемещают на склад, который содержат китайцы, туда же привозят поддельные доку-

менты, и на пограничный переход лес в вагоне уже приходит как бы на вполне законных основаниях. И на продукцию лесопереработки цены сбиваются за счет поставок доски, вырабатываемой китайцами на своих пилорамах, которые открыты повсюду, особенно много в Иркутской области. А для ориентировки китайские газеты, издающиеся в России на китайском языке, регулярно публикуют текущие цены на лес на границе. Вспомните: если прибыль куется в юанях на китайской территории, то низкая долларовая цена, по которой товар заявлен в российском паспорте сделки, не имеет никакого значения для конечного экономического эффекта. То есть китайские власти активно и постоянно помогают своим предпринимателям минимизировать коммерческие риски и всегда их защищают. А наши власти до сих пор от регулирования рынка самоустранились: "чем меньше государства, тем лучше", — и десять лет ждут от частного капитала "соблюдения всех интересов".

## ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Если известную мне практику бизнеса с китайцами рассматривать как взаимодействие активных и пассивных сил и подвести под общий знаменатель принципов достижения успеха, то получится следующая схема шести способов изменить связку сил в свою пользу и одолеть китайского противника. Три из них предусматривают принятие активной позиции Ян(1) и три — пассивной Инь (0).

Способ № 1 (Ян). Прямое действие с целью переломить противника заведомо большей силой.

Способ № 2 (Ян). Фантастически завышать планку и противиться тому, с чем разумно было бы сразу согласиться. Китайцы все одно заподозрят обман. Поэтому нужно дать китайцам поторговаться, выиграть бой и понизить планку до уровня, который изначально был приемлемым. Иначе китайцы все равно снизили бы планку, но до неприемлемого для вас уровня.

Способ № 3 (Ян). Выдвигать дикие требования, противные истинным намерениям, чтобы китайцы, сопротивляясь, вывернули направление на то, что и подразумевалось в тайном замысле.

Способ № 4 (Инь). Поддаваться силе и, перехватив вектор китайской силы на конечном отрезке витка, выворачивать ее в безопасное направление.

Способ № 5 (Инь). Искренне говорить китайцам все, что думаешь, и все, что намереваешься делать. Все одно — китайцы вам не поверят, ваши предложения отвергнут, а тем самым проявят действие и выйдут из неделания.

Способ № 6 (Инь). Ждать "не делая". Заставить китайцев проявить активность и тем самым подставиться.

Для выбора и успешного применения того или иного способа требуется собрать данные о партнере и оценить ваши и его позиции в сделке в категориях сил Ян(1) и Инь(0). Затем, в случае тупика, памятуя, что перемены следуют в связке не двух, а трех сил, заполнить недостающую позицию для достижения просчитанного результата.

Здесь искушенный читатель может заметить, что такой метод, как надувательство путем введения "третьего", можно, конечно, увязать при желании и с "Книгой Перемен", но ведь он был описан, скажем, Ильфом и Петровым в "Золотом теленке". Мои рассуждения насчет схем "Инь-Ян" и связок "трех сил", конечно, отчасти могут напоминать, как в ходе китайской "культурной революции" конкретику жизни подгоняли под цитаты Мао Цзэдуна. Например, шахтер говорил, что выполнил или перевыполнил свою норму потому, что прочел статью Мао "Юй Гун передвигает гору", а парикмахер — что хорошо стрижет потому, что прочел статью "Служить народу". При желании можно было бы под "Инь-Ян" подогнать и трюки с оффшорными счетами в банках или с фиктивными компаниями, практикуемыми в Америке...

Однако я подчеркну: та или иная подмена тезиса, подгонки, оффшоры и подставные компании — это всего лишь разбивка схемы действия своей силы против другой противной силы, а не введение третьей силы с самостоятельным вектором интересов, самостоятельной энергией

и желанием действовать. Иными словами, это разные законы бытия и мышления.

Что же касается приведенных примеров, то они, так или иначе, говорят об особой модели китайского бизнеса (частного предпринимательства при государственном социализме и протекционизме, т. е. "экономического национализма"), предназначенной специально для "экономического космополитизма" либеральной России.

Товарооборот Китая со всеми странами мира растет — и только с новой Россией (в денежном выражении) нет! Происходит это не столько из-за того, что товара продается мало или он плох, сколько из-за целенаправленного и умелого занижения цен китайцами. Именно на этом направлении сконцентрированы самые отъявленные китайские авантюристы, выражающие скоординированные государством интересы своих многочисленных кланов. А партнеры-россияне перед ними разрознены и часто беззащитны, ибо в условиях предельной рыночной либерализации не имеют ни опоры на клан, ни практической поддержки своего государства. В результате — обогащение и усиление общества в КНР, и — разорение, ослабление и подрыв общества в России.

В ситуации поражения рецептов западного беспочвенного космополитизма в экономической жизни России мне представляется полезным для россиян спрятать подальше былые амбиции "старшего брата" и учиться, где это уместно, специфике национальной политической экономики, ее житейскому пониманию и применению у китайцев.



---

КИТАЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

## ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Самый простой, по-русски неожиданный и вместе с тем очевидный ответ на вопрос: "почему для России не годится китайский путь?" — состоит в том, что *китайцев много, тогда как русских мало!* И разница эта составляет один порядок — десять раз. В бескрайней России просто нет того числа рабочих рук, интенсивным трудом которых можно было бы так же, как в Китае, приумножать национальный продукт. Более того, в Китае, где раздолья совсем нет,— около 70% населения сельское, скученное и плотное как в ином городе, но жить может без малого самодостаточно в почти натуральном хозяйстве двора. А в России те же 70% населения сосредоточено в городах, где самодостаточность невозможна, требуется продуктообмен и больше половины стоимостей создается в сфере услуг, торговле, на транспорте, в складском хозяйстве и связи.

Если Россия самая холодная страна в мире, то Китай — самая многонаселенная. Огромное количество и преимущественно сельский состав населения определяют китайскую специфику в том, что касается экономики китайского пути (внутренних источников накопления и способов распределения национального богатства). Источник стартового, без внешних займов, накопления капитала народ-

ного хозяйства страны в Китае кроется, по сути, в добровольной (мобилизованной интересами семьи) интенсификации труда громадного сельского населения, а также в климате, дающем до трех урожаев в год.

В России состав источников накопления другой. Во всяком случае, дополнительный налог "на климат и состояния" для финансирования экономического чуда в городе с куда менее продуктивной и совсем теперь малоллюдной русской деревни явно взять не удастся.

Китайское руководство каждый раз, когда примеряло на себя "городские" иностранные идеи, конечно, видело всю реальность своего огромного сельского населения, а потому, когда было разумно и не поддавалось на иностранные соблазны универсальных, якобы применимых для всех времен и народов принципов, шло своим собственным, китайским путем.

Другой резон состоит в том, что Китай — это *национальный монолит*. 95% населения — китайцы (хань), тогда как Россия — конгломерат народов, где русских хотя и 80% от численности населения, но правящей доминанты по крови нет. В Китае именно ханьская национально-культурная доминанта определяет китайскую специфику в политике, а именно: сплошную вертикаль власти единой ханьской бюрократии. В России же принципиальный характер имеет национально-культурное разнообразие, что в конструкции власти определяет аристократический принцип отбора и удержания людей в составе правящей знати. В Китае аристократии нет, и бюрократия всегда остается бюрократией, поднимается по прямой лестнице рангов и должностей, дисциплинированно служит государству, деспотично в лоб продавливает исполнение приказов, и даже взятка подталкивает процесс к назначенной высшим начальством цели. В России же державный прогресс делают, как правило, обходным маневром подвижники-аристократы, опирающиеся на ближний круг свояков и ставленников. А от командной вертикали бюрократов для ускорения общего дела большого толка нет. Созидание всегда обременительно. И на местах российские бю-

рократы либо гасят порыв благого приказа статьями, пунктами, параграфами других нормативных актов, либо, завидуя успехам аристократически "лично годных", уравниваются с ними за счет взяток. Работая на себя, разрешают или запрещают все, отклоняющееся от вектора, заданного приказом сверху. И так не столько мобилизуют и концентрируют, сколько распыляют, поглощают и тормозят деловую активность.

Важную особенность китайского пути всегда составляла *демонстрация* силы, серьезности *намерений* действовать, как фактора и остротки направленной вовне и духовной мобилизации внутри китайского общества, его сплочения вокруг власти. Собственно действия с применением силы — вторичны. "Винтовка рождает власть", — любимый лозунг Мао Цзэдуна. Китайский "контрудар в целях самообороны" по Вьетнаму 17 февраля 1979 года — вот с чего начались на практике реформы Дэн Сяопина.

В России же меры не знают, и сила не столько демонстрируется, сколько применяется, причем, как правило, чрезмерно и лишь после очень долгого сосредоточения.

Мао Цзэдун, сам выходец из горной деревни, должно быть, хорошо понимал крестьян и в своей деятельности был прежде всего китайцем, а уж потом марксистом. Мао расширил европейское, западное учение Маркса, добавив концепцию построения социализма в полуколониальной и полуфеодальной стране. Свою теорию "демократической революции" и "диктатуры народа" (а по сути, диктатуры компартии) он построил на четком понимании национальных реалий и традиции аграрного Китая, что привело к успеху на практике.

Китайский путь "реформ и открытости" Дэн Сяопина в 1979 году тоже начинался с деревни. Начало предусматривало самодостаточность, "опору на собственные силы". Ни государство, ни частные инвесторы ничего по началу никуда не вкладывали. Лишь идея и практика коммун-монстров с "железной чашкой риса" для всех, введенные Мао Цзэдуном, были заменены в деревне на идею и практику "семейного подряда" с результатами для своих. Бе-

режно, с сохранением всех возможных привилегий и си-некур, заменили и руководящие кадры "революционеров старшего поколения" в партии и армии на подошедшее по возрасту активное и желавшее перемен поколение участников уже не героического "Великого похода", но бесславного "Большого скачка". После "трех лет упорного труда" обещанных Мао Цзэдуном "десяти тысяч лет счастья" не наступило. Дэн Сяопин же обратился к конфуцианскому понятию "малое изобилие" ("сяокан": мира в государстве и безбедной жизни народа). Так от безграничного смыслового ореола коммунистических символов был осуществлен переход к конкретному образу накопления в видимой перспективе. Отдали "железным винтикам" желанную команду: накапливать (а китайцы склонны копить "на черный день", "бережно сберегать бережно сбереженное") — и, что называется, "процесс пошел".

Реформы начинались с того, что в деревне китайская крестьянская *семья* (живущие вместе поколения кровных родственников) на основе коллективного (малый клан), реже индивидуального, подряда получала в хозяйственное использование сроком на 50 лет землю, и очень часто в виде горы (80% территории Китая — горы). Если на горе есть хоть какая-то почва, то ее можно уступами террасировать, сооружать горизонтальные площадки полей и выращивать зерновые. По законам геологии, на склонах гор часто бывают источники питьевой воды, необходимые для людей и домашнего скота (монастыри в горах везде устроены при таких источниках). Полив полей — естественными осадками, которых хватает. Если почвы мало, одни камни, то террасы засаживаются плодовыми деревьями. Если с почвой совсем плохо, то террасы не делаются, а склон засаживается лесом. Поскольку деревья вырастают до возможности их хозяйственной заготовки примерно за 20 лет, то пятидесятилетний срок подряда открывал крестьянам перспективу даже в самом худшем горном варианте двум поколениям семьи, получившей землю в подряд, достичь хоть каких-то, но гарантированных результатов от хозяйственной разработки горы. Все

китайцы еще при Мао Цзэдуна на политзанятиях в ходе "Большого скачка" и "культурной революции" учили наизусть его работу "Юй-гун передвинул горы" с идеей не бояться трудностей и возможности достижения результата кропотливым трудом нескольких поколений семьи. При Дэн Сяопине были созданы условия семейного (именно в нескольких поколениях кровных родственников) хозяйства. Дело реформ в сельском хозяйстве пошло, так как у массы крестьян появился интерес работать интенсивнее с видами на будущее. Был включен и "административный ресурс" китайской бюрократии, силой загонявшей крестьян в подряд наподобие советской коллективизации.

Сначала действительно только интенсивный и рачительный личный, ручной труд *семисот миллионов* китайских крестьян, получивших перспективу улучшения своей жизни и жизни своих детей, без оборотных денег, без механизмов, без химических удобрений, без помощи науки, примерно к середине 80-х годов позволил деревне накормить и себя, и город. В китайской деревне появились хоть какие-то тощие накопления для потребления современных городских промышленных товаров.

В результате реформ коммуны распустили, но земля в Китае осталась государственной и лишь была отдана в семейный подряд на 50, а под некоторые цели даже на 70 лет. В благодатном теплом и влажном климате, где живет большинство китайцев, подряд стал почти повсеместным. Где местные условия умеренного климата, бедных почв и низкой плотности населения требовали широких коллективных усилий для товарного производства, там были сохранены большие производственные бригады. А в холодных, малолюдных и малопродуктивных степях Внутренней Монголии и Синьцзяна сохранили крупные госхозы с машинной обработкой полей и производством зерна в государственные резервы (мобилизационный запас на случай стихийных бедствий, беспорядков, войны и т.д.).

В 1997 году я участвовал в переговорах российского завода "Ростсельмаш" с китайцами на предмет продажи в Китай зерновых комбайнов. Российские комбайны рас-

считаны на обширные поля и имеют ширину жатки 8,5 и даже 11 метров. Развернуться с такой жаткой в Китае почти негде. Так вот, покупали их китайцы, и то очень мало, только для степей Внутренней Монголии и Синьцзяна. На зажатых горами полях северного и центрального Китая, в конце 90-х годов, кроме ручного труда стали использовать маленькие зерновые комбайны собственного китайского производства с шириной жатки 2—3 метра. Такие комбайны я видел регулярно, дважды в год на шоссе Пекин—Бэйдайхэ, когда их срочно перегоняли своим ходом для быстрой уборки первого урожая из одной производственной бригады в другую. Использовали комбайны группами, по несколько машин, на принципе передачи техники полеводческим хозяйствам во временную аренду. В относительно равнинном и самом урожайном восточном и южном Китае в рисовых чеках я видел только буйволов, малую механизацию и сверхинтенсивный ручной труд. Этот пример показывает, что чем суровее климат, тем меньше урожайность, меньше численность населения, больше обобществления средств производства и больше техники на полях, а где климат самый мягкий, там самая высокая урожайность, больше всего населения, там нет госхозов, меньше используется техника. Справедливости ради нужно заметить, что рост урожайности в Китае даже при ручной обработке полей допотопными орудиями труда в ходе реформ во многом (до 30% прибавки урожая) был достигнут за счет селекции высокопродуктивного семенного материала и массового внедрения на поля лучших в мире по продуктивности сортов риса и других злаковых культур. Огромную роль сыграло и почти повсеместное, регулярное повышение плодородия истощенной китайской почвы минеральными удобрениями. При этом по мочеvine Китаю за 20 лет удалось на иностранном оборудовании создать достаточные мощности собственного производства и к 1998 году почти полностью свернуть импорт. А по хлористому калию провести геологоразведку и обнаружить скромные запасы на своей территории, позволяющие говорить о какой-то степени

независимости от российского (и другого зарубежного) импорта в перспективе. В перемещениях по стране я наблюдал, как редкие и скудные, чернеющие то тут, то там, кучки навоза и другой органики на полях постепенно были заменены внушительными штабелями мешков, откуда растекались белые ручейки минеральных удобрений (к поставкам которых в Китай и я прилагал руку).

Таким образом, не только и не столько выставленный властями напоказ интенсивный труд в условиях семейной организации сельского хозяйства (как адекватного с традицией пореформенного типа осмысленной занятости подавляющего большинства нации), сколько оставленный в информационной тени высокопродуктивный семенной материал на хорошо удобренных почвах стали первоосновой "китайского чуда". Достигнутый Китаем достаток зерна — важнейший фактор стабильности для общества с уже почти полутора миллиардами едоков и культом еды.

Если пища — это один из природных факторов, взаимосвязанный с психофизиологическими особенностями нации, то любопытны следующие наблюдения. На Западе пища во французской кухне поднялась до изысканности удовольствия, а в американской быстрой еде опустилась до примитивного обжорства, даже уровень американского ресторана перешел на быструю еду. У созерцательных русских еда простая и неспешная. У китайцев же еда медленная и изощренная на всех уровнях социальной лестницы. Даже самый бедный крестьянин где-нибудь в провинции Шаньдун будет за чашкой риса без ничего долго обсасывать личинки цикад и разгрызать хитин скорпионов, выбирая совершенно неведомые европейской кухне пресно-сладкие и горько-кислые нюансы вкусовых ощущений. Кстати, реформа дала большинству китайцев прежде всего возможность нарастить в своем повседневном рационе "железную чашку риса" без ничего (по-китайски "основная еда") так называемыми "вспомогательными" продуктами (мясо, рыба, сахар и пр.).

Я совершенно точно помню разговор с молодым китайским крестьянином летом 1978 года. Тогда, отнюдь не в горах, а на равнине с поливным земледелием под Пеки-

ном, где снимают два урожая и растет даже такая теплолюбивая культура, как хлопок, денежные доходы в пригородной сельскохозяйственной коммуне составляли 8 фэней на трудодень, или меньше чем два с половиной юаня в месяц. Помидоры в то время в Пекине стоили 5 фэней за цзинь (полкило), носки стоили около юаня, а комплект простой зимней одежды — около сорока юаней. Рентабельность продуктивного сельского хозяйства держалась близкой к нулю, и бедность в китайской деревне была ошеломляющей для европейца.

За годы реформ деревня в пригородах, где сбыт рядом, и на равнине, где тепло, вдоволь воды и много рабочих рук, интенсивным трудом разбогатела, приделась, отстроилась новыми домами с городской мебелью и спутниковым телевидением. Особенно заметно поднялась деревня в равнинных восточных и южных районах, где по условиям климата снимают до трех урожаев, а водный транспорт по многочисленным рекам и приморский каботаж своей дешевизной обеспечивают выигрыш над накладными расходами в любых сухопутных и, тем более, горных перевозках.

## ШАГ ЗА ШАГОМ

Курс "четырёх модернизаций": модернизации сельского хозяйства, промышленности, обороны и науки,— был принят в декабре 1978 года на третьем пленуме ЦК КПК одиннадцатого созыва. Но только после того, как был сделан задел накоплений в сельском хозяйстве, получили настоящее развитие остальные направления этого курса. Когда же через 9 лет успехи модернизации были налицо, качественные характеристики четырех модернизаций стали дополняться количественными, а также определены сроки исполнения великого замысла Дэн Сяопина: учетверить объем валового национального продукта (за 20 лет, к 2000 году) и выйти на уровень ведущих мировых держав (за 40 лет, к 2020 году).



Реформы в городе начинались в 1984 году с общественного питания и сферы услуг, не требовавших особых инвестиций (в массе — тот же семейный подряд, что и в деревне). Серьезное же промышленное производство требовало серьезного стартового капитала, а современное производство — современных технологий.

Смею заметить, что, приступая к модернизации промышленности, науки и обороны, китайское руководство опять было самодостаточным, ибо сделало упор не на чужие абстрактные мозги иностранцев, а на советы своих, мыслящих по-китайски конкретно, этнических китайцев, проживающих за границей.

Сначала на самом высоком уровне китайское руководство посоветовалось с успешной китайской эмиграцией из азиатских и западных стран капитала. Советовалось же оно на предмет того, какие направления развития они, этнические китайцы, живущие за рубежом, по имеющемуся у них достоверному опыту, считают перспективными, а какие — тупиковыми. Визиты именитых в мировой науке и зарубежном бизнесе этнических китайцев в Пекин в 80-е годы шли непрерывной чередой. Параллельно десятки тысяч китайских студентов с материка за государственный счет были отправлены на учебу в страны Запада.

Примечательно, что эмиграция из Китая никогда не считалась в китайском обществе изменой Родине. И подавляющее большинство китайцев на чужбине сохраняют чувство сыновнего долга перед Родиной и оказывают помощь своему "срединному государству" вне зависимости от личных политических и идеологических симпатий и чувств к действующей на материке бюрократии, полагает это долгом, обязательным для исполнения.

Серьезные инвестиции в серьезные проекты модернизации промышленности КНР первыми сделали соотечественники из Гонконга и Макао, с Тайваня, а также этнические китайцы из Сингапура, стран Юго-Восточной Азии и Запада. Крупномасштабные вложения внешнего китайского капитала в КНР в 90-е годы — по существу и, даже, вероятно, во многих случаях формально, это возврат долга

с процентами. Ибо и в 60-е, и в 70-е годы китайское руководство способствовало развитию китайского капитализма в Гонконге, в странах Юго-Восточной Азии и, возможно, в США. Экспорт китайских товаров из КНР по бросовым ценам через китайские фирмы-посредники в Гонконге и других третьих странах тогда способствовал накоплению стартового капитала зарубежной китайской диаспоры.

Вслед за китайскими эмигрантами за прибылью от дешевизны рабочей силы, низких требований по экологии, близости сырья и умеренности затрат на строительство в Китай потянулся основной, неземлигрантский иностранный капитал. Однако редко кто из иностранцев внутри Китая сам способен один на один успешно работать в бизнесе против китайцев, и все серьезные иностранные представительства в Китае имеют в своем штате граждан китайского происхождения. Этап вложения капитала в Китай проходит на ура. Трудности у иностранцев возникают на этапе попыток самостоятельно и в лоб реализовать западные схемы возврата капитала и вывоза прибыли (если, конечно, перед походом в Китай у иностранцев изначально не была предусмотрена добротная предпринимательская авантюра). Этим я хочу сказать, что модернизацию промышленности китайцы сделали за иностранные деньги, но, по большей части, мозгами и руками этнических китайцев, что уникально.

Говоря о реформах в городе, следует упомянуть и специфику китайского криминала. Традиционно китайцы решают теневые вопросы между собой, не втягивая в разборки иностранцев. Причиной тому, возможно, является непоколебимая уверенность в духовной ущербности и умственной неполноценности белых и, тем более, черных. В неспособности иностранцев воспринимать всю систему китайских ориентиров ритуала, обычаев, векторов воли. Шантаж иностранца в обычных китайских формах умолчания и образного намека не достигает цели. Иностранец, как бы он хорошо ни знал язык, все одно в "китайских церемониях" бестолков. Его, конечно, можно примитивно

ограбить, но подобный способ действий в отношении "недоумков с окраины" явно ниже достоинства организованной преступности и остается на совести активистов криминала, действующих индивидуально. За семь лет моей практики предпринимательства в Китае и в крупных торговых сделках и в среднем бизнесе (а я, помимо прочего, руководил гостиницей и рестораном на курорте, где априорно есть теневая выручка),— у меня не было ни одного личного и прямого столкновения с китайским криминалом. Не смешивается китайский криминал и с иностранным криминалом. Никакого сращивания или даже согласования действий "русской мафии" с китайскими триадами в Китае я не видел. Попытки русских "братков" собирать долю с мощного потока наших соотечественников, едущих в Китай за мелкооптовыми закупками, и проводить разборки на китайской территории не имели серьезной (прежде всего предоставлением оружия на месте) поддержки от местного криминала и были быстро пресечены китайской полицией. Такова китайская специфика в части личной безопасности иностранцев как одного из факторов, благоприятствующих притоку в Китай иностранных денег.

Особо следует упомянуть о специфике китайской коррупции. Коррупция в Китае, как и проституция, вроде бы и записаны в состав зла, с которым надлежит бороться, но никакой решительности в борьбе я не замечал. Скорее, это сфера взаимоотношений между людьми, которая управляется без поощрения, одним только наказанием. Взятка выступает средством закрыть глаза на то, что в действительности есть, но не укладывается в рамки норматива. Своего рода инструментом для работы в сфере, которая не регулируется законами. Китайская бюрократия изначально признает, что жизнь шире предусмотренного властями и ее стихия превышает человеческие возможности. Непротиворечиво предусмотреть все разнообразие жизни невозможно, поэтому власть преднамеренно оставляет пути решения проблем, которые по закону решить нельзя. Со времен Писания "закон не сделал совершен-

ным никого" (Евр. 7,19). Молчаливое согласие властей с реализацией всего того, что не запрещено, значило бы — снять тормоза. От подобной перспективы "ухода вразнос", который в России наблюдался в 1991-92 гг., спасает как регулятор, своего рода турникет, взятка. Взятка, позволяющая действовать, забирает примерно столько же затрат, сколько пришлось бы заплатить по закону, если бы разрешающий закон был. А взятка как откуп от притеснения властями — это своего рода штраф в ситуациях, когда есть пострадавший, но по суду доказать вину и наказать нельзя из-за отсутствия запрещающего закона. Кроме всего прочего, коррупция есть всегдашний повод для избирательного наказания чиновника любого ранга в случаях его чрезмерного выхода за рамки согласованных клановых интересов. В ходе реформ были наказаны (вплоть до расстрела) сотни высокопоставленных лиц второго плана: вице-губернаторы, заместители председателей, мэры, прокуроры. Самым высоким наказанным чиновником оказался член Политбюро ЦК ЦПК, мэр Пекина Чэнь Ситун, которого приговорили к 16 годам тюрьмы.

Конечно, процессы коррупции в Китае принимают параметры морального разложения и загнивания общественного организма: социалистические идеалы все больше подвергаются осмеянию и попираются, нарастает лихоимство чиновников и влияние мафии, растет преступность, немыслимая при торжестве ортодоксальных идей Мао Цзэдуна.

Однако в Китае, в отличие от зарубежья, именно представители власти играют в формировании мафиозных структур решающую роль, а китайская мафия в своей деятельности опирается, по сути, на конфуцианскую клановую традицию. Очень отчетливо я это видел на примере проституции. В Пекине и на курорте в Бэйдайхэ проституция умело управлялась и пользовалась негласным покровительством каких-то чиновников местных партийных и государственных органов и полицейских, которые рассматривали ее как источник личного и корпоративного обогащения. Однако в 1996 году, на время проведения в

Пекине третьего всемирного форума женщин, на всю проституцию в столице был наложен согласованный двухмесячный мораторий, который неукоснительно соблюдался. То есть, пока Центральное правительство, однопартийная диктатура в сфере права и преданные партии органы безопасности держат в руках рычаги контроля за ситуацией на местах (прежде всего экономические), "простые" уголовники не имеют никаких шансов на то, чтобы самостоятельно стать мафиози и противостоять государственной машине. Справедливости ради, здесь нужно отметить усиление репрессий центральной власти по отношению к коррупционерам-чиновникам на местах, что сопровождается соответствующим информационным обеспечением и вызывает поддержку народа.

Ярким примером направляемой китайской коррупции выступает история с ввозом в страну дорогих автомобилей иностранных марок. Очевидно, что если бы все китайцы пересели с велосипедов на автомобили, то в мире могла бы случиться экологическая катастрофа. Процесс же автомобилизации Китая неудержимо нарастает. Для его сдерживания с одновременной денежной выгодой для государства используется механизм регулирования через цены и ввозные пошлины на машины. После начала реформ и до 1994 года пошлина составляла 210% — и не к свободной цене в контракте покупки, а к фиксированной стоимости, установленной государством в таможенном перечне для автомобилей того или иного класса. Если дорогой автомобиль ввозился в Китай по этим правилам, то он становился супердорогим. Но зов китайского сердца тянет к роскоши. И властью был предусмотрен путь, по которому закон можно было обойти, а именно: через создание совместного предприятия с участием иностранного капитала. Для СП ввоз автомобилей был беспошлинным, так как иномарка ввозилась не сама по себе, а вместе с иностранным капиталом. При этом, конечно, можно было создать и фиктивное СП с единственной целью беспошлинного ввоза дорогих автомашин. Но и в случае фиктивного СП все равно нужно было пройти долгую проце-

дуру. Зарегистрировать иностранный капитал. Затем, после ввоза машин, увести капитал из СП и оформить много других формальностей. Сделать это совсем без взяток было очень трудно. Пошлина не платилась, но затраты на оборот иностранного капитала фиктивного СП через Китай и неизбежные взятки решали ту же задачу, правда с меньшими денежными показателями. В 1994 году порядок был изменен. Льготы для СП были отменены, но и пошлина на автомобили была сокращена до 150%. Для дорогих автомобилей опять был предусмотрен боковой путь. От пошлин освобождались армия и полиция. Через связи и взятки теперь на иномарки стали вешать военные номера. В 1998 году власти провели перерегистрацию военных номеров и опять взяли взятки на легализацию беспошлинных машин при замене номерного знака с военного на гражданский. Казалось бы, после 1998 года никаких лазеек в этом вопросе остаться уже не должно. Ан нет, знаю это по собственному опыту замены дипломатического номера на своем "мерседесе". У полиции крупных городов оказались полученные из Пекина квоты для регистрации иномарок, ввезенных в Китай беспошлинно (в моем случае, по дипломатическому каналу). Легально ни путей ввоза, ни квот не было. Но если находились нужные связи, обходные пути можно было найти и дело повернуть без очевидного криминала. При этом учет и контроль были, но приходные ордера и расписки в получении денег на легализацию машин, естественно, не выдавались. В результате оставленных лазеек улицы крупных китайских городов украшает роскошь дорогих иномарок. Если бы лазеек не было, то улицы выглядели бы очень скромно, и показатель успеха реформ был бы не столь заметен китайскому глазу. А если бы взятки не сдерживали напор желаний, то узкие лазейки расширились бы до неконтролируемого, нарастающего и чреватого катастрофой безудержного потока.

Мощной обеспечивающей успех реформ силой выступает преданная государству и народу, дисциплинированная и ответственная в вопросах службы, разумная и жест-

кая в достижении цели китайская система государственной безопасности. Наверное, не сильно ошибусь, если скажу, что при каждом активно действующем в китайском бизнесе представительстве иностранной фирмы, банка или совместной компании в качестве переводчика или иного местного сотрудника, владеющего иностранным языком, работает секретный сотрудник китайских органов безопасности. В руководстве многих китайских внешнеторговых компаний состоят кадровые офицеры спецслужб. Три раза в моей практике, при заключении особо крупных и важных сделок, некоторые такие руководители раскрывались и даже показывали мне в доверительном плане свои вторые визитные карточки с указанием званий и принадлежности к экономическим подразделениям в органах или армейских структурах. При мне не раз случались курьезы, незаметные для плохо владеющих китайским языком иностранцев, когда впервые пришедшие на переговоры представители какой-нибудь китайской фирмы по каким-то мелким деталям разговора оказывались знакомыми с китайскими сотрудниками совсем вроде бы незнакомого им представительства иностранной компании. Да и меня самого неотступно пасли и, в конце концов, убрали из Китая китайские спецслужбы. И не экономически через убытки или разорение совместного предприятия, не юридически по суду, предъявив какое-нибудь обвинение, но волевым актом, государственным насилием, без комментариев. Через тотальный контроль спецслужбами внешнеторговой и внешнеэкономической деятельности изнутри, с обратной, а не показной стороны процессов и событий, вещи и интересы лучше видятся так, как они есть, в аспекте партнер-противник, а не так, как они благостно представляются вовне контрагентами. Тайно, не всегда легитимно, но часто очень эффективно осуществляется разведка, широкий сбор и обобщение конъюнктурной информации, влияние на цены, противодействие монополизму или демпингу, мобилизация усилий на нужном товаре, авангардные действия на рынке и, в конечном итоге, единое государственное регулирование формально свободного бизнеса.

В середине 80-х годов мне довелось переводить на русский язык программный доклад тогдашнего китайского премьера Чжао Цзыяна по поводу принятой стратегии развития науки и техники. В докладе, на фоне оценок состояния и перспектив перехода человечества в стадию информационного общества, перед Китаем ставилась задача быстрой компьютеризации жизни, употреблялись слова: "не упустить шанс", "успеть вскочить в последний вагон уходящего поезда". Главное препятствие широкому и повсеместному внедрению в китайском обществе персональных компьютеров тогда представляла проблема ввода информации в иероглифическом виде. В индустриальном обществе иероглифы плохо сочетались с возможностями аналоговой техники. Иероглифическая печатная машинка с рычагом и наборной кассой в две тысячи иероглифов была техническим монстром по сравнению с компактными и быстрыми европейскими буквенными пишущими машинками. Документированная телеграфная связь представляла сложную систему четырехзначного цифрового кодирования по коду Плейна, где иероглифам назначались порядковые номера от 0001 до 9999. Для того, чтобы напечатать текст на бумаге или передать текст по средствам связи, требовалась уйма времени. Бюрократическая машина управления буксовала и отставала от жизни. При Мао проблему пытались решить упрощением начертаний иероглифов и внедрением фонетической транскрипции. Но в результате лишь усложнили дело, добавив к полным иероглифам еще и упрощенные. Когда же при Дэн Сяопине было решено переходить на компьютеры, научные силы, занимавшиеся при Мао реформой письменности, были развернуты на проблему ввода информации в компьютер в иероглифическом виде. Быстро была придумана система ввода иероглифов в компьютер по пяти чертам (на клавиатуре нажимается, максимум пять клавиш), и оказалось, что одинаковая ин-



формация в иероглифах вводится и обрабатывается компьютером быстрее, чем в буквенном виде. В информационном постиндустриальном обществе китайцы со своими иероглифами нежданно-негаданно получили фору. Вопросы собственно компьютерной техники были решены развертыванием в КНР соответствующих производств. Прорыв в деле обработки и обмена информации стимулировал прогресс в других сферах. Была сформулирована и осуществлена китайская космическая стратегия, назначены приоритеты волоконно-оптической и лазерной техники, генной инженерии, технологий новых материалов и источников энергий. Однако китайская специфика в модернизации науки — это именно машинная обработка информации в иероглифическом виде. Свой путь в информатике и информационная "китайская стена" с Западом были сохранены. На самом перспективном канале идейного влияния Запада, рассредоточения воли и разрушения моральных приоритетов китайцев был предусмотрен и поставлен иероглифический фильтр. При уже широком использовании персональных компьютеров во многих сферах китайской жизни, пользователей глобальной сети Интернет в 1999 году в КНР было только 10 миллионов или 0,8% населения. И если внутри страны, а также с иероглифическими пользователями во всем мире препятствий в Интернете со стороны Китая нет, то с англоязычным Западом китайское государство с 2000 года на своих серверах ввело автоматизированный контроль и ограничения. Свободный же обмен информацией с Россией в Интернете очень часто наталкивается на разные неожиданные затруднения из-за программной несовместимости иероглифики и кириллицы. Некоторая самоизоляция Китая в Интернете, на мой взгляд, есть специфика интуитивной защиты природной китайской самости от мировой паутины технотронного века.

Примечательно, что перед советским руководством тогда же, в середине 80-х годов, стояла та же проблема с циркуляцией информации. Наиболее острую и радикальную позицию необходимости срочных мер по широкой

компьютеризации страны занимал тогдашний начальник Генерального штаба ВС СССР В.Н.Лобов. Однако "прорабы перестройки" проигнорировали замеченное китайским руководством веление времени. В результате в Китае машинный учет давно дошел до уличных ресторанов средней руки, а в России и крупные хозяйства вошли в XXI век без компьютеров, и начальство, вплоть до президента, все еще "работает с бумагами", а не с персональным ноутбуком.

В начале 90-х годов, когда Китай уже мог опереться на достигнутые результаты модернизации сельского хозяйства и промышленности, когда собственная наука уже могла сказать свое слово, по крайней мере, в копировании по образцам иностранной техники и технологий, началась модернизация обороны. И если модернизация промышленности шла за счет Запада, то модернизацию обороны для Китая во многом сделала Россия, и не за деньги, а на три четверти "по бартеру", в обмен на китайский ширпотреб, пищевые продукты и кое-какое сырье, то есть с учетом безвозвратного их потребления, почти задаром. Военное производство в Китае было заложено во времена дружбы и во многом базируется на советских стандартах. Повернуть техническую модернизацию на иной лад китайцам было бы очень сложно и дорого. Начало модернизации китайской обороны было положено при Горбачеве, сразу после нормализации советско-китайских отношений в мае 1989 года. Первым крупным шагом была бартерная продажа в Китай маршевого двигателя для большой транспортной ракеты. Потом, уже при Ельцине, было подписано широкомасштабное долгосрочное соглашение, охватывающее вооружение и боевую технику всех видов вооруженных сил и родов войск. Кое-что в скромных количествах китайцы покупали в виде готовой техники, но главный выигрыш китайцев был в передаче им технологий производства. Назову общеизвестное: истребитель-перехватчик СУ-27, противоздушный ракетный комплекс С-300, автоматизированная

система обнаружения, сопровождения воздушных целей и наведения ракет С-300 для системы противоракетной обороны района, эскадренные миноносцы и подводные лодки для морской обороны побережья, сухопутные, воздушные и морские высокоточные системы оружия "выстрел-поражение", авиационные бомбы с лазерным наведением и многое другое. Специально оговорюсь: стратегические наступательные системы баллистических ракет, атомных ракетных подводных лодок, ядерных зарядов развивались китайцами, в основном, с опорой на собственные силы.

Внешнеполитическим приоритетом социализма с китайской спецификой было назначено укрепление величия и достоинства страны и ее граждан через объединение нации: возвращение в юрисдикцию КНР Гонконга, Макао и Тайваня по схеме "одно государство — две системы". Специфика здесь в том, что интересы государства по-китайски стоят впереди идеологии общества. "Неважно, какого цвета кошка — черного или желтого, хороша та кошка, которая ловит мышей", — знаменитая идеологическая формула Дэн Сяопина. К концу XX века мощь Китая выросла, и ее стало достаточно для демонстрации силы. Реванш после унижения Китая Западом в XIX веке и первой половине XX века стал возможным. После дипломатической победы вовне над англичанами и сопровождавшегося на материке ликованием возвращения Гонконга в 1997 году (и португальского Макао в 1999 году) для бюрократии в Пекине вопросом "лица" стала внутренняя китайская проблема Тайваня, в военном плане опирающегося на мощь США. При власти на Тайване гоминьдана ситуация была латовая. И коммунисты Китайской Народной Республики на материке, и приверженцы свобод Китайской Республики на острове 50 лет равно претендовали на весь Китай, всегда заявляя о едином Китае по обе стороны Тайваньского пролива. Проблема политической декорации: коммунистической или буржуазно-либеральной — лишь внешний атрибут исконного национализма и прагматизма китайцев. Поэтому обе стороны в первом и втором

поколении участников и наследников раскола 1949 года не могли пойти на какой-либо компромисс без "потери лица". Перспектива "мирного воссоединения свободного демократического и процветающего Китая" появилась только в 2000 году, с избранием Президентом Китайской Республики на Тайване Чэнь Шуйбяня, родившегося на острове и представляющего уже следующее, третье и свободное от догмы раскола поколение чистой бюрократии. К власти президент Чэнь пришел с лозунгом независимости маленького, по территории сравнимого с Голландией, почти тропического Тайваня (население около 22 млн. человек). В патовом положении единства Китая при конфронтации "неделания", своим лозунгом независимости Тайваня он проявил энергию примерно трети населения острова, поддержавшего его на выборах, и тем самым дал импульс делания (*Ян*) в равновесии сил и угроз. А импульсом делания, по сути, подставился, дал слабину (*Инь*). Слабину потому, что в принципиальном противостоянии амбиций власти над всем громадным Китаем была проявлена решительность и настойчивость в объявлении независимости лишь его малой части. Теперь эта проявленная слабость перетянет из пата две противоположные активные силы. Перемены стали возможными. Вопрос лишь в том, к какому результату они приведут? Ответ понятен: КНР на подъеме и от принципа "единого Китая" сейчас не отступится. Ведь это будет не только унижение, по сути, от США, но и прецедент, способный дать толчок сепаратизму в других частях страны: Тибете, Синьцзяне и т.д. Что касается самых серьезных и последних предупреждений руководства КНР насчет возможного применения военной силы для быстрого объединения нации, то это очень по-китайски. Официально Пекину, думаю, достаточно одного только символа своего единоначалия в международных организациях к 2005—2007 году, все остальное не суть важно. Компромисс суверенитета между двумя правительствами де-факто установлен еще с 1987 года, язык и культура едины, а экономики давно дополняют друг друга (на 1999 год показатели та-

ковы: торговый оборот — 23,9 млрд. долл. США, прямых зарегистрированных и опосредованных инвестиций из Тайваня в "материк" — более 40 млрд. долл., в деловых связях с КНР завязаны более 40 тыс. тайваньских предприятий). Проведение же морской десантной операции на Тайвань — слишком сложная и вовсе не обреченная на оглушительный успех акция. Чтобы сложилась решимость ее проводить (провести ее КНР гипотетически может: требуемые для высадки десанта силы флота, ракетных войск и авиации есть, а необходимое господство в воздухе можно обеспечить с аэродромов на материке) нужны сильные основания, зримые обиды за унижение. Обид пока нет.

В связке трех сил: сам Тайвань (0), КНР — "враг" (1) и США — "друг" (1), перемены по канону произойдут в пользу Тайваня, за счет ущерба интересам "друга".  $(1+1) + 0 = 0$ . Реактивный потенциал третьей силы (0) побеждает две активные силы  $(1+1)$ , переводя связку трех сил во взаимовыгодное равенство двух сил  $(0 = 0)$ . И такой результат есть лишь математическая запись политической формулы Дэн Сяопина: "одна страна — две системы".

Идеология в Китае всегда была инструментом власти и обоснованием нетерпимости и решительных репрессий к мятежникам, но она никогда не составляла философскую умозрительную "пропасть противоречий". Главным приоритетом китайской бюрократии всегда были государственные интересы, а в обществе — культ еды. Я в 1983 году ездил в провинцию Шаньси и посещал там чудо архитектуры: "висячий храм", прикрытый нависающей горой с отрицательным уклоном. Так вот, тамошний монах разъяснил мне, почему в этом храме сохранившемся с IX века, буддизм, конфуцианство и даосизм со всеми предметами их культов были под одной крышей. Оказывается, еще во времена династии Северная Вэй один из императоров указал, что подданные могут верить во что угодно, лишь бы в Поднебесной была гармония, все было спокойно и люди не отвлекались на религиозные распри. В наше время Сталин за глаза называл Мао Цзэдуна редиской

(снаружи — красный интернационалист, а внутри — белый националист), затем китайцы обзывали СССР "гегемонизмом" и "социал-империализмом", а СССР обвинял Китай в "ревизионизме". Красный Китай в 1969 году при Мао демонстрировал Советам вооруженную силу на Даманском, а в 1979 году при Дэнэ лупил красный же Вьетнам, где опять проводил урок устрашения, нанося "контрудар в целях самообороны". Всю эту перебранку, которую затевал "красный" Китай со своими красными же соседями, американцы язвительно называли "пролетарским интернационализмом в действии". На деле все эти факты лишь иллюстрируют вечный и махровый национализм китайцев. Китайская политика "открытости и реформ" Дэн Сяопина — тот же национализм в форме затягивания к себе иностранных денег и иностранных технологий (ни то ни другое никакой благородной идеологией или моралью не пахнут).

Китай не был и не будет искренним, за идею, другом ни Запада с его либерализмом, демократией и законом, ни России с ее тоталитаризмом, аристократией и идеалами. Китай — родина безыдейной бюрократии, если и будет что-то делать для других, то только за взятку. Китайский дракон будет сидеть в центре на горе, смотреть, как по окраинам в долине идет схватка, как соблазну и энергии Запада противостоит страх и воля России. Будет порывивать для обозначения собственной значимости и своей потенциальной силы, но, не вмешиваясь и не помогая, будет только ждать, когда побеждающая сторона даст китайскому дракону взятку за сохранение нейтралитета, а проигрывающая даст взятку с расчетом на благосклонность. Примерно так обстояло дело во время Второй мировой войны перед разгромом Японии, когда Америка накачивала китайское правительство Чан Кайши как союзника по антигитлеровской коалиции, а Советская Россия накачивала красную китайскую оппозицию как своего идейного союзника. Примерно так, наверное, мог рассуждать и первый император новой династии Мао, который после длительного периода национального унижения ки-

тайцев в XIX веке от Запада и России, а также 30 лет либеральной смуты Китайской республики, возродил в Китае "дух дракона". За счет искренних взяток от находившейся тогда на подъеме Советской России, теснившей Запад расширением социалистического лагеря с опорой на мировую коммунистическую идею, император Мао вернул дракону достоинство и ракетно-ядерный рык. Примерно так делал и продолжатель династии император Дэн, который накормил и приодел страну. Измотанную в холодной войне с Западом Россию, за лозунг "стратегического партнерства, направленного в XXI век" он вынудил, в пику атлантистам, на взятку оружием и военными технологиями для модернизации своей обороны. А атлантистского тигра, напав на Бразилию в ходе визита в США в январе 1979 года американскую ковбойскую шляпу, а через две недели ударив по Вьетнаму, Дэн вынудил дать взятку инвестициями на модернизацию промышленности сельского хозяйства и науки. В этом состоит смысл открытости и "срединного государства" и "социализма с китайской спецификой" в деле реформ и технической модернизации.

## ФИНАНСОВАЯ МОДЕЛЬ

Специфика китайской "открытости" лучше всего видна на примере финансовой политики реформ. А суть ее в том, что *в китайской экономической модели доминирует исключительно национальный интерес. Внешний мир лишь используется в национальных целях. Уступки требованиям извне вынужденные, а отнюдь не вызванные стремлением к рыночному хозяйству западного образца.* Китайская открытость на деле — это дверь, ведущая только внутрь, а не в обе стороны. По сути — это закрытость китайского рынка от западного "рынка без границ", а именно:

- Приветствуется конвертирование доллара в юань, конвертировать юань в доллар куда сложнее. Полной конвертируемости юаня нет, государством обеспечивается лишь обратимость юаня по текущим счетам.

- Приветствуется неограниченный ввоз валюты в Китай, а вывоз валюты за границу частными физическими и юридическими лицами затруднен многоступенчатой процедурой разрешений и строго контролируется банками и таможней.
- Во внешней торговле поддерживается полный контроль за коммерческой и банковской тайной. Контроль осуществляется через структуру квотирования и лицензирования министерством внешнеэкономических связей и управлением валютного регулирования. Разрешается только плановый импорт и только его оплата валютой.
- Китайские внешнеторговые компании должны перекрывать разрешенный им валютный импорт экспортом китайских товаров. Где только удастся, в оплату импорта иностранцам зачисляется не валюта, а неконвертируемые юани, на которые те по своему выбору закупают и вывозят китайский товар.
- Существует разграничение фондового рынка на две части, на главную из которых иностранные инвесторы не допускаются. По объему капитализации соотношение между двумя рынками акций — только для китайских инвесторов и только для иностранных инвесторов — составляет 9:1.
- Бегство инвестированного в Китай капитала исключено. Иностранный инвестор, вложивший в производство деньги, машины, оборудование, технологии, возврат капитала и прибыль может иметь только в виде произведенного товара. Причем по закону о предприятиях с участием иностранного капитала 70% товаров должны обязательно вывозиться из Китая и только 30% можно продать за юани на внутреннем китайском рынке. Таким образом, за рубеж отправляется в основном возобновляемый ресурс овеществленного труда нынешнего поколения китайских рабочих, а факторы стоимости производства — производственный капитал, возмещение его убыли от амортизации и накопление — остаются в Китае.



Прелести китайского валютного регулирования для китайцев я узнал, когда мне нужно было срочно оплатить международный фрахт судна по договору морской перевозки российского груза, следовавшего через Китай транзитом во Вьетнам. Достаточно было один раз пройти долгую процедуру согласования и оформления законного валютного платежа за рубеж со счета моего совместного предприятия (китайского юридического лица) для того, чтобы впредь перенести все валютные расчеты в Гонконг, а на банковские счета в Китай заводить, ровно столько валюты, сколько нужно для ближайших платежей внутри Китая.

Глядя на вывески магазинов и торговые марки международных компаний, написанные по-английски, может показаться, что в Китае много импортных иностранных товаров, функционируют многочисленные иностранные предприятия и банки. По жизни же, в Китае подавляющее большинство товара сделано на месте китайцами, на китайских предприятиях с участием иностранного капитала или без него, беззастенчивым копированием иностранных моделей и зачастую пиратским использованием иностранных торговых марок. А иностранные банки имеют в Китае только свои представительства для ускорения и отслеживания операций по платежам международной торговли и внешнеэкономических связей.

Все же расчеты и платежи в Китае проводятся только в китайских юанях (народных деньгах, в отличие от тех китайских юаней, которые ходят на Тайване). Юридических и физических лиц в КНР обслуживают только китайские банки, при этом 70% банковской системы Китая контролируют четыре государственных банка, а финансовая сфера в целом, наверное, на 90% остается сегодня в руках государства.

Социализм с китайской спецификой осуществляет не только полное валютное регулирование в стране, но и через это регулирование обеспечивает полную гарантию валютных и юаневых вкладов населения. За 20 лет реформ власть пока народ ни разу не обманула.

Защитив сбережения населения от обесценивания, китайское государство сумело тем самым создать условия для накопления финансовых средств необходимых для зарождения и развития частного бизнеса. Из сбережений граждан, то есть из внутренних ресурсов, осуществлялось и кредитование реформ (при этом государство брало на себя возмещение рисков безвозвратных кредитов, достигающих в Китае 20—25%, при критической норме западного рынка 8%). К концу 90-х годов даже возникла проблема, как заставить граждан тратить образовавшиеся накопления, так как по ряду товаров народного потребления обозначилась дефляция (снижение внутренних цен на 1-2%). Как следует из анализа практики 9-й пятилетки, китайское руководство регулировало финансы то снижением ставки дохода по срочным вкладам в банках с 9 до 3% годовых; то увеличением объема наличных денег в обороте на 16% в год; то существенным, до 40%, повышением зарплаты служащих. Эти меры позволили избежать как резкой инфляции, так и дефляции, сохранить юань стабильным, неуклонно увеличивать потребление всех китайцев и наращивать производство. Как следует из заявлений официальных лиц, и в 10-й пятилетке (2001—2005 гг.) юань будет стабильным, и нет оснований сомневаться, что эта задача невыполнима. Ведь финансовые рычаги находятся в руках государства (залог стабильности и покоя), а ответственность за результаты хозяйственной деятельности во многом уже переложена с государственных плеч на плечи предприятий, располагающих, как юридические лица любого вида собственности, самостоятельными имущественными правами (залог деловой активности).

Китайская финансовая система построена так, что обеспечивает экономику финансовыми ресурсами для развития за счет внутренних источников и создает достаточно эффективный режим абсорбции свободных денежных средств и их перераспределение в интересах реального сектора. Так кредитуются рынок.

Примечательно, что в России частный сектор получил почти все свои капиталы даром, под предполагаемую эффективность, и пока что в большинстве успешно продемонстрировал лишь способность их проедать. В Китае же частный сектор получил почти все свои капиталы под обязательство доказать свою эффективность отработкой кредита, получаемого под процент. Это, помимо прочего, включило механизм отбора предпринимателей: те, кто сумели эффективно распорядиться кредитом, пошли в гору, а те, кто не сумел это сделать,— выпали из хозяйствующих рядов, наказанные экономикой.

Граждане КНР имеют полное право свободно получать доллары из-за границы (или доставать их где получится), хранить валюту на личных банковских счетах, а при необходимости отдавать ее насовсем государству, обменивая на народные юани. А вот свободно менять юани на доллары китайское государство не разрешает и, тем самым, многие годы оберегает свою экономику и жизненный уровень граждан от бурной инфляции. Таким путем социализм с китайской спецификой не позволяет США сливать свою американскую инфляцию в Китай в форме виртуальной стоимости портретов на зеленых бумажках, но собирает эти зеленые бумажки у граждан и компаний и возвращает их обратно за границу в форме платежей за реальные импортируемые товары. Подрабатывающие в Китае иностранцы (кроме сотрудников иностранных представительств, денежное содержание которых в валюте поступает из-за рубежа), как и китайцы, получают вознаграждение в юанях. Тащить заработанные народные юани на Родину не имеет смысла, и они должны либо легально потратить их в Китае и вывозить товары, либо менять значительную часть юаней на "черном" рынке на доллары, рискуя получить "куклу" (официальных пунктов свободного обмена валюты нет).

Гонконг — седьмой в мире по грузообороту морской порт и крупнейший финансовый центр Азии, еще с 1951 года, когда ООН из-за войны в Корее наложило эмбарго на торговлю с Китаем, выполняет функцию «уполномоченного

посредника» КНР в торговле, инвестировании и обмене технологиями с заграницей. Около половины китайского внешнеторгового товарооборота и валютных платежей проходят через Гонконг. Поэтому китайские власти перед возвращением Гонконга Великобританией Китаю в плановом порядке долгие годы (чуть не десять лет) медленно и плавно снижали курс юаня к доллару США почти ровно до курса обмена гонконгского доллара на американский доллар. И вот уже лет пять, начиная с 1995 года, за 100 гонконгских долларов китайцы дают 106—108 народных юаней. Теперь финансовая связка континентального Китая и его специального административного района Гонконг, за счет национально-патриотической (а не конъюнктурно-рыночной) поддержки друг друга, сообщаясь, но не перемешиваясь, успешно и стабильно удерживает почти одинаковый уровень котировки и огромной неконвертируемой массы народного юаня и весьма ограниченной массы полностью конвертируемого гонконгского доллара под самыми жесткими ударами мирового рынка, финансовых спекулянтов и закулисы. Ибо внутренний, неконвертируемый юань, в котором исчисляется стоимость всей огромной массы реальных китайских экспортных товаров, проходящих через Гонконг, опирается на монолит всего достояния народной республики. А гонконгский доллар, обслуживающий "город-государство", непоколебимо держится на плаву в мировой валютной системе, так как жестко привязан к доллару США, на котором она основана и в котором исчислены громадные активы мировых банков, квартирующих в Гонконге (в 2000 году валютные резервы Гонконга составляли порядка 100 млрд. долл. США). И какими бы дутыми в условиях постоянной инфляции в КНР и все большего пузыря виртуальных активов мировых банков в Гонконге, на самом деле ни были эти котировки, обрушить их извне очень трудно, ибо для этого нужно, чтобы одновременно расшатались сразу оба устоя финансовой связки, а такое маловероятно.

Результат китайской открытости только внутри Китая выражается в накоплении государством валютных резер-

вов, экономической независимости страны, возможности регулировать внутренние цены и сдерживать инфляцию (что трудно, так как с реформами идет неизбежный рост городского населения, стоимость жизни которого в городах приходится дотировать).

Вот такую китайскую специфику в финансах можно было бы с пользой применять и в России (за годы реформ к 1999 году валютные запасы КНР составили почти 150 млрд. долл. США, а у России примерно эта же сумма набралась в государственный долг). В ней нет ничего уникально китайского, нужно лишь российскую дверь в мировой рынок, открытую в обе стороны, свободно открывать только внутрь.

## ФЕНОМЕН ТЯНЬАНЬМЭНИ

Побочным результатом китайского курса открытости было проникновение в китайское общество западных либеральных идей демократии, вошедших в противоречие с конфуцианской бюрократической традицией. "Права человека", которыми Запад соблазнял китайское общество, пользуясь политикой открытости и реформ, чуть было не запустили вирус анархии в миллиардный организм нации.

Вирус этот был уничтожен архитектором реформ Дэн Сяопином на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. Если бы китайское руководство поддалось тогда на искушение провести либерализацию жизни китайского общества, если бы оно не пошло на решительное подавление вооруженной силой диссидентских выступлений в Пекине, то наверняка получило бы примерно то же, что произошло в России. И если горбачевская "перестройка" привела к размыванию сразу всех устоев советской жизни, расчленению, дестабилизации, кровавым столкновениям на международной почве, беженцам, хозяйственному разорению на местах, ослаблению центральной власти, региональному сепаратизму, несчастьям и потрясениям далеко за пределами СССР, то от дестабилизации миллиардного Китая содрогнулся бы весь мировой порядок.

Нет границ восхищения державной мудростью Дэн Сяопина, который убедил стоящие у власти кланы, что выступления демократического толка сметут все руководство и КПК вообще, и силой оружия решительно раздавил попытку либерального гражданского мятежа. Когда на фронтах "холодной войны" шел откат и сдача позиций социализма, он сумел возвыситься над настроениями ряда столичных китайских политиков, увлеченных пораженческим вихрем либеральной советской перестройки, разрушения системы партократии и отступления со сталинских рубежей в Германии и странах Восточной Европы. Возвыситься над навязываемым Западом культом жертв и не приемлющим жесткое насилие мелко-гуманитарным мнением "международной общественности".

Дэн Сяопин заручился поддержкой на периферии у командующих военными округами. Затем заменил в Пекине распропагандированные части столичного гарнизона на свежие войска и позволил войскам с ходу при вводе в город в ночь на 4 июня 1989 года неограниченно применять оружие против любого гражданского неповиновения: порядок был восстановлен им и лидером армии Ян Шанькунем быстро и малой кровью.

Я был в Пекине в это время. Все начиналось в середине мая под визит в Китай главного перестройщика ортодоксального социализма на "общечеловеческий" лад, разрушителя стержня системы — власти партии, М.С.Горбачева и официальное восстановление в ходе этого визита советско-китайских отношений. Уже во время визита, 15-17 мая, проехать через площадь Тяньаньмэнь, занятую студентами, было почти невозможно. Решительные действия властей по пресечению либеральных выступлений в ходе действительно исторического визита предпринимать было никак нельзя из-за соображений "потери лица". Это было на руку участникам мирного мятежа. Затяжка с принятием мер укрепляла победный дух бунтующих. Масштабы выступлений росли. Митинги бунтовщиков и их баррикады из автобусов и троллейбусов распространились на основные перекрестки второго кольца. Затем была ноч-

ная расправа войск над мятежной толпой в центре города. Потом два-три дня я видел то обожженные трупы солдат, привязанные бунтовщиками к перилам мостов на обозрение прохожих, то обгорелые армейские машины, сожженные студентами. Ощущал настороженное безразличие и внешнюю отчужденность большинства населения Пекина от происходящего. Китайцы вообще жестоки, и вид крови и страданий может вызывать у зрителей даже смех. Народу на улицах сильно поубавилось, но учреждения и предприятия, магазины и рестораны, общественный транспорт и рынки продолжали работать.

По проскользнувшему тогда официальным данным, со стороны войск погибло больше тысячи солдат. Цифры потерь среди бунтовщиков не сообщались, но среди безоружных бунтарей погибших должно было быть на порядок больше. Пусть даже при усмирении бунта погибло 10 000 человек, но в масштабе громадного населения Китая это настолько мало, что значительная по европейским меркам цифра меркнет перед возможным числом лавины жертв и несчастий народа в случае распространения в стране хаоса и анархии.

Память о временах "культурной революции" была свежа. Сторонники либеральных реформ в китайском руководстве, справедливо отдавая перспективу молодежи и делая на нее ставку в ходе гражданского бунта, ошиблись в отношении ветеранов "культурной революции", отведя им жалкую роль ненужного современному китайскому обществу неквалифицированного и необразованного балласта. Социалистически настроенные специалисты старшего поколения отошли от активной роли на позиции консультантов, действующих на пенсии, но у руля китайского общества естественным образом стоит поколение, которому сейчас 40-50 лет. Смена поколений — это объективный фактор. Все командные посты сейчас заняты управленцами, прошедшими потрясения "культурной революции" и хорошо помнящими, что такое смута и что такое порядок.

У меня в СП и китайский председатель правления, и мой китайский заместитель гендиректора были активными участниками "культурной революции". Поэтому на основании личного опыта я смею утверждать, что именно их поколение удержит Китай от западных соблазнов демократии, "прав человека", безмерного потребления и сохранит государственный стержень бюрократии, сплывающий население в народ. Сохранит приоритеты не отдельного человека, но семьи и клана, а также умеренность и ограничения, исходящие из государственных интересов.

Наверное, именно из-за явной "неинтеллигентности" поколения "культурной революции" Китай не тронул комплекс неполноценности социалистической системы, психологически навязываемый Западом через "права человека". Наверное, и находящееся сейчас у рычагов власти в России поколение, мужавшее на теории и практике хрущевского "ревизионизма" и брежневского "застоя", принявшее ныне мафиозно-номенклатурные формы, не даст либерал-демократам сломить аристократический, надвыборный и с сохранением привилегий, стержень российской власти.

Глядя на такие пороки "вестернизации" Китая, как рост безработицы, преступности и имущественного расслоения, со временем все большее число людей в КНР будет понимать, что главное для них — не абстрактные "права и свободы", а общественная стабильность и что для Китая нет пути, основанного на компромиссах и уступках, к которому призывают либерально-буржуазные элементы.

После срыва губительных начинаний китайских либералов в 1989 году Запад опять пытается подпустить монопольному Китаю заразу индивидуализма и общечеловечности через питающие капитализм религии протестантской и католической ветвей христианства. Эта новомодная западная струя, так же, как и "права человека", размывает и коммунистическую идеологию красного Китая, и устои традиционной конфуцианской этики. Китайское руководство предпринимает титанические усилия, чтобы не дать этой струе распространиться. Знаю по собственному



опыту. Мое совместное предприятие на китайском морском курорте в Бэйдайхэ имело гостиницу "Руссотель", расположенную примерно там, где в 1887 году настоятель 18-ой русской духовной православной миссии в Пекине первый епископ Пекинский и Китайский Иннокентий (Фигуровский) построил летнюю дачу и церковь в честь Преображения Господня. Затем на этом месте во времена дружбы с 1954 года и до начала 60-х годов был санаторий для советских специалистов, а с 1994 года эстафету принял я. Дача и церковь были снесены еще в 30-е годы, но оставался древний колодец под шикарной вековой сосной. В 1997 году, к столетнему юбилею официального присутствия русских в Бэйдайхэ, я у этого колодца — из старинного серого кирпича по старой технологии, на белой извести — соорудил поклонный столб с иконой Преображения Господня. Такие столбы на Руси ставили на ямщицких трактах для путников, чтобы можно было помолиться от напастей в дороге. И у меня столб был рассчитан на приезжих русских туристов, а вовсе не на китайцев. Однако простоял он всего неделю и был снесен властями без предупреждения и каких-либо обсуждений, как мне потом сказали — по идеологическим соображениям. Попытка "застолбить" духовное присутствие русских, с надеждой, что на разрушение простого столба без надписей рука не поднимется, была пресечена с той же решительностью, с которой были убиты 222 православных прихожанина из китайцев при миссии в Пекине, когда ихэтуани в 1900 году громили все иностранное. Действительно, в 90-х годах китайские власти разрешили кое-где в крупных городах открыть сохранившиеся от миссионеров с XIX века христианские храмы, но это можно считать лишь созданием клапанов для сброса давления прозападного китайского диссидентства в наиболее безопасном направлении.

Тем более что одновременно с объективным процессом попраiania социалистических идеалов и духовных ценностей как в мире, так и в КНР, пекинскими властями были сняты ограничения с процесса возрождения конфуциан-

ских традиций и обрядов. Конфуцианцы поклоняются предкам. В настоящее время традиция почитания предков и патриархальных нравов в Китае восстанавливается. При Мао культ предков и многое другое было зачислено в разряд феодальных пережитков. После прихода КПК к власти храмы предков были закрыты, а церемонии поклонения предкам запрещены. С конца 80-х годов положение стало меняться: было разрешено проводить в храмах предков торжественные церемонии, все храмовые здания, ранее использовавшиеся не по назначению, были возвращены прежним владельцам, стали восстанавливаться родословные кланов. Наиболее активно этот процесс идет в деревне, где живет большинство населения и где наиболее сильны корни китайской культуры. Но заметить это можно и в Пекине: на углу бывшей "антиревизионистской улицы" перед главными воротами посольства России с начала 90-х годов восстановлена и действует довольно убогая по западным меркам традиционная китайская чайная при почти развалившемся конфуцианском храме.

Китай — тихоокеанская страна, и одной из специфик, о которой нельзя не упомянуть, было открытие в 1984 году для внешнего мира четырнадцати прибрежных портовых городов. В этих городах были выделены площади земли, названные зонами экономического и технического развития, в пределах которых был введен привлекательный для инвестиций режим льгот по налогам, сборам и пошлинам. Для иллюстрации результатов обустройства этих точек роста расскажу о географически самом близком к России открытом для внешнего мира городе Далянь, четвертом по грузообороту морском торговом порте КНР.

Начнем с того, что Далянь и находящийся рядом Люйшунь — это города русской славы *Дальний* и *Порт-Артур*. Из боевой летописи защиты морских крепостей порт-артурская эпопея сравнима лишь с обороной Севастополя. Порт-Артур около года держался совершенно отрезанный японцами от основных русских сил. Дальний, как и Харбин, был основан при строительстве Китайско-Вос-

точной железной дороги 100 лет назад в 1898 году русскими. КВЖД — часть Великой транссибирской магистрали, связывала Читу с Владивостоком. Ответвление дороги от Харбина до Порт-Артура и Дальнего называлось Южно-Маньчжурской железной дорогой. На Дальнем Востоке России, как в Царстве Польском и на Кавказе, было наместничество, и резиденция Наместника Русского царя долгие годы была не во Владивостоке, а именно в Дальнем.

Дальний был крайним форпостом Российской и Советской империи на Тихом океане. Железная дорога, военноморская база и коммерческий порт в Дальнем лишь в 1950-52 гг. были переданы Сталиным китайцам. Уход русских из Дальнего с передачей китайцам всего недвижимого хозяйства, оборудования и советских промышленных технологий был символом доверия и бескорыстной помощи старшего брата социалистическому младшему брату. И не случайно центральная площадь города до 1994 года носила имя Сталина, а до 1998 г. на ней еще стоял памятник советским воинам-освободителям Даляня от японской оккупации. С начала реформ китайские власти последовательно вытесняли из Даляня и благую память о русских, и преподавание русского языка школьникам и студентам, и русское торгово-экономическое присутствие. Площадь Сталина была переименована, а памятник перенесен с главной площади на далекое кладбище. Зато огромный японский обелиск на господствующей над Люйшунем горе никто и никуда не переносил. Для нынешней китайской молодежи этот обелиск символизирует не только победу японцев над русскими в 1905 году, но и нынешнюю победу японского производственного капитала, почти напроць вытеснившего в современной экономической зоне Далянь советскую промышленную технологию времен дружбы. Далянь сорок лет (1905-1945 гг.) был оккупирован японцами. Восемь лет, с 1937 по 1945 год, китайцы вели войну Сопротивления против японцев. Унижение от Японии китайцами не забыто, но развитие Даляня в последние 20 лет осуществлялось главным образом за

счет успешно привлеченных японских денег. И новый контейнерный терминал в даляньском порту ориентирован вовсе не на Россию, но на Японию, и обслуживает порт в основном этот грузопоток. Нынешний Далянь на полученную от японцев «взятку» превращен китайцами в красивый и богатый город с современной технологией хозяйства, своего рода северный Гонконг.

Историю с переименованиями и памятниками я привожу здесь для иллюстрации нынешней геополитической реальности. О том, что в 1898 году Харбин и Дальний основали русские, в 2000 году уже мало кто помнит. Японская же электроника и автомобили сегодня настолько привычны, что "рядовой россиянин", побывавший в Китае, их в качестве каких-то особенностей иностранного присутствия даже не замечает.

## ГОНКОНГ И СИНГАПУР

Если задаться вопросом, как будет выглядеть социализм с китайской спецификой тогда, когда цели реформ будут достигнуты, то для меня ответ очевиден: китайское общество на материке в городах будет похоже на нынешние Гонконг и Сингапур. Гонконг и Сингапур можно рассматривать как модель развития Китая, имеющего громадное тихоокеанское побережье и все экономические выгоды морской державы. Ориентиры благополучия с приоритетом богатства и тут и там единые, конфуцианские. Точное копирование — исконно китайская черта, определяемая конкретностью иероглифического мышления. А копировать и перенимать знания и навыки от своих же китайцев, достигших в Гонконге и Сингапуре зримого богатства при сохранении гармонии и добродетели куда легче, чем от иностранцев. Гонконгские и сингапурские китайцы, конечно, отличаются от материковых, но лишь тем, что поднявшись на высокий уровень потребления, они научились культуре потребления, вот и все.

В 1995-99 годах в Гонконге и Сингапуре я бывал по делам довольно часто. Летал я туда главным образом как "присяжный инспектор" на передачу груза в порту при морских перевозках. И в Гонконге и в Сингапуре перво-наперво впечатляет стремительный темп жизни, всеобщая работоспособность, динамичность торговли, экономическая активность и целеустремленность. Кубические формы причудливых небоскребов и металлическое свечение отделки и подсветки серебристых, золотистых, стальных, голубоватых и даже зеленоватых громадин деловых зданий банков, компаний и шикарных отелей восхищают мистическим величием делового размаха. "Каменные джунгли" жилых кварталов высотных домов, кое-где со свисающими "лианами" канализационных и водопроводных труб, проложенных по стенам снаружи, запутанных пешеходных проходов, переходов и автомобильных развязок в разных уровнях подавляют узостью пространства. Но особенно, если смотреть со стороны моря, поражает обилие судов не рейде и необъятность контейнерных терминалов. Движение же судов в проливах столь интенсивно, что на мысль приходит аналогия с оживленным городским проспектом. Длинные громадины танкеров, многоярусные контейнеровозы, разнокалиберные сухогрузы. Иногда роскошные лайнеры и грозные военные корабли. Черное, красное, зеленое разноцветье. На бескрайней синеве моря сверкающая белизна, язвящая ржавчина или грязная серость вереницы судов не оставляют взору свободного от них места. Морской транспорт и его дешевизна по сравнению с сухопутным — вот где, наверное, корень благополучия этих островных мегаполисов, занятых реэкспортом и валютно-финансовыми операциями на перекрестках мировых торговых путей. Общее же впечатление от тамошнего общества — образец современного конфуцианства, построенный китайскими эмигрантами на британском колониальном фундаменте. Сингапур — пример китайской экспансии XX века, когда китайские кули, бежавшие с материка в начале века, за несколько поколений поглотили остров и создали на нем

китайское государство. В организации общества, быте и нравах — строгая система подчинения. В национальном плане китайцы старшие, а некитайские меньшинства — младшие. Общественная мораль возведена в ранг установленного порядка, который поддерживается государством мерами строгого принуждения. Особенно в Сингапуре — все мало-мальски антиобщественные проявления слабостей личности запрещены и безжалостно караются. Порядок и чистота, как необходимая организация жизни коллектива, наглядно торжествуют над свободой проявления инстинктов, самобытности и своеобразия индивидов. Жизненный уровень весьма высок, как по общемировым, так и, в особенности, по меркам ближайших азиатских соседей из стран АСЕАН, но и жизнь дорогая. Технический прогресс заметен на каждом шагу. Цель и критерий азиатского успеха в жизни — роскошь — просто бросается в глаза. Наблюдения позволяют думать, что дорогие автомобили: "мерседесы", "порше", "феррари" и прочие составляют большую часть автомобильного парка. Не редкость на дороге даже шикарные "бэнтли" и "роллс-ройсы". Скорость — норма жизни, и в качестве такси используются трехлитровые "тойоты", которые по объему двигателя в других местах числятся машинами представительского класса. Жилье богато, просторно, кондиционировано, блистает полированным мрамором и гранитом, сверкает металлом. Задыхающиеся от жары и влажности многоэтажки с тусклым неоновым светом, многогюрусными нарами и застиранным бельем на веревках, что еще не редкость в Гонконге, — в Сингапуре, наверное, тоже есть, но в глаза уже не бросаются. Досуг устремлен в развлечения, но не в развитие. Главным местом развлечения для широких масс выступают огромные торговые центры. Жители целыми семьями с детьми, толпами, слоняются по этажам, и такое впечатление, что в выходные весь день напролет глазуют на товары, что-то покупают, здесь же и едят. Китайцы очень азартны, и развлечение для богатых — казино. Но поскольку в Сингапуре все запрещено, то выход такой: казино работают на пас-

сажирских лайнерах, а игра начинается после выхода в море (оффшор). Гонконгцы с теми же целями выезжают через залив в Макао. Досуг китайцев на материке все же больше в ресторане, чем в магазине. Еда — главная ценность китайской цивилизации, и показатель богатства на материке — это состав заказанных в ресторане блюд. А досуг такой же: мацзян, карты, баня с массажем. В Гонконге и Сингапуре для массового китайца главное развлечение — уже магазин. Еда куда менее изысканна и разнообразна, чем на материке, и куда более дорогая. Наверное потому, что подавляющее большинство продуктов импортируется. Потребление товаров выдвинуто на первый план, а это от Запада. И еда внедряется быстрая, что не по-китайски, так как вкус и хуже, и однообразнее. В Сингапуре бросается в глаза почти полное внешнее отсутствие иероглифов. Указатели, основные вывески и надписи, реклама — сплошь на английском. Размышляя над причиной такой антииероглифической практики насквозь китайского государства я пришел к мысли, что, внешне избегая иероглифов, Сингапур преодолевает центростремительность китайской цивилизации, в официальной части подчеркнуто изъясняясь по-английски, заглушает голос крови и зов китайского сердца, сохраняет внешнюю самостоятельность. Избегая иероглифов, власти по умолчанию хотят преодолеть конкретное в мышлении и елико возможно для китайца абстрагироваться по-западному. Выпятить индивидуальность личности перед принадлежностью к клану. Этой цели служат и европейские имена при китайских фамилиях типа Дэни Вунг или Урсула Им (в китайских именах фамильный иероглиф стоит впереди имени собственного). Я видел католический храм в Сингапуре во время воскресной службы. Собор был заполнен до отказа, что говорит о проникновении западных ценностей в китайскую душу. И если богатство — это исконно китайский ориентир, то смиренное покаяние, очищение совести, наказание самого себя и завет с Богом об исправлении жизни — это то, чего у китайцев на материке я не замечал.

Нынешнее отличие Гонконга от Сингапура состоит в большем укоренении конфуцианских норм поведения, ценностей и стиля жизни в Сингапуре при пока сохраняющихся либеральных ценностях, плюрализме и свободах в Гонконге. Дело, наверное, в том, что в Сингапуре с 1959 года уже два поколения тамошних китайцев имели китайскую власть во главе с китайцами. Ли Куаню, выдающийся китайский державник, "отец" современного Сингапура, считавший, что величайшим капиталом страны является ее население, правил 31 год и создал общество дисциплины, порядка и долгосрочного планирования на базе мощной, подконтрольной парламенту экономики.

В Гонконге же пять поколений китайцев до 1997 года жили под британским колониальным управлением, и пока милого китайскому сердцу бюрократизма мало, нет особых запретов, рабочая сила мобильна, а компании живут от сделки до сделки. Однако с самого начала Гонконг был движим китайской жадой богатства и имел перед собой лишь совпадающую с Западом жизненную цель — делать деньги. В этом он, несомненно, преуспел. При отсутствии каких-либо значительных природных ресурсов богатство Гонконга, как и богатство Сингапура, было достигнуто благодаря его единственному активу: прагматичному, работоспособному, обращенному к реальности и глубоко осознающему неравенство социальных отношений китайскому населению.

Последний раз в Гонконге я был 1999 году. К этому времени китайская власть в Гонконге успела закрыть старый музей с британской версией истории, культуры и благоденствия колонии. А гонконгских школьников в обязательном порядке стали водить в новый музей превосходства древней китайской цивилизации над иностранной.

Музей истории борьбы китайцев с англичанами ("дракона" с "тигром") в опиумных войнах, и так далее — вплоть до победного возвращения Гонконга в лоно Родины.



Свои реформы Китай проводит больше двадцати лет и в XXI век, на мой взгляд, вошел уже на излете принятого в декабре 1978 года курса. Несомненный и даже беспрецедентный экономический прогресс достигнут. Дальнейшие рыночные преобразования грозят нарушить стабильность китайского общества, а именно стабильность и мерная поступь модернизации и наращивания были главными критериями успеха реформ Дэн Сяопина. Впереди следующая фаза цикла, с усилением регулирующей роли государства. О том, что она будет именно такой, позволяет судить политика локализации давления избыточного сельского населения не в частный сектор, а в государственные программы строительства объектов инфраструктуры: скоростных дорог, аэродромов, портового и городского хозяйства. Примечателен и китайский путь наращивания основы экономики — мощностей электроэнергетики. Китаю повезло с запасом экологически чистых и неисчерпаемых гидроресурсов. Одна незамерзающая Янцзы по перепаду высот и расходу воды превышает Обь и Енисей, вместе взятые. И грандиозное строительство каскада электростанций на горном участке трех ущелий — это государственная программа. Строительство тепловых и атомных электростанций там, где гидроресурсов нет, — это тоже государственные программы.

В ходе реформ китайское руководство преследовало национальные интересы, и в целом картина социализма с китайской спецификой сейчас выглядит так: Китай, не потеряв национальный азиатский облик и культурную уникальность, преодолел отсталость и набрал силу, а люди стали жить лучше. Таков, на мой взгляд, срез неофициальной истории современных конфуцианцев. Не буду останавливаться на бытующих в России мелких преувеличениях китайской дешевизны и заблуждениях повсеместного товарного изобилия. Но вот про Китай в новом

тысячелетии хотел бы высказать общие догадки, а именно: "создание мобильного, современного, гражданского общества с потенциалом угрозы для России из-за избытка населения при ограниченных ресурсах" не есть правильная оценка сути китайской специфики. Я полагаю, что вектор интуиции китайского руководства состоит в том, чтобы при технической модернизации суметь максимально сохранить в стране *стабильное традиционное общество*. "Сяокан" (*зажиточность и спокойствие*) — вот конфуцианский символ, избранный самим Дэн Сяопином на XXI век для рыночного социализма с китайской спецификой. При этом подразумевается, что следующим, на XXII век, будет высший в иерархии благополучия добродетели конфуцианский символ "датун" (великое единение). Напомню: предыдущие пять поколений китайцев, с середины XIX века, жили в период, который конфуцианцами называется эпохой "установления хаоса".

Что же касается потенциала угроз Китая, то он если куда-то и направлен, то не на холодный север, а на теплый юг. От севера со времен императора Цинь Шихуана и до наших дней Китай отгораживался в военном плане и Великой стеной, и Валом Чингисхана, и укрепленными районами Пекинского оборонительного рубежа, доведенными до совершенства при Мао Цзэдуне. А вот на юг китайская экспансия продвигается мирно давно и неуклонно.

В Сибири и холодно для жизни, и дорого для производства. Для китайцев уже в Хайларе — полюс холода, и во Внутреннюю Монголию веками добровольного и массового переселения китайцев нет. А в Чите-то еще холоднее, не говоря уже о жизни в куда более северной зоне Байкало-Амурской магистрали, где и находятся якобы привлекательные для разработки и желанные для капитала действительно богатейшие ресурсы. Известное мне по попыткам найти инвестора разведанное и опробованное месторождение меди в районе Новая Чара на БАМе за годы реформ в России из-за огромных первоначальных затрат и колоссальных издержек на добычу не нашло ни-

кого, кто бы захотел вложить в него капитал. Добыча себя не окупает, и это несмотря на исключительно высокое содержание металлов в руде (около 14%), превосходящее даже отличную руду монгольского Эрдэнэца (около 12% металлов). После "разгосударствления" планового процесса освоения Сибири ни отечественный, ни западный, ни китайский капитал на БАМ не пришел и идти не хочет. С сибирскими морозами и расстояниями даже грабить там — себе дороже, и местное население там никаким завоевателям не нужно, даже в качестве рабов. Наши северные прииски и наши рабочие руки там пока нужны только нам самим.

В Малайзии же роль местного китайского капитала в добыче сырья уже давно исключительно велика (более трети), и эта страна уже на 25% заселена китайцами. Сингапур — уже конфуцианское государство китайских эмигрантов, которые вытеснили с острова почти все другое население. Индонезия после китайских этнических волнений середины 60-х годов до последнего времени запрещала у себя даже празднование китайского нового года. Из-за попыток Вьетнама выдворить часть китайских эмигрантов на родину Китай в 1979 году военной силой научил соседа этого больше не делать. А нынешняя массовая китайская эмиграция в Австралию даст тамошним англосаксам в перспективе ближайших поколений примерно те же проблемы с желтыми, что имеют американские белые в США от негров и латиноамериканцев. Знаменательно, что параллельная массовая эмиграция белых (буров) из Южной Африки идет не в Австралию, а в Новую Зеландию, не смешиваясь с китайской. И это тоже очевидная китайская специфика.

Если мне удалось доходчиво прокомментировать смысл социализма с китайской спецификой, как понял его я, то у читателя в сухом остатке должно отложиться мнение, что это:

- и одинаково понимаемая народом национальная идея с четкой целью завершить модернизацию общества к 2019 году, целью, мобилизующей волю народа;

- и четкая экономическая стратегия властей с расписанными по направлениям, срокам и объемам задачами бюрократии;
- и адекватная им военная доктрина государства, суть которой в консолидации и предметной демонстрации армией живого чувства национального достоинства.
- Триединная же суть этих построений китайской мысли и воли — благополучный покой середины.

## УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

## ВОПРОС О СОЦИАЛИЗМЕ

Поскольку тот период истории, в котором пребывает "новая Россия", уже прочно именуется уродливым словом "постсоветский", для нас фундаментальное значение имеет простенький, на первый взгляд, вопрос: почему социализм в Китае живет и процветает, на Западе не привился, а в России рухнул?

Для того, чтобы добиться уяснения *общего*, есть смысл максимально упрощать все сложно перемешанное многообразие реальной жизни, опускать *единичное* и выпячивать лишь *особенное*. По жизни же так: напишешь общее правило, а самым характерным является исключение. Как в грамматике. Но правило все-таки есть.

Начну с попытки прояснить причины отката и краха социализма в России. На мой взгляд, главная из них заключается в том, что традиционной формой конструкции власти для России является аристократия. Общество делится по критерию: "Знать/народ". Основной общественный инстинкт — приобщение *к славе*. Отношения подчинены *целесообразности*. Психология *общинная*, держится на *доверии* людей друг к другу, справедливость понимается как *равенство*.

В Китае господствует бюрократия. Общество выстроено в координатах "старшие/младшие" по горизонтали; и "начальники/ подчиненные" — по вертикали. Вектор уст-

ремлений — восхождение *к власти*. В отношениях установлен *ритуал*. В психологии главное — *семья*, иерархия *братства*.

Запад же сориентирован на демократию, разделяющую общество по принципу "активные/пассивные". Ценностный ориентир — стяжание *денег*. Отношения регулирует *закон*. В центре психологии — *личность*, фетиш *свободы*.

В России верхи и низы — страшно далеки друг от друга и столетиями живут отдельно. Народ (тот, кто народился сам по себе) к прямому участию во власти знатью (благородными) никогда не допускался и потому более обособлен, чем на Западе. Так было и при князьях, и особенно при империи после Петра I. Так стало и при советской власти. Характерной чертой аристократии является не классовое (присущее Западу и описанное для XIX века К.Марксом по Великобритании), а сословное деление общества.

Советский социализм с этой точки зрения — всего лишь одна из исторических форм объединения и гармонизации разных частей русского сословного по своей природе общества. Но лично мне, чтобы понять это, оказалось необходимым полностью отстраниться от привычной системы координат своего мышления. В этом плане совершенно бесценной оказалась поездка в китайский Тибет.

## ВЗГЛЯД ИЗ ТИБЕТА

Так сложилось, что мне довелось побывать на всех континентах Старого Света. И сегодня, сравнивая виденное в Сибири, Гоби, Тибете, джунглях Вьетнама, пустынях Аравии и Калахари, я могу с полной уверенностью утверждать, что определяющее влияние на жизнь и культуру этноса оказывают три главных фактора: почва, климат и пища. В Тибете они по своей совокупности наверняка самые суровые в мире. Здесь мы сталкиваемся с такой уникальностью, что на ее фоне специфические черты китай-

ской, западной и русской цивилизаций видны наиболее отчетливо.

В Тибет я попал в ноябре 1998 года. За две недели проехал на "джипе" почти 1000 километров. Самый высокий перевал на маршруте превышал 4900 метров над уровнем моря, точки ниже 3600 метров не было. Учитывая, что высота Монблана 4810 метров, вся "наша", европейская цивилизация казалась чем-то, находящимся далеко внизу. Заснеженные вершины и искрящиеся на солнце ледники и ручьи. Бледная, желто-серая каменная пустыня, иногда до серо-зеленого или черно-зеленого цвета на одном склоне и здесь же ярко-желтые песчаные барханы — на другом. Скупая растительность в долинах рек и зелень травы по берегам сине-голубых озер. Яркое, жесткое солнце. Тепло днем и жуткий холод ночью. Редкие яки на склонах и поля ячменя в долинах. Селения из серых каменных домов-башен и белые с красным и золотом монастыри. Никакое описание не может дать представления о безмятежном величии, грозном достоинстве, потрясающем ужасе, волшебной прелести разнообразнейших высокогорных пейзажей.

Одним словом, вроде бы гиперэкзотика, туристический рай. Но безграничные в теории туристические возможности на практике сильно ограничены — и даже не отсутствием хороших дорог или комфортабельных гостиниц, а кислородным голодом и низким атмосферным давлением высокогорья. Любой, даже очень выносливый, человек с равнины чувствует себя в Тибете физически очень скверно. Здесь требуется длительная акклиматизация.

Повторю: за годы реформ китайская деревня в пригородах, где рынки сбыта рядом, и на равнине, где тепло, вдоволь воды и много рабочих рук, интенсивным трудом разбогатела, приделась, отстроилась новыми домами с городской мебелью и спутниковым телевидением. Особенно заметно поднялась деревня в равнинных восточных и южных районах страны, где по условиям климата снимают до трех урожаев, а водный транспорт по многочисленным рекам и приморский каботаж своей дешевизной

обеспечивают выигрыш над накладными расходами в любых сухопутных и, тем более, горных перевозках. Однако и через 20 лет после начала реформ, в 1998 году, всего в 300 км от Пекина, я своими глазами видел горные деревушки между Тайюанем и Шицзячжуаном, где крайняя бедность никак не изменилась к лучшему за годы реформ по причине отсутствия в тех горах пригодной для обработки почвы.

В Тибете я видел в ходу карточки распределения зерна, но и то лишь в находившихся на довольствии государства китайских гарнизонах. Сами тибетцы — даже с появившимися кое-где радиотелефонами, компьютерами и электронной почтой — как жили в натуральном хозяйстве, так и живут. Так как растет в местных условиях, да и то очень плохо, только ячмень, местное топливо — кизяк из ячменной соломы и навоза яков, а любая интенсификация движений из-за разреженности воздуха и кислородного голода приводит к быстрой усталости и полному истощению физических сил, как у альпинистов. Растительная пища грубая, ограничена ячменем, который порой жуют прямо в виде зерна. Вареное мясо, сливочное масло, сохраняемое кусками в зашитом бараньем желудке, простокваша, лепешка, бульон с пельменями и чай с молоком — вот и все разносолы. Никакое изобилие здесь невозможно по самим природным условиям. В тибетском обществе нет многоженства, поскольку один мужчина не в состоянии содержать несколько жен, но, наоборот, до сих пор процветает многомужество, когда одну женщину и ее потомство содержат несколько мужчин. Местная продуктивность хозяйства настолько мала, а прибавочный продукт настолько ничтожен, что все накопления за долгие века сосредоточены в монастырях. Да и там, кроме золотых статуй Будд и серебряных ковчегов лам, украшенных булыжниками бирюзы и нефрита, других накоплений/пожертвований (исторически, во многом, за счет труда крепостных) практически нет. Какие-либо налоги собирать не с чего и содержать аристократию, бюрократию или демократию просто не на что. Демократия — для сы-



тых. Для голодных же — под силу только теократия во главе с духовным правителем! "Всеведущий" Далай-лама (море мудрости) — живое воплощение духа (энергии) сострадания. Заметьте: не западного наслаждения и богатства, не православного милосердия и совестливого покаяния в грехах, но сострадания.

Никакой иной уклад хозяйства, кроме натурального, не имеет в Тибете собственной внутренней базы. Капитализм в Тибете невозможен по причине отсутствия возможности капитализации чего-либо своего. Социализм невозможен по причине отсутствия возможности распределять что-либо свое. Интенсификация личного труда сверх границы, обусловленной кислородным голодом, невозможна ни толстым кнутом, ни самым сладким пряником. Видимо, поэтому у тибетцев приоритет материальных благ давно заменен на духовные ценности. Богатство — не цель. Духовное просветление (свобода от привязанностей и уравновешенность) — вот смысл этой жизни. И если спешащие жить, потреблять и наслаждаться жители западной либеральной цивилизации обращаются к астрологии за предсказаниями в этой жизни, то жители Тибета прибегают к астрологии для расчетов путей реинкарнации духа умершего. В европейской астрологии прогноз делается от места дня и часа телесного рождения человека на эту его жизнь. Мое постоянное и желающее удовольствий "Эго" — вот где интерес европейца. У тибетцев же в символике буддистской веры никакого постоянного, определенного и только поэтому любимого "Я" не существует. "Я" — лишь нынешнее, условное обозначение последовательности странствующих из мира в мир взаимосвязанных перевоплощений. Раньше и теперь астрологический прогноз в Тибете делается от дня и часа смерти на то, куда переместился и в кого переродился дух.

Самым разительным отличием от Европы является исполняемый поныне обычный ритуал простых тибетских похорон. Телесное бренно и ничтожно. Духовное нетленно и значимо. Труп покойника, наверное, всем селением относят на вершину горы и расчлняют, отрубают руки,

ноги, вынимают внутренности. Затем части трупа разбирают в разные стороны. Стая орлов ждет, пока люди уйдут. Тело умершего — последний дар милосердия для насыщения голодных. Зрелище это для европейца жуткое. Но если видеть, как мохнатые тибетские собаки каждый день от голода жрут человеческое дерьмо, а орлы поедают человеческие останки, то значимость духовного в человеке становится наглядной и очень понятной.

Центры духовной жизни и хранилища знаний о космической энергии, медицине, астрологии, метафизике и прочих секретах — монастыри. В монастыре можно получить традиционное образование. Тибетский университет может начинаться с возраста 5-6 лет и продолжаться через духовную тренировку всю эту жизнь. Ламаистское философское мировоззрение доступно только избранным. Минимальный срок полноценного образования — 30 лет. Быстрее овладеть специальными знаниями, а главное, техникой их применения невозможно. Эти, закрытые сроком познания в одно поколение, "сокровищницы" знаний и навыков — и есть суть духовной специфики Тибета. В отличие от европейского христианства, монахам-ламаистам предоставлены полная духовная свобода и такая же материальная самостоятельность. В монастырской братии, как и в обществе, общины нет, каждый живет на собственные средства. И в монастырях, и в обществе сохраняется пренебрежение к обладанию чудесами технической цивилизации.

Отсутствует и культ еды. В холоде высокогорья мясо необходимо для поддержания телесной жизни, и монахи мясо едят, но в самом противном и вонючем вяленом виде, исключая наслаждение едой. Досуг, который появляется зимой с вынужденным прекращением полевых работ, тибетцы проводят в паломничестве из монастыря в монастырь, путешествуя и познавая, а не развлекаясь. Перед изображением Будды вообще никогда ни о чем не просят, потому что Будда находится вне мира желаний. Перед Буддой же дают обеты, выражают свои чаяния, принимают решения. На лицах людей я не видел уныния,

зависти, злобы, но больше смирение, кротость и радость. Они и так, с чем есть, выглядят счастливо, хотя, конечно, от удобств и благ цивилизации равнины не отказываются, особенно в столичной Лхасе, но и не страдают особенно, ибо в традиционной этике ламаизма невозмутимо уклоняются от желаний непременно иметь блага. Не умерив желания, не положить конец страданиям от неисполненных желаний, а потому и не вырваться из цепей перевалов, не обрести покоя...

Пример бесспорной специфики натурального хозяйства, ламаистского менталитета и духовной власти в суровом и малолюдном Тибете подчеркивает его противоположность специфике социалистического рынка, конфуцианской традиции и бюрократического ритуала благодатного "ханьского" Китая. В скученном многолюдье по-другому заканчивается и жизненный путь китайца. Из-за недостатка свободной земли в Китае при похоронах большинства китайцев погребение в землю не проводится, труп, как правило, сжигается, пепел хранится в урночке дома на алтаре предков или развеивается.

Мао Цзэдун был похоронен как земной император, с блеском внешней демонстрации могущества, в величественной гробнице, расположенной на главной площади столицы,— как бы в центре середины земли. Дэн Сяопин же, завещав развеять пепел по воздуху над водами моря, вслед за Чжоу Эньлаем выбрал другой, непарадный вариант похорон Правителя с символом возрождения из пепла в делах его последователей.

Это ответственное отношение китайцев к своим государственным делам распространяется и на те районы КНР, которые у нас в советские времена принято было именовать "национальными окраинами". Смысл имени — великое дело. За случайными вроде бы названиями — незримо до поры до времени — расходятся вееры значений, которые в свои сроки прорываются в реальность. Советские "национальные окраины" в конце концов и стали таковыми. Китайцы не придают особого значения этническим характеристикам входящих в состав Подне-

бесной территорий. Китайский иероглифический символ имени "Тибет" (си цзан) отсылает к смыслу: "Западный кладезь" [истинных, сохраненных неповрежденными, духовных ценностей].

Весьма примечательно, что "Кладезь" отгорожен от остального мира с юга как бы "забором" Гималаев, а с севера — как бы "полосой отчуждения" пустынь. Особенно отчетливо это видно с борта самолета. И если при полете над равниной после набора высоты пропадает всякий интерес смотреть в иллюминатор, то при полете над Тибетом от иллюминатора глаз не оторвать. На предельной высоте полета заснеженное Тибетское нагорье с высотами 5-6 тысяч метров проплывает прямо под крылом, а семитысячные пики Гималаев с восьмитысячной Джомолунгмой — зримой оградой — очерчивают пределы этой "крыши мира".

Сто лет назад "Кладезь" от внешних влияний надежно охраняли природные барьеры. Теперь в Тибет можно долететь, но добираться сухопутьем по-прежнему сложно. Две автомобильные дороги с севера и востока Китая, одна дорога на восток в Синьцзян и одна — на юг в Непал. Вот и все основные пути сообщения. А когда "блага жизни" привозные, транспортные издержки огромны, и объемы грузопотока существенно нарастить невозможно, социальное и экономическое развитие Тибета становится архизатратным! Тем не менее правительство КНР, во многом силами армии, снабжает и развивает Тибет. На 10-ю пятилетку запланировано строительство Цинхай-Тибетской железной дороги, которая решит проблему сообщений с Тибетом в пользу Большого Китая. Подогреваемый же Западом тибетский сепаратизм — это путь не к богатству и развитию, но к бедности и регрессу. Для насыщения "золотого миллиарда" Тибет в экономическом отношении абсолютно не интересен "новому мировому порядку".

В 1988 году в Лхасе американцами — почти напоказ — была построена первая современная трехзвездная гостиница "Холидэй Инн". Но и через десять лет, в 1998 году,

ее одной с лихвой хватало на весь поток состоятельных иностранных туристов, прилетающих в Лхасу из столицы Непала Катманду (80%) или из центра провинции Сычуань Чэнду (20%). Ввод в эксплуатацию второй сертифицированной гостиницы международного класса был бы убыточным (вообще-то приличные гостиницы в Лхасе появились). Развитие территории — и, прежде всего, инфраструктуры: строительство дорог, мостов, объектов электроэнергетики, систем связи — может осуществляться и осуществляется только за счет дотаций извне. Тибет живет почти на всем привозном. Пекин находит государственную волю и средства на явные убытки таких дотаций и завоза. А экономика социализма с китайской спецификой способна нести бремя плановых убытков во имя пусть не избыточного удовлетворения интересов жизни, но все же всего населения своего экзотического автономного района. И имеющий глаза это видит.

Соблазны европейских ценностей (комфорт, притязания, права человека) в политических антикитайских целях подогреваются Западом и проталкиваются в Тибет через местную интеллигенцию. В неустранимых никакими человеческими реформами и техническим прогрессом условиях бесплодной горной пустыни, холода и кислородного голода Тибета местная интеллигенция в своих западных знаниях сравнивает несравнимое, завидует невозможному, во всех трудностях винит китайцев (хотя по делу их нужно только благодарить), морально страдает и желает никогда неосуществимого.

Символом тибетского сепаратизма является ныне здравствующий "Всеведущий" Далай-лама 14-й. В юности бежав из Китая в Индию, местом своего пребывания он избрал монастырь Дарамсала. Это южные предгорья Гималаев, там тепло и влажно, растут бананы, нет никакого намека на суровую и голодную каменную пустыню высокогорья, нет и жуткого холода по ночам. Там комфортно и сытно, но к реальной жизни современного Тибета эти условия жизни, избранные Далай-ламой, уже никакого отношения не имеют.

Вслед за Тибетом по суровости суточных и сезонных колебаний температур идет совсем не высокогорная, но очень холодная, особенно в центре и на севере пустыни Гоби, Монголия. На широте Ялты и Парижа в Монголии местами, особенно в котловинах, распространена вечная мерзлота, которая проникает здесь ближе к экватору, чем где бы то ни было еще на земном шаре. В Монголии Внутренней и Внешней я бывал неоднократно в разные годы и в разных местах. Помню умиротворяющие сердце безграничный чуть волнистый простор горизонта, мягкую зеленую ширь, покой, прозрачность и безмятежность осенней степи. Некоторые почти плоские серокаменные, иногда белесые пейзажи-кратеры центральной части Монголии, наверное, можно сравнить с путешествием на Луну. В Гоби (может быть, это эффект центра евразийской суши) поражает низкое звездное небо, до которого — рукой подать. Такого зрительно плотного звездами, яркого и контрастного в свечении ночного неба я не видел более нигде. Сходство сурового климата, почв и пищи Монголии и Тибета дополняет духовная приверженность их народов к ламаизму. В Монголии последние триста лет, до 1924 года, как и в Тибете, был духовный феодализм с теократическим правителем Богдо-гэгэном — живым воплощением мистической энергии "благодатного света". Тем не менее жизненные условия в Монголии намного легче, чем в Тибете, растительность куда более разнообразная, много скота, и монголы по щедрости и учтивости заметно превосходят тибетцев. Мягче и традиционный обряд простых монгольских похорон. Тело покойника уже не расчлениают, но заворачивают в саван, кладут на повозку и пускают лошадь вскачь, куда глаза глядят. Где тело самопроизвольно выпадет из повозки, там и останется на съедение волкам и другим хищникам.

Третье "почетное" место по суровости жизненных условий занимает Россия — конечно, в среднем, не говоря о тундре на абсолютно суровых "северах" (53% территории России — вечная мерзлота). В менее суровом клима-

те России, где кругом леса или трава по пояс, и конструкция власти в обществе другая. Уже не духовный правитель, а аристократия через принятие или непринятие каких-то идей большинством населения навязывает народу единую волю и волей скрепляет разнородное общество. Угроза голода в России менее актуальна. Борьба с холодом в России — вот постоянная забота, и она насущнее всего. Уже не только яровой ячмень, но и многие другие зерновые и овощные культуры кормят народ. Однако из озимых культур в России устойчива только рожь, а двух урожаев нет нигде. В добавление к сказанному стоит привести философское наблюдение Александра Зиновьева: "Вспоминаю попытку идиота Хрущева построить полный коммунизм в Советском Союзе уже к восьмидесятым годам с помощью американской кукурузы. Кукуруза в российских условиях не росла совсем или не достигала зрелости. Так и теперь: западная социальная система не прививается в российских условиях совсем или не достигает степени зрелости".

Менее суровые условия жизни, другой и обряд последнего пути. Деревянный гроб (свободной человеческой воли больше нет), отпевание (проводы отлетающей души), могила в земле (возвращение плоти в прах, из которого был сотворен Создателем первый человек), надгробие (знак надежды на воскрешение после Страшного Суда), кладбище (назидание живым о необходимости в этой жизни благих дел для спасения). Православное погребение уже не предусматривает милости тела покойного голодным тварям в постоянной череде перевоплощений духа, но напоминает живым лишь о шансе спасения и воскресения из мертвых душой и телом человеческим при условии соблюдения заповедей и раскаяния в грехах. Прошлое — опора будущего. Запад же в своем уютном комфорте морально рационален. Атеисты — по большей мере ищут не аскетики, а наслаждения жизнью до последнего конца, воскресение из мертвых у протестантов — гарантированный факт, а кладбища со склепами устраивают и для любимых кошек и собак.

Что же такое западная "демократия", широко оперирующая понятиями "средний класс", "высший класс", "буржуазия" и т.д.?

Так вот, там граница в "высший класс" действительно открыта. Но лишь для меньшинства населения. Такова природная норма рождения: 10% "активных" особей на 90% "пассивных" в любом обществе. Лидеры же всегда составляют лишь около 5% от общего числа любой устойчивой группы. Та же цифра, согласно наблюдениям биологов, характерна и для видов животных, живущих в стае. Доминантное меньшинство у шимпанзе и волков всегда составляет 5%.

Среди "активных" (ян) примерно половина рождается волевыми, сообразительными, работающими, деловитыми, бережливыми, коммуникабельными и нахрапистыми. Сметливый, прижимистый, рискованный и негибкий выходец из трудовых масс, как правило, может добиться накопления и наращивания капитала, открывает свое дело, становится *хозяином* и поднимается вверх. Одаренные талантом, упорные и настойчивые в получении научных знаний и навыков высоких технологий умники ныне добиваются сколачивания "капитала знаний", пускают его в оборот и также поднимаются вверх.

Другую половину активных и напористых составляют самодовольные, бесхозяйственные, расточительные, лишенные делового чутья наивные мечтатели. В хозяйственной деятельности они бестолковы и бесплодны, добиться в жизни финансового успеха не могут, а выброшенная вхолостую энергия сбрасывает их в разряд неудачников и озлобленных завистников. Именно в силу данных от рождения деловых и личных качеств внутри буржуазии быть успешным предпринимателем "по благу" нельзя, и накопление капитала отцов сплошь и рядом сопровождается разорением бездарных и нерадивых наследников. Они, если денег папаш остается совсем мало, переходят вниз



в средний класс, освобождая место наверху новым "активным". Подвижность границ классов снимает напряжение в обществе, обеспечивая "активным" возможность проявить себя и подняться вверх.

Впрочем, среди "активных" есть еще одна очень небольшая группа. Это — бескорыстные, непрехотливые, невзыскательные к житейским благам "*святые праведники*".

Остальные 90% общества составляет пассивное большинство (инь), не имеющее выдающихся качеств, неустойчивое в своих настроениях, следующее за активными, примыкая к одной из вышеупомянутых групп в зависимости от давления материальных условий их жизни и распространения в обществе той или иной идеи счастья.

"Человек разумный" в той части, где он животный человек, часть природы, подвержен влиянию среды обитания (жизненного пространства), а в той части, где он разумный (образ Бога?!), — влиянию идей. *Сознательная история человечества — история борьбы идей* (великих, малых и совсем ничтожных).

В наше время на Западе восторжествовала идея, что не надо никаких идей. Новый идеал — жирное счастье, сон наяву с облегченным до предела мыслительным процессом пассивных масс, занятых безмерным "производством-потреблением". Активные лидеры Запада из "группы хозяев" стремятся убедить весь мир, что идеалы — это опасные заблуждения, которые вообще мешают счастью, а оное суть удовлетворение одних только *потребностей*. Уровень же удовлетворения потребностей напрямую связан с количеством *денег*. А силу денег (при столкновении потребностей индивидов) в обществе регулирует *закон*. Писанный закон — единственный критерий правильности поведения индивидов в обществе.

Здесь нужно заметить, что со средой обитания обществу Запада сильно повезло. Зимних холодов, бесплодных пустынь и суровых высокогорий там нет. Что касается идей, то активисты из "святых праведников" в свое время дали обществу Запада пресловутую "протестантскую этику", которая мотивировала индивидуализм, накопление

капитала и разрешала кредит (другие ветви христианства тогда были непримиримы к ростовщичеству). Движимые убеждением, что личное материальное благополучие, *богатство*, есть признак праведности и угодности Богу и сделавшие упор на кредитную деятельность, активисты из группы "хозяев" в комфортных для экономики природных условиях Запада тяжким трудом и тяжкими войнами разбогатели.

После продолжительной борьбы в XIX веке между идеей частной собственности, опиравшейся на заразительный пример активных из группы "хозяев", и коллективистской идеей бродившего по Европе "призрака коммунизма", который проповедовали на Западе активисты из групп "мечтателей" и "святых праведников", пассивное большинство западного общества примкнуло к идее частного *капитала* как критерия богатства и общественного статуса. Сделав ставку на накопление через частный капитал овеществленного труда и знаний предшествующих поколений.

Наращивание капитала и становление буржуазии как правящего класса шло успешно прежде всего в протестантских Голландии, Англии, Германии, Швейцарии. Швейцария — родина банков. В католической Франции слом аристократии проходил тяжело, через Великую революцию, а укоренение в обществе буржуазных отношений прошло испытание Парижской коммуной. Сословное общество переросло на Западе в классово-гражданское. Самый гражданский класс общества — буржуазия. В сравнении с другими классами она более образована и организована. Она оперирует идеями и механизмами их внушения массам.

Замечу, что капитал — это не только и не столько деньги (оборотные или свободные), сколько оборудование, сырье, технологии и нематериальные активы: квалификация (знания и навыки) персонала, авторские права, деловые связи, репутация. А капитализм — это деятельность в первую голову по сохранению продуктивного капитала (возмещению из прибыли его убыли), затем по наращи-

ванию его оборота (а не "проедание"), и лишь потом по оплате потребления. Городской по сути производственный капитал Запада, правда, теперь двинулся в поиски более выгодных районов мира (прежде всего по дешевизне оплаты труда и издержкам за безжалостную эксплуатацию природы), а на самом Западе осталось в основном экологически чистое и секретное производство вооружений, сложной техники и уникальные технологии. Кредит же развивался, и банковский капитал Запада (прежде всего американский), как самый близкий к цели общества демократии — стяжанию денег, стал доминировать не только у себя, но и в мире, собирая гигантский "урожай" процентов с заемщиков денег. Прибыли от продажи сложной техники, продукции высоких технологий и интеллектуальных информационных продуктов, а, главное, сверхприбыли банковского капитала Запада, получаемые от торговли деньгами с остальным миром, позволяют перераспределять их в высокий уровень жизни для своего общества. Свое продуктивное сельское хозяйство вынужденно дотируется государством (еда, тем более парная и свежая, должна быть своя). В обществе потребления бешено развивается продажа услуг (они должны быть на месте, их нельзя импортировать).

Государственное устройство богатого капиталом и живущего в комфортных природных условиях общества было «упаковано» в популистские формы *демократии*.

"Демократия возможна только в сытых странах, это — роскошь богатых, как "роллс-ройс". Экономика только там может заменить политику, где она могущественная экономика и может, накормив народ досыта, погрузить его "в жаркий сон после обеда", — подмечает Э. Лимонов, цитируя В. Шекспира.

Только около 10% работоспособного населения Запада имеют очень низкие доходы или содержатся на "диете" пособия по безработице, что есть необходимое условие процветания для остальных 90%.

Люди с низкими доходами живут в неподобающих среднему уровню условиях и этим своим положением мо-

рально давят на "средний класс", укрепляют его соревновательный дух, не позволяя расслабляться. Профессионалы среднего класса кнутом и пряником выдрессированы для того, чтобы упорным результативным трудом обслуживать высший класс постиндустриального западного общества.

Девиз западного общества: "традиция (национальная) — демократия (представительная / права человека) — капитализм».

Традиция (то есть история) подвергнута моральной ревизии (вчерашний день истории был ужасен бедностью, страданиями и войнами). От прошлого (до-капиталистического, варварского, достойного презрения) она отодвинута в благополучный сегодняшний день. И окрашена в один эмоциональный цвет национальной гипергордости за достигнутый сейчас (талантом и трудом трех-четырех последних поколений соотечественников) уровень техники, потребления и комфорта. Кульминация истории! Ничего другого на дорогах и в музеях истории Англии, Канады, Австралии я не видел.

Демократическая система выборности власти прямым голосованием полностью соответствует интересам 10% активных. Она позволяет "высшему классу" удерживать власть, с помощью денег управлять информационным механизмом и внушать готовые мнения и соблазнительные идеи массам пассивных избирателей. Она позволяет активистам из "среднего класса" и даже из самых низов проявить свою свободную волю и за счет личных качеств выбиться наверх. Обновление выборной власти при демократии происходит каждые 4—8 лет. Это стимулирует прогресс и не стимулирует застой, так как позволяет замечать и исправлять тенденции упадка несколько раз в пределах активной жизнедеятельности одного (в наше время, примерно 25 лет) поколения. Если историю мерить поколениями (а именно так ее меряет Библия) и считать началом прихода на Западе какого-то поколения к власти от крупных потрясений и, соответственно, смены идей, то в XX веке было три заметные перемены. 1929-33 год —

мировой экономический кризис в странах капитала (упадок). 1962 год — карибский кризис (фаза баланса). 1991 год — крах европейского социализма (пик величия демократии как власти капитала). Фазы перемен при демократии примерно совпадают со сменой поколений. По меркам истории капиталистическая демократия очень молода. Ей всего два века. Полный цикл "перемены богатства" в демократии пока не очевиден. Войны, как разрешение противоречий власти (война есть продолжение политики, а политика — это вопрос власти в редакции: "кто враг?"), не могут быть в цикле перемен ни пиком подъема, ни пиком упадка. Если же посмотреть назад, в XIX век, и считать середину 50-х годов до начала гражданской войны в США — (1861 год) за первую фазу баланса сил; 80-е годы XIX века — за первую фазу подъема (противоречия везде разрешены в пользу капитала, войн у крупных стран нет); первое десятилетие XX века за вторую фазу баланса; а 30-е годы XX века за первую фазу упадка (мировой кризис), то (см. выше) все же можно проследить цикл, который, наверное, равен четырем поколениям.

Основным рычагом управления пассивной массой при демократии стал *соблазн* — инструмент гордого *либерализма*. Контроль же власти над человеком через поощрение его слабостей провоцирует *малодушие* (цинизм, зависть, лицемерие, самолюбие, алчность), расширяет границы "дозволенного" (бессовестность, разврат, содомию).

Крайние эмоции восторга или отчаяния в уютных условиях комфортно устроенной жизни масс редки. Официальный эмоциональный климат — скука (ничего экстраординарного не происходит). Эмоции обязательной поп-музыки и математические символы процентов, цифр статистики противопоставлены понятийному мышлению. Культ жертвы, пострадавшего (в силу внушаемого морального комплекса вины, особенно за "холокост") выше культа героя (победителя открытой схватки, поединка). Трудозанятость и законопослушность — основные социальные достоинства. Потеря работы воспринимается как

трагедия, а вовсе не "радость свободы" жить на вполне сносное пособие. Понятие свободы выдыхается. Старые демократические свободы (слова, печати, собраний) достигнуты и обеспечены, но в условиях неравенства циркуляции идей в обществе, прежде всего доступа к телевидению, с очевидностью теряют смысл и заменены "правами человека". Соблюдение же последних без противоречий и взаимных столкновений прав множества людей выливается в постоянное наращивание ограничений и запретов.

Информационные технологии ("промыывание мозгов") позволяют мягко насаждать стереотипы сознания и поведения, управлять "течением мысли". Навязанная обществу в потоках избыточной информации целесообразная модель восприятия мира слишком сложна для отдельных людей, которые все чаще оказываются беспомощными при самостоятельном принятии даже самых простых житейских решений.

Общество все более подпадает под поголовный, отнюдь не либеральный, контроль расходов граждан через систему расчетов по кредитным карточкам (даже уличные счетчики оплаты за стоянку автомашины переводятся с наличной монеты на кредитную карточку).

Психологию общества "активных/пассивных" выражает и американская *примитивная, быстрая еда* (только во Франции при аристократии кухня поднялась до изысканности), и произносимое при выпивке единственное пожелание: *"взбодрись" (не унывай)*. Индивидуализм не способствует вниманию к другим и тосты, как правило, не произносятся. В узком месте уступают, пропускают и маневрируют *одиночно*.

## РУССКАЯ АРИСТОКРАТИЯ

Теперь о России. До февральской революции 1917 г. устройство жизни в империи оставалось сословным. Граница же в правящее сословие закрыта. Права и обязанности в сословиях передаются по наследству вне зависи-

мости от деловых и личных качеств. У "высших" (дворянство) из поколения в поколение передаются привилегии, а у "низших" — обязанности. Проявить себя, изменить свое положение и подняться в правящее сословие человеку из числа от природы "лично годных", но не "благородных" очень трудно. Даже богатейшее купечество в своем социальном положении было ущемлено по сравнению с дворянством. Легальный путь вверх при царях лежал через карьеру чиновника. Так, если дед и отец в табели о рангах за срок службы смогли подняться до личного дворянства, то внук имел право испрашивать для себя и последующих поколений дворянство потомственное. В потомственности привилегий российского чиновничества (при советской власти — партийной номенклатуры) состоит его коренное отличие от классической бюрократии. В народе из-за этого витает неприязнь к "верхам". Длительный мир, гармония в обществе удерживаются общинной идеей доверия, жизни по совести, справедливости. А естественная замена "пассивных" на "активных" происходит скачком, решительной акцией, путем переворота внутри аристократии, и протекает быстро (как чудо).

Сознание в России традиционно православное. Внутри значения "правильно славить Бога" идея православия подразумевает и причастность к Божественной славе, которой удостаиваются подвижники. У православных на Небе — "Царствие", то есть аристократия, а не демократия. "Славны" у русских и люди духовного, нравственного подвига (мученики за идею), и герои мирского служения, прежде всего среди воинства. Участие в Божественной славе для православных — средство спасения души. Если мерить душу на душу, то православной меркой будет именно слава. Слава — Божия благодать.

Если же мерить души деньгами или властью, то у русских, по словам Достоевского, возникает "не то что зависть, - тут является какое-то невыносимое чувство *нравственного неравенства*, слишком язвительного для простонародья".

Православие поощряло аристократию в самом предмете ее духовной гордости: иметь не деньги и не власть, а подвиги *служения*, свои или славных предков ("слуга царю, отец солдатам"). И Царь должен был служить славе: "Царствуй на славу Царь православный! Царствуй на славу, на славу нам", — пелось в гимне. Соответственно, и девиз веками был такой: "самодержавие — православие — народность".

Деньгами могли гордиться только те, кто их сделал сам,— купцы. Но и здесь, в отличие от Запада, православный купец, по словам представителя знаменитого рода купцов-староверов, Вл.Рябушинского, осознавал себя "лишь как Божьего доверенного по управлению собственностью», а вовсе не абсолютного распорядителя своего собственного богатства всецело и исключительно в личных интересах. Единоличный предприниматель-протестант на Западе (англичанин, немец, голландец, американец) не был скован в предприимчивости чувством ответственности перед Богом. Рискую, он видел только наживу, только себя и свое богатство. Русский же хозяин, думая о деньгах, оглядывался на славу Божью и не мог особо суетиться. Недаром русское купечество титуловалось "степенством". Вл.Рябушинский по собственному опыту свидетельствует: "Англичанин в душе всегда игрок, даже если он серьезный деловой человек, а наши совсем не игроки, а очень осторожны и медлительны, решение принимают не сразу, а выжидая, но раз оно принято, гнут линию упорно и тягуче, несмотря на неудачи". И еще: "С детства нам внушали: "дело"; тут было нечто большее, чем нажива. Это говорилось так, как потом солдатом я слышал: "Служба Его Величества". И на ней и чины, и ордена, и выгода, но не в них суть для человека с совестью и пониманием".

В России сначала шел *идеал*, а потом потребности. Ценностная ориентация православия не на благоденствие на земле, а на приобщение к славе Божьей, как идеалу счастья и признание обществом лишь славы как достойной меры отличия, ограничивали размер богатства нравственным пределом *довольства и достатка (удовольствия)*.



Великие подвижники старообрядцы, единственные на земле, кто сумел органично соединить благочестие с богатством, предпочитали перемене идеалов — самосожжение всей семьей и целыми селами. Сильного же побуждения к медленному накоплению прибыли, к ее сохранению и приумножению православный кодекс поведения не давал, а чувство личной ответственности перед людьми (другое дело Бог) снижал.

Идеал, символ веры, через совесть умерял потребности. "А без православной веры русский человек просто дрянь", — здесь я опираюсь на авторитет Ф.М.Достоевского.

В сословном обществе служения общему делу, где есть идеал, отношения регулирует не закон, а *целесообразность* (закон, что дышло, но зато и милосердие может приостановить жестокость закона).

Что касается жизненного пространства, русским людям очень не повезло с климатом. Россия — самая *холодная* страна в мире. Суровые зимы, большие перепады температур, замерзание водных путей и огромные сухопутные расстояния делают издержки любого производства в России заведомо выше, чем на Западе и других зонах мира. Подробно об этом пишет А.П.Паршев. Для эффективного функционирования экономики страны в целом (чтобы издержки перекрывались доходом), в таких природных условиях требуется государственное регулирование всех сторон применения и перемещения капитала. При свободном перемещении капитала и единых мировых ценах капитал всегда стремится уйти туда, где затраты на производство (издержки) ниже, и тогда сбегавший капитал замещается импортом товаров. Аналогичные же товары на мировом рынке всегда были дешевле наших. От разорения своего неконкурентного по условиям климата и сухопутных расстояний хозяйства нужен протекционизм, государственная защита внутреннего рынка от агрессии мирового рынка. Тоталитарная закрытость общества здесь предпочтительней либеральной открытости. При "свободе торговли" вектор устремлений капитала всегда

был направлен центробежно, из России за границу. Свободная конвертируемость рубля вводилась в России дважды. В конце XIX века при золотом рубле из России на Запад утек огромный золотой запас. При свободной конвертируемости рубля в доллар в конце XX века из России на Запад сначала утекли мобилизационные запасы стратегического сырья (точно знаю про уран, титан, ртуть, ниобий, осмий), постоянно текут невозобновляемые ресурсы, а солидная валютная выручка остается на Западе. И тогда и сейчас свое хозяйство рушилось, а иностранные инвестиции в Россию не шли. При издержках в России, заведомо больших, чем вовне ее, и повышенном риске убытков для внешнего инвестора никакой привлекательности для вложений иностранного капитала в нашу экономику нет. Пришел же в Россию только кредит и только под гарантии либо залога российских ликвидных ценностей, либо государственных обязательств платить проценты и возратить долг. В результате Запад обогатился.

В условиях открытости, означающей бегство капитала из России и разорительный импорт иностранных товаров, в хозяйстве процветает рвачество, и солидный, с деловой и социальной устойчивостью, капитализм укрепиться, конечно, не может. Пример рвачей, проныр, живоглофов, хамов, выжиг, злостных банкротов и иных "нечестно богатых" активных "дельцов", во многом вынужденно неправедных по отношению к пассивной массе, с точки зрения пользы для общества был отрицательным. Капиталистическое разделение на классы российское общество отвергло и в начале, и в конце XX века, ограничившись временным сломом сословных перегородок.

Короткие первые сорок лет советского строя Россия жила солидарным обществом с нарождавшимся новым сословием правящей партийной номенклатуры, но уже в 60-е годы номенклатура стала потомственной, обрела отдельные от народа интересы и сознание своего особого, закрепленного привилегиями, статуса. Возвращается российское общество в сословные рамки и сейчас. Пере-

группировка активных произошла. Возвысились бояре-олигархи. Закрепляются права владения хозяйственными "вотчинами". Возобновилась раздача властью орденов и привилегий. Происходит сращивание новых "хозяев" с обновленной номенклатурой в новую знать и ее обособление от народа.

Основным рычагом контроля над всеми сословиями общества, "упакованного" в государственные формы аристократии, выступает *страх* — инструмент смиренного *тоталитаризма*. Слава же, как традиционный нравственный приоритет в обществе, стимулирует подвиги *великодушия* (преданность, жертвенность, сострадание, бескорыстие).

В России у православных сохранились подвиги благочестия: личная милостыня и пост. На Западе же у протестантов поста вообще нет, а у католиков пост остался только на два дня перед Пасхой.

Психологию российского общества, живущего в холодных суровых условиях, выражает *простая и неспешная еда* и большая, чем на Западе, склонность к напиткам, "греющим душу". Тосты, как правило, произносятся и всегда содержат пожелание *здоровья* всем присутствующим. В узком месте русские сами организуются в *очередь*.

В традиционном сословном тоталитарном обществе наследуемый характер привилегий развращает высшие сословия (и дворян-чиновников, и купцов-промышленников), приводит их к бесславию, духовной деградации. В благополучное время уже третье (по закону Паркинсона) поколение наследников привилегий некогда "славных предков" жиреет, теряет деловую активность и идеалы общего с народом дела, что приводит их к упадку (конкурентов нет, и количество богатства у знати переходит в качество апатии, скуки и сладострастия). Деградация же знати вызывает у народа уже не просто неприязнь, а глухое, устойчивое омерзение и тоже потерю энтузиазма. В ответ знать платит народу ненавистью. Неизбежно наступает застой в развитии. Вожжи страха ослабевают. В обществе возобладают идеи либерализа-

ции, которые проталкивают активные из групп наивных "мечтателей" и "святых праведников" (революционеров, диссидентов). Знать ищет выхода, однако будучи уже неспособной к личному подвигу ради идеи склоняется к реформам в пользу либерализма. Пассивные трудовые условия примыкают к либеральным идеям "союза завистников и неудачников". Происходит характерный для русских моментальный слом в никем не предвиденной резкой форме. Сословные границы рушатся. У "активных" открываются перспективы. Происходит перегруппировка в "верхах". "Мечтатели" при установлении нормальных деловых условий отсеиваются, а "хозяева" поднимаются и двигают вперед развитие. Народ, хранитель вековой коллективистской традиции и общинного духа, в своей массе не рассыпается на индивидуумов, эмоционально сопротивляется насилию озападнивания. *Гармония* в обществе восстанавливается в старой сословной форме: "знать /народ".

Лекарством для сословного общества Ф.М.Достоевский считал войну. Лекарством "отрадного для народа" моментального действия, поднимающего "дух народа и его сознание собственного достоинства". "Война равняет всех во время боя и мирит господина и раба в самом высшем проявлении человеческого достоинства — в жертве жизнью за общее дело, за всех, за отечество". Обе отечественные войны, несомненно, были таким лекарством.

Либеральные идеи реформ овладевали умами тоталитарного православного общества в периоды упадка с периодичностью в три поколения. Определяется это природным свойством, называемым в диалектике "отрицание отрицания".

В короткие периоды слома сословных перегородок и перегруппировки активных внутри общества основатели родов (особенно купеческих) первоначально выдвигались за счет выдающихся качеств по аристократическому принципу "личной годности". Через 50—75 лет большинство из родов, представленных уже не блещущими личными качествами внуками родоначальников, сходит со сцены, и воз-

вышаются другие. Средний период процветания рода — три, максимум четыре поколения, то есть — 75, от силы 100 лет.

Одновременность возвышения и деградации аристократии закладывает цикл кардинальной перегруппировки верхов и либеральных реформ общества, "перемены гармонии", тоже раз в три поколения (в среднем раз в 60 — 90 лет).

На графике колебаний благополучия гармонии в России (рис. №3, стр.70) первый упадок, 1662 ( $\pm 3$ ) год, приходится akurat на раскол русской православной церкви — апофеоз дисгармонии в обществе и государстве. Упадки и подъемы российского благополучия гармонии следуют в периоде трех поколений.

Так, после "смуты", спустя 76 лет после основания династии в 1613 году, с 1689 года началось правление третьего из Романовых — царя-реформатора Петра I *Великого*, силой перетряхнувшего общество на западный манер. Через 73 года после начала царствования Петра I в результате переворота к власти (с 1762 года) гвардией была возведена жена его убитого внука Екатерина II *Великая*, проведшая реформы и оформившая сословные привилегии дворян. Через 63 года в 1825 году "декабристы", аристократы-масоны, пытались перегруппировать общество, но были подавлены и произошло это только в четвертом от Екатерины Великой поколении при либеральных реформах царя-демократа Александра II *Освободителя* (правил с 1855 года, а отменил крепостное право в 1861 году). Еще через три поколения, в феврале 1917 года также аристократы-масоны по уговору с Западом свергли православного царя. Трехсотлетняя династия Романовых пала. Лавинная либерализация длилась всего восемь месяцев и завершилась *Великим* "Октябрьским переворотом", когда власть перехватили большевики. Незначительная, но самая активная политическая фракция представительной власти, возвышенные героические идеи и *великий замысел* которой увлекли массы и обеспечили ей победу в гражданской войне. А еще через три поколения

(74 года), в 1991 году сам партийный царь с боярами-партократами под моральным давлением Запада окончательно предали тоталитарную мечту о справедливости для всех и отдали власть либералам. Произошел очередной слом сословных границ в традиционной форме переворота.

Причина приверженности российского общества к аристократии, его сопротивления и полной чиновной бюрократизации, и сплошной выборной демократизации, на мой взгляд, состоит в том, что холодная Россия представляет собой еще и уникальный конгломерат народов, где русские не составляют господствующую доминанту крови. Русская цивилизация принимала всех, кто овладевал русским языком. Таких племен и народов сейчас 120 или более. В России населяющие ее многочисленные народы и этнические группы сплочены в национальные острова и архипелаги среди моря русских и участвуют в государственной власти по аристократическому принципу. Что же касается моря русских, то среди них, благодаря суровым российским условиям, расстояниям и просторам, на местах воспроизводится тоже аристократия (выбываются наверх "лично годные", их доверие ограничено самым ближним кругом, место при деле сохраняется в поколениях через родство).

А от бюрократической вертикали власти в России большого толка нет. Чиновник, из присущего чувства зависти к аристократически "лично годным", от личных жертвенных подвигов во имя высокой цели уклоняется и гасит благой порыв приказов. Российский аппаратчик ни шагу ради идеи не сделает, а уж защищать ее, рискуя собственной жизнью, — тем более не станет. Другое дело — аристократы духа, движимые волей, предваряемой представлением цели. Аристократов духа, у которых идея определяет желания, а желание превращается в волевой акт действия. В этом плане характерно замечание Верховного правителя России времен гражданской войны адмирала Колчака. Он писал: "Скажу Вам откровенно: я прямо поражаюсь отсутствию у нас порядочных людей. То

же самое у Деникина — я недавно получил от него письмо; то же и у большевиков. Это общее явление русское: нет людей. Худшие враги правительства — его собственные служащие". Вспомним и о трагической кончине самого Колчака, и многих других подвижников равно как белой, так и красной идеи среди русских.

У истоков русской государственности стояли варяги-скандинавы. И потом, во все времена, правящая знать в России была во многом не русской. В XVII веке после монголо-татарского ига и польско-литовского нашествия, русская аристократия насчитывала 156 семейств татарского происхождения, 168 семейств Рюриковичей (30%) и 223 семейства польско-литовского происхождения. После широкого онемечивания верхов во времена империи, процент русских родов в российской аристократии стал еще меньше (в Европе русские и немцы — это две самые многочисленные, сильные и биологически здоровые нации, которые по национальным характерам могут дополнять друг друга). При царях соблюдалась "черта оседлости", и евреям путь в аристократию был закрыт. После 1917 года это препятствие было устранено, и в российскую правящую элиту мощно вошли колена Израилевы.

В 1917 и 1991 годах в условиях скачков в развитии техники (соответственно, промышленной и информационной) сковывавшая рывок технического прогресса аристократическая конструкция власти в России разрушалась до основания (полного краха прежней идеологии, смены идеалов) и носила характер революции. В 1917 году — Великой социалистической революции (открывала надежду на проявление способностей и лучшую справедливую жизнь для всех), а в 1991 году — либеральной контрреволюции (только для 10% активных).

Сталин, поверх формально выборной и легитимной советской власти, создал аристократическую партийно-номенклатурную систему и страхом держал и ее, и народ в состоянии бодрости и свежести в борьбе за идеал. После его смерти партократия ("каста проклятая") потеряла революционность и в своем сословном сознании отдели-

ла насущные потребности своего благоденствия от далеких целей благополучия всего народа. Возник конфликт между сознанием правящего сословия и официальной идеологией государства.

Коммунистическая идеология, накладывая моральные ограничения на аппетиты верхов, напоминая об их обязанностях перед народом, раздражала номенклатуру, на словах продолжавшую проповедовать идеалы для всех, но на деле погрязшую в своих потребностях и бесцеремонном карьеризме. В народе же на третьем поколении после Великой революции накопилось отчаяние исторического ожидания коммунистической справедливости, понимаемой, прежде всего, как *равенство*.

Пример достигнутого благополучия богатого Запада со свободой частной инициативы на фоне ущербного монополизмом и весьма скромным достатком советского хозяйства, где критериев успешности не существовало и, что бы ни делали, все изображалось превосходным, давил и на знать, и на советский народ неким комплексом неполноценности собственной системы. На явную полноценность общества в науке и технике (космической, ядерной, авиационной, атомной подводной), электроэнергетике, спорте, культуре закрыли глаза. "Зато мы делаем ракеты, перекрываем Енисей, и даже в области балета мы впереди планеты всей", — пел А.Галич, но бревном-то в глазу стояла отсталость в гражданских технологиях и дефицит хорошего ширпотреба.

Первопричина неодинаковости результатов хозяйствования лежала и лежит не в различиях политических систем, а в очевидных различиях условий среды обитания, жизненного пространства (холода и расстояния). Грубая зависть к комфортным условиям Запада, желание жить "как у них там", не оправдана природой. Однако партийное дворянство в третьем поколении (за "дедушкой" Лениным шел "отец всех времен и народов" товарищ Сталин, а за ним, следовательно, внуки) уже прогнило в привилегиях и догмах, унаследованных от героического прошлого. Было неспособно к подвигу за идеал, к тоталитарному



целеполаганию реформ внутрь, на себя. Партократия стала искать выход не в опасном для ее власти снятии преград инициативе "активных" внутри своего общества, а в контролируемой ею же либеральной перестройке с целеполаганием вовне: общечеловеческих ценностях, свободе торговли, открытом обществе, правах человека. Когда же подогреваемая Западом перестройка стала выходить из под контроля партноменклатуры и приобрела характер либеральной революции, она вконец подавила волю партийных князей к удержанию власти. Прогнившая партократия раскололась. Часть перегруппировалась в новые демструктуры власти и "конвертировала власть в собственность". Наиболее активная комсомольская часть номенклатуры "оседлала" приватизацию государственной собственности. А "святые праведники" и "мечтатели" снова ушли в оппозицию.

Несоответствие между самооценкой достоинства "капитала знаний", с одной стороны, и незначительностью получаемых денег и места во власти, с другой, сделали советскую интеллигенцию основной движущей силой либеральной контрреволюции. Яростный бунт советской интеллигенции (в терминологии Э.Лимонова: "новой буржуазии знаний") против номенклатурной системы был в лучших русских традициях "бессмысленным и беспощадным". В отместку за очень большую и долгую власть номенклатуры славные коммунистические идеалы в обществе были разбиты, "оковы" приоритета национальных и общественных интересов пали, а к личным деньгам и власти с одними только знаниями интеллигенция в массе своей при наступившем разорении хозяйства в России пробиться не смогла. Лишь кучка профессоров и ведущих лабораториями заняли верхушку новой власти. А "просто" хорошие мозги, "капитал знаний", потекли из России туда же, куда стратегические запасы и обычный капитал: на Запад.

Разочаровавшийся народ отвернулся от дискредитированного знатью коммунистического идеала справедливости для всех и поддался на соблазн фальшивых пер-

спектив обогащения для себя в «открытом обществе». Россия держится не на законе, она держится на вере. Вере народа в идеал и государственную власть, эмоциональном контакте доверия к власти по любви ("умом Россию не понять, в Россию можно только верить", — гениально подметил Ф.И.Тютчев). Если совсем коротко, то вера — это желание и ожидание чуда. Быстрое построение коммунистического чуда, где «каждому по потребностям», не состоялось. В начале 90-х годов либеральная пропаганда навязала народу представление о жизни на Западе, как об уже воплощенном коммунизме. Просто слово «коммунизм» заменили на «цивилизованный мир» с тем же содержанием: «от каждого по способности (ленивому напрягаться не надо), каждому по потребности (наслаждайся, двигай телом, в супермаркете для тебя все уже приготовлено)».

Социализм как реальная самодостаточная система небогатого удовлетворения потребностей всего общества в России рухнул. Суровые же климатические условия российского жизненного пространства, делающие невозможной одинаковую с Западом по затратам эффективность производства, остались.

Либеральные реформы, дойдя до результатов хозяйствования в условиях навязанного России "ига" свободы для международной торговли и перемещения капитала, провалились. Рентабельным в России оказалось слишком незначительное число преимущественно уникальных производств. Только эти немногие производства способны платить достойную зарплату. К проявлению же частной инициативы в получении самостоятельного дохода способны лишь активные. На развалинах советской экономики значительная часть собственного населения была исключена из довольства и процветания. Капитализм получился ущербным, только для своих, и держится на абсолютно слепом традиционном для России *доверии* общества к соблазнительным картинкам западного благосостояния в "демократических СМИ". Потенциальные капиталисты оказались не более чем "обманутыми вкладчиками". Акционеры от произвола не защищены, их права

не волнуют ни бесконтрольных управленцев компаний, ни бесконтрольную административную власть, по-прежнему исходящих из "целесообразности". Цель спектаклей передачи власти в декорациях "демократических выборов" не имеет никакого отношения к выявлению воли народа. Мафиозно-номенклатурный (замкнуто-аристократический) захват власти проводится тяжелой рукой путем нагнетания страха потери имеющегося уровня благополучия и тотальной манипуляцией сознанием народа. Не демократическое состязание на выборах и не назначение через аттестацию и экзамены по бюрократии, но навязывание без выявления, кто лучший по аристократическому принципу, без риска проиграть в открытом соревновании с другими активными. Либеральному капитализму в России противостоит вовсе не коммунистическая оппозиция, но верноподданное чиновничество. Ведь в замысле либеральных реформ главным было перевести все ценности жизни на денежный расчет. Все социально-экономические системы, имеющие в себе элементы социализма (социальной или национальной справедливости, социальной защищенности) требовалось заменить на рыночные. Однако сами чиновники сохранили за собой все привилегии и льготы (по жилью, транспорту, лечению, санаторно-курортному отдыху и пр.) и намерены передавать свои привилегии детям. В мафиозно-номенклатурной системе нынешней России и мафия-олигархия и номенклатура — это "новая аристократия" с неподсудным имущественным иммунитетом, для которой любой закон не писан. В униженном же народе падает мораль, растет растерянность, апатия и враждебность ко всякой власти. Де-юре условия для инициативы людей вроде бы есть, а толку нет. Для того, чтобы в России "процесс пошел", создать условия развитию частной собственности (либерал-демократия) и дать команду чиновникам (бюрократия) оказалось недостаточно. Без подвига элиты (аристократии) дело зашло в тупик. Прошедшие испытания заказными убийствами и криминалом малочисленные "новые русские" и повязанные с ними коррупцией более многочисленные новые дворяне-чиновники за несправедливые хапки при приватиза-

ции государственной собственности и государственных доходов подвержены общему диагнозу: "страх". Деньги спрятаны за границей и омертвлены на банковских депозитах под смешные, но надежные 3-5% годовых. Широкий деловой маневр и оборот капитала "новых русских", имеющего источник в ресурсах России, опасен отрывом от источника и потерей за границей собственно капитала, пущенного туда в рост. Запад же смотрит на "новых русских" с подозрением и с распростертыми объятьями к себе их не ждет. Новая знать окружила себя телохранителями, отгородилась от деморализованного ею же народа охраной и думает о своем. Народ пассивен, на бессмертный подвиг ради капитала избранных идти не хочет и, как всегда, желает и ожидает чуда: прихода благочестивого лидера, который будет не править для себя, но, провозгласив благородную цель, станет служить Отечеству, наведет порядок, объединит общество своим замыслом и быстро сделает жизнь народа и сытой, и спокойной, и культурной, и вольной. Народ "желает и ожидает" вернуть свою утраченную в ходе либеральных реформ гордость (нравственное равенство с верхами) и былую уверенность в завтрашнем дне, но сохранить при этом ощущение свободы.

Отсюда напрашивается вывод, что после либеральной контрреволюции "дедушки" Ельцина складывающееся в России новое сословное общество, видимо, вернется на новый круг российского девиза: "православие—самодержавие—народность". На собственный путь православия в этике. Тоталитарной аристократии в конструкции власти. И "русского социализма" в экономике (национального капитализма/социализма).

## КИТАЙСКАЯ БЮРОКРАТИЯ

Китайское общество *нетенденционно*, не либерально и не тоталитарно. Верх образуют начальники и старшие, а низ — подчиненные и младшие.

Среда обитания китайцев и не сурова (на китайской равнине тепло и влажно), и не комфортна (80% террито-

рии — горы). Китайцев давно уже *очень много*, и из-за условий жизненного пространства живут они очень *ску-ченно* (зажаты горами на равнине). Когда на Западе малочисленные племена еще ходили в звериных шкурах, а на евразийских просторах будущей России о сосредоточении людей в общество еще не было и речи, в Китае уже было монолитное стомиллионное население, с середины второго тысячелетия до нашей эры организованное в государство. Многочисленность и скученность народа в климате, преподносящем то засуху, то наводнение, требовало постоянного поддержания порядка в обществе и регулирования усилий масс в периоды противостояния стихии, что, видимо, и привело к рождению такой формы государственного устройства китайского общества, как *бюрократия*. Аристократии как системы власти в Китае не было никогда. Управление обществом было отделено от двора со всеми его положительными, а чаще накапливаемыми в поколениях отрицательными качествами и язвами разложения. Оно осуществлялось через полномочных представителей императора на местах, чаще достойных и умных. Вертикаль власти в китайской бюрократии составляли назначаемые чиновники, гражданские и военные.

Путь вверх в чиновники и дальнейшая карьера до самого верха власти был открыт для всех активных. Формальной преградой была лишь сдача экзаменов, которую можно было преодолеть усердным овладением знаниями управления и взяткой. Но, так или иначе, только образованные могли занимать чиновничью должность. Система экзаменов для отбора талантливых в государственный аппарат существует в Китае более двух тысяч лет.

При последней династии Цин (XVII-XIX вв. по Р.Х.) каждые три года через экзамены заполнялось 70 тысяч чиновничьих должностей. Заключительный тур конкурса проводил лично император. Чиновник всегда назначался не в ту провинцию, откуда он был родом. И через каждые пять лет он переводился всегда в новую провинцию. Во многом такой порядок сохранился и сейчас.

Чиновники не имеют наследуемых привилегий, но и не зависят от выбора народа, все, что у них есть,— это лучшие или худшие знания и навыки управления, перспективы карьеры назначенцев и гарантии пожизненного «кормления» от занимаемых должностей. Чиновник небыстр, нерешителен, действует неторопливо, с оглядкой на начальство. Авторитет поста и чина действует сам по себе, препятствует анархии, сползанию в хаос. Это иерархия, социальный центризм. В обществе царит не закон, регулирующий столкновения потребностей индивидов, не целесообразность, исходящая из идеала для всех, а взятка — средство сопряжения личных интересов подчиненных с личными интересами начальников в то, что принято называть *государственный интерес*.

Отдельный человек в Китае — не индивидуальная личность и не клетка общины, но "железный винтик" государственной машины, и взятка необходима как смазка. Коррупция в Китае развита куда больше, чем на Западе и в России, но имеет принципиальное различие, ибо в период подъема смазывает движение того, что соответствует линии государства. За согласованной линией ревностно следят *кланы*, складывающиеся по жизни в одном поколении сверстников, знающих друг друга, начиная от совместной учебы. Кланов образуют родственники и свойственники. Серьезный отход чиновника от этой выработанной государственной линии карается не опалой, а тюрьмой или смертью; нельзя откупиться деньгами, не помогает и щит славы. В период же упадка — разворачивается все. Поскольку привилегии чиновников не наследуются и обновление власти "активными" происходит постоянно, в каждом поколении, бюрократический цикл оказывается продолжительней цикла аристократии.

Когда на местах царит произвол начальников, закон можно обойти взяткой, идеалов нет, а фаза цикла жизни predetermined, каркасом поведения в обществе выступает установленный *ритуал*. Уповать не на что, и это рождает в обществе *равнодушие*. Не совесть и справедливость, как в России, и не признание прав других, как на

Западе, воздействуют на поведение, но лишь стремление "*сохранить лицо*". Не соблазн и не страх справляются с управлением огромной пассивной массой, а демонстрация бездушной *силы* (символ императора: дракон — видимая сила и блеск). В китайском обществе иерархии показателем социального статуса и уровня богатства выступает не энергичный капитал (китайский символ энергии — тигр) и не благочестивый достаток (квадрат ума и воли — змея), а сверкающая, внешняя, парадная *роскошь* (дракон).

Психология китайцев выражается в *изохренной медленной еде*. Основным пожеланием является пожелание *счастья*. Традиционное счастье составляют четыре благополучия. Символически эти благополучия изображают мужские фигуры, которые, слева направо, располагаются в следующем порядке: долголетие, богатство (всегда главная фигура), добродетель, гармония. Счастье через благополучия достигается в *семье*, которую составляют одновременно живущие поколения кровных родственников. Китайцы хорошие торговцы, ибо логика китайского торговца следует не за поиском индивидуальной наживы и тем более не за идеалом, но за интересом семьи и клана.

В отличие от европейцев, фамильный иероглиф у китайцев предшествует имени собственному: сначала клан, потом — личность. Интерес личности — вторичен.

Тосты у китайцев всегда произносятся и за общим столом часто бывают отдельными от других присутствующих, касающимися только старшего за столом. В узком месте китайцы сразу сбиваются в *толпу*.

Общественное сознание китайцев конфуцианское. Конфуцианство тысячелетиями (со II в. до Р.Х.) было государственной идеологией Китая, суть которой не устремление к идеалу, а этика поведения. Религия, как вера, как ожидание чуда от создателя и вседержителя, не привилась, так как у китайцев обожествлялась земная власть. Живой человек, император, вершина бюрократии, который над всеми, а значит — с Небом, представлялся как Сын Неба, получивший "мандат правления" на земле. Традиция обожествления высших руководителей, назы-

вают ли его Сын Неба или Председатель ЦК КПК, имеет в китайском обществе глубокие корни, и роль в этом конфуцианства невозможно переоценить.

Земной император, владыка земли, живая икона Небесного императора, занимает уникальное место в китайском благочестии, он — центр традиции, а девиз его царствования есть веха отсчета времени в историческом самосознании китайцев. Религиозное же сознание (мира невидимого), и то по большей части лишь в отношении смерти, китайцами было заимствовано (с IV в.) в форме буддизма, где Создателя нет.

Конфуцианский канон включает в себя "Книгу перемен" ("И цзин"). Она содержит систему графических символов трех и шести элементарных сочетаний "раздвоения и единого", толкования этих символов, а также комментарии выражаемых символами смыслов чередования и последовательного развития всех основных жизненных ситуаций. В жизни бывают полные "перемены", с необходимым и упорядоченным обращением полярностей, и спонтанные, произвольные, случайные изменения (трансформации). Возможное число вариантов жизненных ситуаций — 64.

Перемены естественны и предопределены, как суточные циклы восхода и заката солнца, месячные циклы четырех фаз луны, годовые циклы смены четырех сезонов, 12-летние и 60-летние (пять фаз) циклы китайского календаря. Цикл же всегда имеет два полюса: начало — конец, верх — низ, пик — упадок. Подъемы и падения в обществе — такие же естественные и предопределенные состояния.

Изучая историю трех с половиной тысяч лет китайской государственности и бюрократии, специалистами были выявлены династические циклы "перемен" средней продолжительностью около 300 лет.

Если у правителя есть сомнения относительно того, что следует предпринять по какому-либо важному вопросу, он должен обратиться к своему сердцу (к моральным основам личности), посоветоваться с придворными, вы-



слушать мнение народа и спросить непредвзятый и обезличенный совет "Канона перемен".

Состояние общества во многом зависит от личных качеств (сердца) главы бюрократической власти — правителя. И конфуцианский канон предписывает, какими качествами должен обладать правитель, а какими — подданные.

Мудрый правитель "правит при помощи своей *добродетели*, пребывая на своем месте неподвижно, словно Полярная звезда, вокруг которой вращаются все остальные звезды". Из этого следует, что в конфуцианском способе управления государством главное — не закон и не насилие, а добродетельный *образец* правителя для подданных. Управление при помощи образца достигается через воспитание преданности народа к вышестоящим. Цель воспитания — достижение человеколюбия. Цель государства — благо народа. Человеколюбие (гуманность) — главная конфуцианская добродетель, моральная основа общественно приемлемого поведения людей. Основы же морального воспитания людей закладываются в *семье*. И государство — это не институт для примирения противоборствующих интересов, а большая семья, где каждый должен знать свое место. Культивирование человеколюбия начинается с выработки сыновней почтительности (сяо) к старшим и братской любви к ровесникам (ди). Развитие добродетели в обществе совершается при помощи практики установленного порядка, ритуала. В рамках же установленных правил и норм личность не индивидуализируется, а существует только в связи с другими личностями (в психологии поведения у китайцев: либо строй, либо толпа). Установленный порядок, ритуал — единственно правильное средство совершенствования личности. "Тот, кто не знает ритуал, не может реализовать себя", — говорил Конфуций. Высшим критерием правильности установленного порядка выступает "долг-справедливость", а уж затем следует выгода. Если народ пренебрегает установленным правителем образцом и начинает самовольно нарушать установленный порядок, то имперская конфуцианская традиция рекомендует ужесточать критерий

"долга-справедливости" в практике ритуала. Тогда установленный порядок с неизбежностью требует перемен, реформ, но перемены должны быть постепенным, а не резким разрывом с прошлым. Совершенствование и упорядочение добродетели в обществе позволяет устранить моральные претензии людей на чужие права и "управлять недеянием". При недостатке добродетели в обществе, как бы ни старалось правительство, все равно в стране будет царить хаос и насилие. Цикл добродетели должен начаться снова. Приходит новая династия.

Совершенное общество — общество, где личность достигает реализации человеколюбия, семейные отношения урегулированы добродетелью, хаос в государстве упорядочен ритуалом, преступность отсутствует, насилие не нужно, царит спокойствие и умиротворение. Краткое определение этой доктрины самим Конфуцием таково: "Пусть правитель будет правителем, министр — министром, отец — отцом, сын — сыном".

В XIX веке идеи западного либерализма, с одной стороны, и коммунизма, призрак которого бродил по Европе, с другой, застигли китайское общество в период полного упадка: расстройства государства Цинской династии, падения добродетели в обществе, национального унижения технической отсталостью и бессилия бюрократии противостоять вторжению Запада и России в Китай. На пять поколений китайцев выпала участь эпохи, названная Кан Ювзем в духе конфуцианской традиции эпохой "Установления хаоса" (от поражения Китая в первой "опиумной войне" и Тайпинского восстания 1851-1864 гг. до начала реформ Дэн Сяопина в 1978 году, то есть практически 127 лет).

Разрушение, прежде всего англичанами, денежной системы Китая, построенной на серебре, через его отток за опиум за границу. Последовавший развал хозяйства. Безуспешные попытки защитить суверенитет в ходе двух "опиумных войн" (1840-42 и 1856-1860), "боксерское восстание" и иностранная оккупация Пекина в 1900-01гг. подрывали конфуцианскую преданность подданных к порядку бюрократической власти. Активные из числа китай-

ского чиновничества и интеллигенции, а за ними и окурченные опиумом полуголодные и полураздетые крестьяне и городские "кули", восприняли идущие с Запада абстрактные, противоречащие конфуцианской этике, идеи свободы и равенства как теоретическое обоснование права на зависть к богатству и почестям, ее оправдание. Восприняли эти абстрактные идеи с китайским равнодушием к различиям их буржуазного или коммунистического смысла. Из идей же Великой французской революции единственно идея *братства* полностью соответствует конфуцианской этике, ибо кровный брат может быть либо старшим, либо младшим.

В 1912 году активные смели трехсотлетнюю Цинскую династию и ее бюрократию. Последовали либеральные реформы, которые лишь окончательно выбили бюрократическую вертикаль власти Центра, привели к распаду страны и сепаратизму провинций, стимулировали индивидуализм, еще более поколебали добродетель и человечность вышестоящих, вселили безжалостность, обогатили активных, но никак не решили проблему *голода* для полумиллиардной массы. На этом фоне моральный авторитет коммунистов в обществе, соединивших марксизм с конфуцианской традицией неприятия индивидуализма, возростал. Коммунистические идеи справедливости и конфуцианское "благо народа" аккумулировались в удаленных сельских и горных "освобожденных районах" Китая.

На плечах Красной Армии, в 1945 году освободившей северо-восток Китая от японцев и их марионетки Маньчжоу-го, с помощью трофейного оружия, полученного от русских, к власти в 1949 году пришли китайские коммунисты. Либералы китайской республики отступили на остров Тайвань.

Мао Цзэдун объединил страну и, как было заявлено, "возродил дух китайского величия". Он объявил приоритет общественных ценностей над личными. Установил "антиимпериалистическую и антифеодальную диктатуру народа" (практически КПК). Восстановил центральную бюрократическую вертикаль "начальники — подчиненные". Ввел

иерархию 25 разрядов "кадровых работников". Жестoko подавил соперников и стал основателем новой "красной" династии под условным девизом своего царствования: "Освобождение и возрождение".

Идеи радикального коммунизма, пройдя испытания крайностью добродетели в форме полной уравниловки, гарантированной "железной чашки риса" для каждого, вторым красным императором Дэн Сяопином были переведены в умеренную фазу с восстановлением семейных ценностей и иерархии "старшие — младшие". Жесткость была снята. Добродетель упорядочена. Хаос преодолен. Провозглашен новый, объединяющий нацию, девиз царствования: "Модернизация и наращивание" (четыре модернизации и учетверение валового продукта). Традиционные координаты китайского общества были восстановлены. Начавшаяся при Мао фаза подъема продолжилась в форме "социализма с китайской спецификой". Эпоха "Установления хаоса" закончилась. Начался следующий цикл добродетели (пять поколений), именуемый "Малое процветание" или "Сяокан" (*зажиточность и спокойствие*) — конфуцианский символ, избранный самим Дэн Сяопином на XXI век для рыночного социализма с китайской спецификой.

Бесспорным показателем роста добродетели в китайском обществе является увеличение китайской семьи, то есть рост численности населения. И здесь примечательно, что за предыдущие периоды "малого процветания" и "великого единения" (десять поколений: 1641—1851 гг.) население Китая учетверилось, выросло со 100 до 400 миллионов человек. В разгар хаоса население Китая не росло, а иногда и значительно сокращалось. Резкие сокращения населения страны происходили в конце царствований династий Хань (III в.), Суй (VI в.), Тан (IX в.), Сун (XII в.), Юань (XIV в.).

В нынешней фазе подъема за два поколения население Китая удвоилось, рванув, ориентировочно, уже за 1200 миллионов человек (по переписи 1953 года население КНР составляло 590 млн. чел.), и продолжает расти.

В фазе подъема находятся и отделенные от материка островные части китайского общества, Тайвань и Гонконг. Развитие они получили тогда, когда идеи демократии там были соединены с конфуцианской традицией (в политическом устройстве Тайваня действует Экзаменационный юань, отвечающий за зачисление на службу всех должностных лиц, образцом конфуцианского поведения было правление Цзян Цзинго, и День рождения Конфуция, 28 сентября, на Тайване государственный праздник).

А в Сингапуре, государстве китайских эмигрантов, на мой взгляд, сейчас построено образцовое конфуцианское общество. Уличной преступности нет; курить, сорить, распивать, жевать резинку, обращать внимание на женщин и многие другие проявления индивидуальности в общественных местах и просто на улицах запрещены; достигнута редкая для Азии чистота, аккуратность и высокий жизненный уровень для всех.

Применительно к современным китайским миллионерам в Гонконге и Сингапуре трактовать конфуцианскую доктрину можно так: "Только кули может стать миллионером. Только кули может быть кули. Только очень богатый человек может позволить себе жить, как богатый".

Мы являемся свидетелями бурного роста уровня индустриализации, коммерциализации и информатизации китайского общества, которые идут одновременно с восстановлением и утверждением в сознании народа национальной системы духовных ценностей, основанной на добродетели. Императоры, правившие с помощью жестокости и усмирявшие хаос грубым насилием, имели в китайской истории короткую жизнь в одно — два поколения. Возврат к добродетели как системе координат позволяет предполагать, что китайское общество вступило в период стабильности и процветания.

И если специалисты по династическим циклам не ошибаются, то впереди у "красной" Китайской империи еще, как минимум, десять поколений (200-250 лет) — до следующей "перемены долголетия".

"Какой маневр нужен России, чтобы быстрее выбраться из ямы системного кризиса"? Ответ я дам сразу. Начинать необходимо с экономики, и правительство было бы конгениальным, если бы решительно перевело весь внешний долг во внутренний, а весь экспорт с расчетов на доллары в расчеты на рубли!

И маневр долгами, и контрудар в экспорте возможны вследствие того непреложного факта, что и в условиях самого свободного "рынка без границ" печатание бумажных денег и государственных ценных бумаг есть исключительно плановая и осуществляемая командным способом главная финансовая функция и монополия государства. Дело, стало быть, не за кабинетной макроэкономической ученостью, а за искусством побеждать: дело за "новым Кутузовым", только в сфере экономики.

Начнем с долгов. Внешние долги давят власть грузом обязательств по расчетам с зарубежными кредиторами в их же иностранной валюте. Бюджетных средств для этого едва хватает на погашение лишь волнами набегающих процентов по кредитам, набранным предшественниками. Девятый вал выплат по процентам, как пугают люди сведущие, набегит уже совсем скоро, в 2003 году. А валюту надо еще как-то накопить через налоги и сборы с экспорта энергоносителей и сырья, продавая газ и мазут приоритетно и скопом за рубеж в ущерб потребностям собственного населения и отечественных товаропроизводителей.

Внутренний же государственный долг перед своими физическими и юридическими лицами вообще не давит, так как погашается своими «деревянными» деньгами, которые нужно всего лишь с точным расчетом напечатать.

У нынешних чемпионов мира в экономическом соревновании — Соединенных Штатов Америки, при федеральном бюджете порядка 1 триллион 700 миллиардов своих зеленых бумажных денег с портретами, внутренний государственный долг составляет порядка 5 триллионов. И при

этом ни правительство, ни население отнюдь не стонут под гнетом вроде бы огромного невыплаченного долга.

То же — у призеров экономического роста, китайцев. Стимулируя бумажными народными юанями внутренний спрос и кредитую "стройки пятилетки", они довели внутренний государственный долг чуть ли не до 20% от валового внутреннего же продукта. А простой народ при этом живет все лучше и лучше.

Российское же правительство гордится тем, что внутренний долг невелик — при валовом внутреннем продукте примерно в 200 миллиардов долларов США он составляет всего лишь порядка 20 миллиардов долларов и перекрывается валютным запасом Центробанка. При этом исчисление идет в чужих американских денежных знаках. Народ же этому обстоятельству почему-то не рад, ибо на его жизни красивое сальдо Центробанка никак не сказывается. Внешний же долг давит гирей примерно в 150 миллиардов и на правительство, и на обделенный в угоду экспорту теплом и горючкой народ.

Бремя можно было бы облегчить переводом внешнего долларового долга во внутренний рублевый, но как это сделать? Светлые умы наверняка могли бы придумать разные оригинальные способы. Ответ есть и в отечественной старообрядческой практике соединения благочестия с богатством. А именно: нужно увеличить масштаб оценки выгоды бизнеса с краткосрочных сиюминутных сделок до гарантированного дохода следующего поколения. То есть расчет делать минимум на 20 лет, имея в виду наперво обеспеченность детей на Родине и собственный уход из-под страха потерять доставшуюся невесть как собственность, риска внезапных перемен законодательства и вынужденного бегства за границу.

Не абстрактная национальная идея, от ума греющая чувство, но только достойная цель мобилизует колеблющуюся волю, заставляет принимать решения исходя из перспективы, оправдывает усилия и жертвы на преодоление трудностей. Несомненные успехи 20 лет китайских реформ определяются именно величиной целей, постав-

ленных в 1978 году, и четкостью задач, рассчитанных на 40 лет — два поколения.

В приложении к российскому правительству сказанное означает, что от идеи рухнувшей 17 августа 1998 года пирамиды государственных краткосрочных обязательств, привлекавших деньги в казну быстрыми баснословными процентами, следует перейти к идее *долгосрочных государственных обязательств* на сумму государственного долга. Обязательств сроком на 20 лет (одно поколение) под приличные 10-15% годовых, но зато на 100% гарантированных стоимостью находящихся у государства активов (прежде всего в топливно-энергетическом комплексе, производстве промышленного сырья, транспорте и связи).

Иными словами, вместо дальнейших суетных торгов по приватизации все еще значительного государственного имущества правительство может напечатать красивые бумажки с гербовой печатью и подписью — т. е. долгосрочные обязательства рассчитаться за деньги, взятые в долг у своих граждан сторицей, но потом.

По этим ценным бумагам правительство брало бы на себя и только перед гражданами России обязательство 20 лет аккуратно и каждый год выплачивать проценты деньгами, которые оно само же и напечатает, но зато через 20 лет передать в полную собственность владельцев этих бумажек реальные стоимости в форме долей собственности в еще принадлежащих государству предприятиях, извлекающих доход из реальных естественных ресурсов, которыми природа не обделила Россию.

Но будут ли такие государственные долгосрочные обязательства покупать и на какие средства, ведь мгновенная спекуляция на них не просматривается, доходность по вложенному капиталу не велика, и есть весьма большой риск, что государство в лице следующих сменяемых властей от обязательств предшественников просто откажется.

Тут нужно вспомнить о русском хозяине. Если государство определит, что права по долгосрочным обязательствам только наследуются и только через 20 лет, и допустит владельца, купившего у него долгосрочные обязательст-



ва, до управления хозяйственной деятельностью с тем государственным имуществом и на земле, которые оно имеет, но от управления которым в условиях либерального рынка самоустранилось, то хозяин придет — и не только потому, что ему претит бесхозяйственность. То есть, если размер государственной собственности, управление которой сможет взять на себя потенциальный хозяин, будет определяться номиналом купленных долгосрочных обязательств, а все льготы госсобственности по налогам, сборам, земле, а главное, стабильности статуса на 20 лет останутся, то частный хозяин придет именно за льготами, процентами по бумагам и стабильностью.

Именно долгосрочность и стабильность будут основой для расчета выгоды. А выгода будет мотивировать возврат сбежавших капиталов на Родину. Так как на покупку государственных долгосрочных обязательств потребуются деньги из свободных средств, а свободные средства у разбогатевших соотечественников есть, но сейчас вынужденно гуляют по иностранным банкам, кредитуя иностранное благополучие.

Таким образом, у правительства появится наживка, способная привлечь гуляющие за рубежом деньги в свое хозяйство. На эти деньги выплатить весь валютный внешний долг, переведя его посредством государственных ценных бумаг во внутренний, рублевый. А ответственность за возврат внутреннего долга с прибылью, а не с убытком на 20 лет отдать в управление тех, кому этот внутренний долг и нужно вернуть — гражданину России, на свои деньги и на свой риск взявшемуся хозяйствовать.

Если хозяйствовать с душой и умело, то кроме ежегодных процентов по ценным бумагам от властей, можно самому ковать и хорошую прибыль, а через 20 лет получить в наследуемую частную собственность уже хорошо поставленное доходное дело. А если нет, то кроме гарантированных процентов по бумагам, хоть и «разбитое корыто» изношенных и разворованных основных средств предприятия, но все равно останется детям. И уже они, "с усмешкой горькою обманутого сына над промотав-

шимся отцом", что смогут, то и сделают с таким грузом полученного от родителя наследства, а на худой конец сдадут его назад в казну.

Это западный предприниматель — игрок, заряженный на быстрый финансовый успех, а настоящий русский хозяин способен упорно тянуть до избранной цели, невзирая на сроки. Спекулянт и конъюнктурщик на срок в 20 лет и за свои же деньги подряд на хозяйствование не возьмет, какие бы ни рисовались выгоды в конце срока.

Но государственные долгосрочные обязательства никто не будет покупать без соблюдения неперемного условия: стабильного или, еще лучше, укрепляющегося рубля. А рычаг укрепления рубля находится в руках правительства — это валютное регулирование.

Яркий пример умелого пользования этим рычагом дают китайцы с непоколебимым от пятилетки к пятилетке курсом юаня. И это невзирая на постоянную внутреннюю инфляцию, вызываемую необходимостью дотировать растущее городское население, на удары международных финансовых спекулянтов и происки закулисы, а также на товарную ("тапочки и тряпочки") структуру экспорта, которая требует значительных усилий для преодоления барьеров протекционизма, прикрывающих зарубежные рынки.

В нынешней российской ситуации правительство могло бы использовать китайский опыт в части *расширенного печатания бумажных денег при поддержании стабильным их искусственного обменного курса*. А для поддержания и укрепления обменного курса своей валюты достаточно перевести весь российский экспорт в расчет на рубли. Благо что российский экспорт (преимущественно промышленного сырья и энергоносителей) значительно превосходит импорт (преимущественно продуктов питания, товаров широкого потребления и комплектующих деталей).

Для этого в обязательном и сейчас паспорте сделки цену товара, вывозимого из России, достаточно исчислять не в долларах США, а в рублях. То есть заставлять

иностранного покупателя российского товара расплачиваться с российскими компаниями рублями и для этого сначала покупать в российских банках рубли за их иностранную валюту.

Сделку сделать двухступенчатой. На первой — под конкретный контрактный товар продать «деревянные» рубли, эмиссия которых плановая (государство всегда способно поддерживать и регулировать дефицит рублей для иностранных покупателей), на второй — за рубли продать товар, предложение и спрос на который будут определяться свободным рынком.

Приток валюты в Россию от сырьевого по сути экспорта при этом не уменьшится, а курс рубля будет расти до его реальной рыночной котировки.

Такой контрудар в экспорте видится успешным и потому, что более половины внешнеторгового оборота России сейчас приходится на Европу и только единицы процентов — на США. Оборачивая рубль через европейскую валюту, котировка будет опираться на реальный поток товаров, а не на пустоту громадного внешнеторгового дефицита США и пузырь виртуальных активов мировых банков, исчисленных в долларах США. Пузырь, который обязательно когда-нибудь лопнет.

Что же касается укрепления рубля, то это благо для страны. Создавать заниженным курсом рубля условия высокой рентабельности для экспорта российского зерна, мяса, молока и других продуктов питания, явно рановато. Пробивать же стену зарубежного протекционизма для экспорта туда сырья и энергоресурсов не надо. Он и так желанен, только давай. Экспорт оружия определяется не столько его качеством и себестоимостью, сколько политическим обеспечением. Все остальное Россия, так или иначе, пока импортирует. Развитие же, например, отечественного автомобилестроения и авиации с лихвой обеспечивается внутренними потребностями рынка перевозок при условии самого незначительного превышения над ценой отечественной техники планки таможенной пошлины на импорт иностранной техники того же типа.

А с ростом рубля повысится покупательная способность зарплаты трудящихся России, то есть их жизненный уровень. Бегство капитала из России станет невыгодным, а внутренний долг выгодным. Все российские банки, а не только Центробанк, станут активно продавать и оборачивать рубль и накапливать иностранную валюту. Появится внутренний источник кредитования модернизации российского производства.

Есть и еще одно соображение полезности упреждающего маневра от доллара к рублю. Это нависающая угроза обвала курса доллара.

То, что крах доллара как резервной валюты и основы расчетов на мировом рынке, назревает и может повлечь за собой мировой экономический кризис, уже стало предметом обсуждений и не только специалистов. Предугадать же, когда точно лопнет пузырь виртуальных стоимостей, невозможно. Расчет даты землетрясения не удавался пока никому. Но для минимизации потерь от грядущего потрясения вполне возможно принятие упреждающих мер "инженерной защиты".

Модель современного функционирования американской экономики состоит в покрытии внешнеторгового дефицита притоком капитала со всего мира. Главных регуляторов финансов два: Федеральная резервная система США (печатный станок) и Нью-йоркская фондовая биржа (вакуумный насос). Доллары, полученные от продажи ресурсов в Америку через биржу (фондовый рынок), вкладываются в ту же Америку. При этом импорт капитала в США обеспечен расширенным экспортом ими своей инфляции и экономической нестабильности в целом за рубеж (в форме наличной и безналичной долларовой массы).

Постоянная угроза, дамокловым мечом висящая над США в этих условиях, заключается в снижении привлекательности доллара как мировой валюты. В случае же потери привлекательности (а это произойдет тогда, когда "пузырь" фиктивных активов новой информационной экономики перестанет надуваться) начнется массовый сброс "евро-" и "чайна-" долларов, обслуживающих расчеты

мирового рынка (то есть расчеты реальных стоимостей товаров в контрактах, банковских гарантиях и аккредитивах станут делать не в долларах США, а в евро и юанях).

Американская экономика начнет захлебываться от избыточной для потребностей собственно США долларовой массы. Курс доллара станет падать. Аккумулятор избыточных живых денег — рынок акций начнет "сдуваться" и терять виртуальные активы (авторские права и другие нематериальные активы компаний типа "Microsoft" стали превышать по своей виртуальной стоимости основные средства таких гигантов индустрии, как "General Motors").

Капитал с целью своего сохранения станет перетекать из высокоприбыльных спекулятивных финансово-информационных в любые доступные надежные и долгосрочные активы (золото, недвижимость, концессии на недра, леса, пашню). А также в реальный сектор производства (прежде всего оружия, как проверенного веками и аккумулятора капитала, и стартера новых технологий).

Качественное же технологическое преимущество США позволит им впредь опять применять для удержания своего мирового лидерства грубые военные технологии вместо финансовых, возможности которых по обеспечению с начала 90-х годов быстрого роста экономики практически без инфляции теперь фактически исчерпаны.

То есть вместо соблазнов опять демонстрировать миру угрозу. Демонстрировать как в упаковке малозаметных технологий формирования сознания (программа ПРО), так и открыто через применение оружия (Ирак, Югославия, Палестина, далее везде, где будет удобно в подходящее время).

Сами американцы вряд ли сильно пострадают от краха доллара, а воротилы рынка наверняка даже сильно на крахе заработают. Простой выход из-под обломков бумажного доллара для Америки очевиден. Платежи населения США на своей территории безболезненно можно перевести на пластиковый доллар — кредитную карточку. Уже и сейчас миттеры оплаты парковки автомобилей широко переходят с металлической разменной монеты на

электронную карточку, а телефоны-автоматы уже редко где остались с прорезью для монет. Все остальные расчеты граждан США в подавляющем большинстве осуществляются через прямоугольный кусок пластика с магнитной записью — кредитку. Поэтому отмена бумажного доллара к приему в платежи обременит лишь держателей крупных сумм наличных, а народ не заденет. Спокойный переход на "электронный" доллар в США тем более возможен в силу того, что деньги во внутреннем обращении сейчас обеспечиваются не собственно золотом, а товарами. То есть, в конечном счете, общественными отношениями. А информационные технологии позволяют создавать эти отношения, минуя товарную стадию (самим фактом применения денег как услуги имеющей стоимость).

Крах бумажного доллара вряд ли сильно заденет и китайцев. Народ в Китае живет на юани. Пунктов обмена валют нет. А народное государство, скорее всего, давно готовится к назревающим переменам в мировой финансовой сфере. За 17 лет работы в Китае я пришел к личному выводу, что официальная информация китайских властей, рассчитанная на иностранцев,— это если не чистая дезинформация, то изящная стратегическая маскировка, построенная на иностранных стереотипах мышления и западных ценностях.

Достаточно посмотреть на китайскую политику "открытости внешнему миру", на деле представляющую дверь для капиталов, свободно открывающуюся только в одну сторону — внутрь Китая. Не исключая, что именно китайцы в своих национальных интересах и помогут доллару США упасть. Вместо того чтобы ждать кризисы и становиться жертвами рынка, можно организовывать кризисы и через них сбрасывать на других свои внутренние проблемы. Строго говоря, использовать управляемый кризис как средство конкурентной борьбы как против корпораций, так и государств.

Народы Европы замечательно себя ощущают без доллара США и в плановом порядке готовятся свой безна-

личный "евро" сделать наличным и повсеместным средством платежей рядовых граждан.

А вот народы России, стран СНГ и прочий мир за пределами "золотого миллиарда", где ходят зеленые билеты с гордыми портретами бывших американских президентов (а в России к тому же и государственный резерв Центрального Банка, в основном долларовый, размещен под процент за рубежом) вдруг могут быть неприятно удивлены. И даже изумлены, когда через СМИ им сообщат, что имеющиеся у них на руках серо-зеленые билеты за подписью казначейства США на вход в мир реальных стоимостей в связи с "заменой спектакля" сегодня и впредь недействительны. А средства, потраченные на приобретение этих билетов, будут компенсироваться только в "кассе театра", только на кредитную карточку американского банка и только в течение месяца.

Среди специалистов бытует мнение, что основной ресурс США — это даже не высокие технологии, а формирование стандартов мышления. Во всяком случае, в нынешней России экономисты рассуждают, как правило, лишь в присущих Западу категориях богатства — разорения, а само богатство связывают только с одной из его форм — капиталом.

Китайцы же живут в другой системе координат, в системе благополучия, основанного на добродетели, где важно не количество денег, а качество жизни. И богатство, как качество жизни, у китайцев не в капитале, а в роскоши. Китайским экономистам вполне удастся строить свою экономику вне стандартов мышления западной школы бизнеса и категорий успеха, навязываемых Мировым банком и Международным валютным фондом. Они оперируют категориями государства — семьи, а результат роста благополучия китайцев очевиден.

Может показаться, что перспективы Китая рисуются здесь в чересчур радужных цветах. Нет, на мой взгляд, они отнюдь не безоблачны, особенно перспективы дальние. В процессы глобализации Китай втягивается, а открытие его рынка может повлечь последствия, подобные

тем, которые привели к 1-й опиумной войне. Монолит партийно-государственной структуры КНР подтачивает коррупция (сейчас, как там едят, под следствием состоят уже 10 000 коррупционеров разных рангов). То тут, то там падает то мост, то универмаг (из-за разворовывания средств во время строительства). При этом в политике Пекина, взятой в чистом, "лабораторном" как бы виде, присутствуют и гибкость, и дальновидность, что очевидно.

Революция во главе с Мао Цзэдуном позволила сценментировать "грудю песка" (которой Сунь Ятсен некогда уподобил китайский народ). Не приведет ли успешное действие рыночных механизмов (при соответствующем дирижировании из-за океана) к новому превращению монолита в "грудю песка", к воспроизводству на китайских просторах того, что свершилось на просторах советских? Рыночная реформа вызволила Китай из хаоса, но не явится ли еще больший хаос ее конечным результатом? Следуя теории трех периодов китайского цикла подъема и падения благополучия, все так и будет. Придет и новый хаос, но случится это очень не скоро, по крайней мере начало спада предусмотрено не ранее 2019 года.

Если для Запада благополучие в богатстве, а для китайцев в добродетели государства как большой семьи, то для России китайская традиция оставила благополучие гармонии, где живущий в достатке уже чувствует себя богатым. Гармонии, как согласованности *неравновеликих* частей целого, согласованности богатства и добродетели, либерализма и консерватизма, западничества и русского пути, европейской и азиатской частей ее самости.

Действительно, все подъемы благополучия России приходились на времена установления властью именно гармонии с некоторым превышением западничества над самобытной азиатчиной: «да, скифы мы... с раскосыми и жадными глазами», — в ключе имперской державности (Петр I Великий, Екатерина II Великая, Александр II Освободитель, Советская империя). А падения — на времена дисгармонии, перегибов либо в сторону преклонения перед Западом ("бироновщина" при Анне Иоанновне, "демократия"



при Ельцине), либо в сторону восточной ортодоксии (Николай I "Палкин", Святой Государь Николай II "Кровавый").

Неблагополучие России сейчас, в стандарте мышления китайской традиции, связано как раз с дисгармонией, перегибом политики в сторону западного либерализма. В силу системы образования русские давно стали стихийными носителями "западничества". Сейчас же принятый властью полный идеологический плюрализм в обществе и связанная с ним "деполитизация" и "огосударствление" армии и госаппарата сняли консервативные патриотические противовесы, что при одностороннем либерально-буржуазном пропагандистском курсе СМИ сделало этот крен предельным.

Выход российской цивилизации из ямы падения благополучия уже начался. И вполне очевидно, что идет он именно по пути наращивания евразийской гармонии в державности. Опасный полной катастрофой крен начал медленно выправляться.

А раз так, то и финансовая политика государства российского, предусматривающая укрепление рубля и вытеснение доллара из внутреннего обращения и состава долгов, будет вести к росту благополучия народов России.

В западном рациональном стандарте мышления и расчета возможных выгод или потерь внешний долг России нужно либо быстрее отдавать, либо не спешить с окончательным расчетом. Но, так или иначе, доллары следует накапливать. В русском же мышлении, как в самбо, путь к выгоде лежит через маневр, побеждающий и прямое давление силы, и наработанную схему в иррациональном и асимметричном ответе.

А если маневр от доллара к рублю будет упреждающим, то и потери от маневра собственно доллара от бумажного к пластиковому будут скомпенсированы.

Так или иначе, хозяйствовать России нужно самостоятельно и оригинально, с учетом того, что почем, что работает, а что не работает, но обязательно по собственным схемам.

## ДОКТРИНА ПЕРЕМЕН И УРОКИ ДЛЯ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Нынешнее поколение бывших советских людей вполне представляет историю Отечества в ракурсе исторического материализма. История здесь выглядит как прогресс, где первобытный строй через рабство, феодализм и капитализм развился в социализм и, почему-то не перейдя в коммунизм в нашей «отдельно взятой стране», на глазах изумленных народов вырождается в какую-то «глобализацию».

Однако ту же самую историю Отечества можно представить и в другой, отличной от диалектической и европоцентристской системы координат рассудка, а именно: развернуть по Пути китайского цикла перемен.

В физике движение делится на поступательное и вращательное, и «движение времени» можно представить как поступательное развитие вперед и вверх: как «прогресс» (вниз — будет называться регресс) и как вращательное развитие витками по «кольцам перемен». Если же «виток перемен» в вертикальной проекции развернуть в линию, то получится синусоидальная волна, наподобие лежащей буквы «S». А прогресс в цикле — это тот прямой восходящий участок волны, который соединяет кривые двух полукругов перемен: провала падения и взлета триумфа.

Западнической системе координат рассудка свойственно восприятие времени только как прогресса, как прямой линии, у которой есть два конца: начало и конец. А так присутствующий в «прогрессе» ритм взлетов и падений ассоциируется с маятником, который толкает или тянет по прямой борьба двух противоположностей (свой / чужой, знать / чернь, труд / капитал). Борьба здесь необходима, так как без нее движение остановится в мертвой точке покоя. И эта исходная (конечная) точка движения обозначается нулем.

В числах «алгебра мысли», методология для рационального понимания и толкования закона развития в величинах, издревле изложена у евреев в Каббале. Но это — тайное зашифрованное предание, и евреи держат его в секрете. До 40 лет и неженатых вообще Каббале, как правило, не обучают, а курс каббалистики преподают 36-ти избранным за 5 лет (своего рода «академия высшей математики божественного»). Европейцы же, включая советских людей, с детства по образованию находятся в методологии формальной логики древних греков, то есть не в числе, а в слове. Кое-кто осилил диалектическую логику, но нумерология чужда обыденному сознанию европейцев, хотя у Пифагора число соотнесено и со звуком и с цветом (всего градаций восемь).

Универсальных методологий (путей к правильному знанию) для построения доктрины немного: это логика (формальная — Аристотеля и диалектическая — Гегеля); геометрия Эвклида и начертательная; нумерология в варианте Пифагора, нумерология Каббалы и не имеющая аналогов в мире и далеко не разгаданная нумерология штрихкода перемен "Ицзин Чжоу. Вот и все!

Методологический статус нумерологии как альтернативы формальной логики известен давным-давно, но находится в части "тайных знаний". На Земле все можно разделить на два, и смысл числа тоже делится на два: в аспектах нечет/чет. Так вот, начала знаний были *даны* людям примерно 5000 лет назад и зафиксированы в двух местах: у китайцев в начертательных *символах* "гуа" (Книга Перемен «Ицзин — Чжоу и», начало нечетно) и у евреев в *знаках* букв и цифр (Книга Книг «Библия» и Каббала, здесь начало четно). Других «Книг Начал» нет! Наука многие века трудится над познанием законов природы, общества и мышления, но старательно замалчивает вопрос: "а откуда эти законы в природе взялись?".

В китайской системе координат рассудка, в отличие от западного прогресса, время воспринимается как намагничивающиеся витки перемен, где маховик прокручивания мертвой точки представляет «всегда неравновесная»

связка трех сил: активных сил напора, напряженности и интенсивности и пассивных сил поглощения, удержания и вбирания в себя. Движение здесь вращательное, как в трехфазном тяговом электрическом двигателе, где ноль есть не мертвая точка ступора маятника, а необходимое условие электрического тока от двух фаз на ноль, то есть принцип движения всей связки в провороте. У китайцев активность и пассивность через число выражены начертательно в аспектах нечет (—) «Ян» и чет (— —) «Инь», а закон развития в комбинациях черт нечетов и четов (фигурами по три и шесть) издревле изложен в «Книге Перемен» (первый канон Пятикнижия Конфуция).

Для начертательной развертки цикла времен в линию волны: перемена в упадке — прямая прогресса — перемена на подъеме — прямая регресса — опять перемена на подъем,— в сознание нужно ввести некоторые опорные понятия.

Так вот, китайский цикл перемен — это пятиэлементное *кольцо* преодолений. Начало в этом кольце занимает Вода. Воду останавливает преграда Почвы. Почва прорастает Деревом. Дерево рубится Металлом. Металл плавится Огнем. Огонь гасит Вода. И опять — Воду поворачивает новое русло Почвы. Пять названных словами элементов картины мира, так, как ее видят китайцы, кроме имен выражены также через число, цвет и положение в пространстве. Принципиально то, что китайская картина мира в элементах нечетна, а это значит, что линия развертки времени не разорвана пополам, то есть замкнута!

В европейской же (изначально древнегреческой) системе координат рассудка число элементов четно, их четыре и начертательно они образуют крест. Элементы: Воздух — Огонь — Вода — Земля; это и пространство с четырьмя сторонами света и время с четырьмя временами года. Разница с китайской картиной в том, что Деревя нет, его замещает Воздух (стихия дьявола), нет Металла, и Земля выступает не центром, а противоположностью Огню (Воздух соотносится с Востоком, Огонь с Югом, Вода с Западом, Земля с Севером).

У китайцев же ориентирование по частям света такое: вода — север, почва — центр, дерево — восток, металл — запад, огонь — юг. А в цветах эта картина выглядит следующим образом:

Вода — черная. Это цвет первозданного хаоса, пустоты («тьма над бездною»; Быт. 1:2), это отрицание всех цветов (другие элементы вещества «безвидны», неявленны), это тяжесть толщи и смирение пред Богом. Ибо именно Бог, как Свет, есть источник цвета.

Почва — желтая. Это цвет лессового плато, окрашивающего воду Желтой реки (Хуанхэ) там, где «пуп Земли» — колыбель желтой цивилизации; это цвет урожая злаков, цвет материи и красоты земной жизни, но и цвет Солнца, цвет связи неба с землей, цвет Божественной силы и великолепия, золотого сияния Славы.

Дерево — синее (синее основа зеленого, как составного с желтым). Это холодный цвет утекающей в бесконечность высоты Неба, космическая сущность, мудрость, истина, откровение, верность, широта духа, цвет Богородицы.

Металл — белый. Это цвет неидентифицированности, трансцендентное совершенство, небесный Путь, добрая воля, полнота, чистота, простота, радость, триумф духа и траур над плотью, цвет Матери всех Будд, цвет Святого Духа.

Огонь — красный. Это зенит цвета. Любовь и война, аффектирующая мужская активность, цвет крови, души, страсти и раскаяния, сурового упорства, рвения в вере, мук и страдания, справедливости, величия, верховенства, царской власти, цвет Бога-Отца.

Цвет есть не что-то случайное, но нечто свойственное предмету по сущности. Цвет олицетворяет дифференциацию, то есть явленное. И если в словах и числах сознание легко поддается фальсификации, то в цвете сфальшивить трудно. Глазу тяжелее всего вид покойника; и цвета увядания, разложения и смерти без ошибки улавливаются во всем и всегда, спутать их с цветами рождения и расцвета невозможно.

«Стихии» — элементы мироздания через число у китайцев выражены как в аспекте величины, так и в аспекте чет / нечет. Величина числа символизирует или порождающую или формирующую роль каждой стихии в цикле перемен. Числа 1,2,3,4,5 — выражают смысл *порождения* на «Пути вещей», упорядочивающий принцип — ДАО. И китайские переводчики первую строчку Евангелия от Иоанна («В начале было Слово») перевели: «В начале был Путь (Дао)». Числа же 6,7,8,9,10 — выражают смысл «Благой являющей силы» - ДЭ, которая *формирует* вещи. Китайские Дао и Дэ это примерно тоже, что Божественный Путь и Благодать в христианстве.

Пять стихий, пересекаясь между Небом и Землей, выражаются через два числа каждая. Пять в двух «ипостасях» дает десять. То есть каждая стихия выражена через одно порождающее и одно формирующее число, причем в противоположных по четности и нечетности аспектах. Нечетность числа символизирует небесный толкающий аспект стихии, а четность — земной вбирающий аспект.

Так, Вода — 1 и 6. Почва — 5 и 10. Дерево — 3 и 8. Металл — 4 и 9. Огонь — 2 и 7.

Нечет — свойство небесного. Небесные *сферы* не кратны, не делятся пополам без остатка, упираются в относящееся к кругу бесконечное иррациональное число  $\pi$  (3,14159265).

А у человека, находящегося между небом и землей, небесный нечет связан с остающимся в неделимом остатке чувственным началом, с «сердцем», с волей и верой. Чет же свойство земного квадрата (сторон света и времен года четыре). У человека чет связан с началом рациональным, с возможностью сопоставить две противоположности, с умом и страхом.

Теперь, если представить вечность как непрерывную линию в форме замкнутого круга, то Создатель все одно должен был бы «поставить циркуль» и чертить круги вечности от какой-то начальной точки. Это начало времени и пространства у китайцев соотнесено со стихией Воды. То

же и у евреев в Завете: «Вначале Дух Божий носился над водой» (Быт. 1:1,2).

Вода (черное, север) в первом круге перемен соотносена с «1». «1» — нечет, то есть неделимая пополам небесная непрерывность, относится к Пути вещей «Дао», единица порождает.

Воду сразу же формирует желтая Почва (суша), соотношенная с «10». Преодолевая воду первый раз, почва выступает как Благая сила «Дэ» в четном земном аспекте стихии. Десятку в китайских цифрах выражает прямой крест «+» и это предел Пути числа от прямой черты «-», как символа единицы.

Почву преодолевает Дерево в животворящем, порождающем движение числе «3».

Троица — это «Путь и истина и жизнь», как сказал сам воплотившийся Бог — Слово (Ин. 14:6); это нечет, синяя высота Неба.

Порожденное Троицей формирует «Благая сила» Металла с числом «9», развитие продолжается и доводится до завершенности. Нечетный небесный аспект определяет чувственное начало этого отрезка в цикле перемен, а белый цвет — триумф Духа.

Однако Огонь преодолевает Металл. Красное побеждает белое. Порожденное Троицей продолжает формировать пламя с числом «Благой силы» Вседержителя — «7». Опять небесный нечет, выталкивание, иррациональный надприродный смысл, устанавливающий небесный порядок на земле.

Этапы цикла с нечетными числами «3», «9», «7» — это долгий период «царства веры».

Первый цикл перемен завершает опять Вода, но теперь не с порождающим, а с формирующим числом «6». Теперь это земной чет, черный хаос безверия, голый рационализм, страх и смерть. Круг замкнулся. Напомню, будучи развернутым на плоскость, цикл примет форму синусоидальной волны «S».

Волна имеет три измерения: амплитуду, частоту и фазу. Принципиально то, что следующий цикл идет у ки-

тайцев в противофазе. Теперь после точки фазового перехода стихии выражаются через свое второе число с противоположной четностью. Меняется и основной цвет стихии, появляются цвета второго порядка: Желтый цвет почвы с переходом из чета «10» в нечет «5» смешивается с синевой Неба и становится Зеленым. Синий цвет Деревя с переходом из небесного нечета «3» в земной чет «8» становится Лазурным. Белый цвет Металла с переходом из небесной «9» в земную «4» приобретает блеск монет — сребреников. А Красный цвет Огня с переходом из небесного нечета «7» в земной чет «2» становится Пурпурным.

Новый цикл бытия порождает Почва с числом Пути вещей «5», то есть уже в небесном нечетном аспекте. Цвет стал зеленый (внешнее третье от суммы земного желтого с небесным синим в равной пропорции). Теперь это возврат к чувственному началу в человеке, к вере, к добру. Это обновление жизни, победа бессмертия, надежда на рост.

Новую жизнь, порожденную возвратом к Почве, формирует Дерево, Восток, с числом «Благой силы» — «8». Теперь это земной притягивающий и вбирающий в себя чет. Рациональное взращивание до созревания. Изобилие и процветание на основе интеллекта. От вбирания белого (8 это сугубое 4) синева становится лазорево-голубой, символизирующей правду, благочестие и милосердие.

Однако Запад одолевает Восток. Вновь приходит Металл, но с четным земным порождающим числом — «4». Побеждает богатство с мертвящим цветом лунного серебра.

Путь порождения продолжает стихия Огня с четным же земным притягивающим числом «2». Чистый разум побеждает веру, торжествует всесветная симметрия форм. Примешивается желтый оттенок почвы и воцаряется цвет «пурпурного заката», верховной власти Антихриста и ожидания.

И, наконец, пурпур гордыни быстро (по Писанию за 3,5 года) смиряется перед Создателем. Путь порождения вновь продолжает «1». В ней и космическая чернота Кон-



ца времен, и Страшный Суд Вседержителя, и тотальное возрождение Начала.

Этапы второго цикла с земными четными числами «8», «4», «2» — это короткий период «царства земного разума». То есть второй цикл проходит в противофазе к первому небесному, — суть две синусоиды циклов перемен выписывают математический символ бесконечности « $\infty$ », где пересечение — это точка фазового перехода. По Канону, красное преодолевается черным с фазовым переходом (пар хаоса конденсируется в жидкость в "точке росы", стихия воды сменяет стихию огня). А последовательность чисел такова:

«1», «10», «3», «9», «7», «6» — фазовый переход; «5», «8», «4», «2», «1». Всего перемен 11.

Длительность перемен в первом цикле больше, чем во втором. При развертке циклов в вертикальной проекции линия будет выписывать волну с уменьшением амплитуды (размаха) при увеличении частоты подъемов и падений (сжатию) в каждом следующем колебании ( ► ). А в горизонтальной проекции линия будет свертываться в закручивающуюся спираль наподобие пружины часового механизма (часовая пружина обычно и имеет 11 витков). Объемно же, в трех измерениях, фигуру перемен (Путь «Дао» как Модель Вселенной) можно представить как сходящуюся витками на конус морскую ракушку. Эта модель Пути Неба китайцами запечатлена в архитектуре: форму концентрических колец, собирающихся на конус, имеет знаменитый и единственный в Море «Храм Неба» в Пекине (15 век). Храм представляет из себя 11 колец: широкие белые в мраморном основании (1,10,3,9), красное в корпусе (7), синие в крышах (6,5,8,4,2), желтое в навершии (11). Путь к Небу как два цикла развертки с фазовым переходом в винтовых лестницах также представлен в Пагоде «Шести Гармоний» в Ханчжоу (четырёх сторон света, земли и неба). Последовательность перемен, свертывающаяся на конус, представлена и в тибетской ступе — «хранилище ламаистского учения» (основание, лестница, купол, ступенчатый шпиль, навершие).

Однако человек-то живет на Земле (!) и путь в мир, невидимый ему, не очевиден (хотя с возрастом ощущение сжатия каждого следующего годового круга по сравнению с годами юности все-таки есть). В силу неочевидности пути человека к небу вся остальная традиционная китайская архитектура в формах олицетворяет строгую земную симметрию.

Точка фазового перехода из цикла в цикл в неравновеликой «восьмерке бесконечности» пространственно находится в России, здесь соединяется Восток и Запад.

Если же теперь циклы перемен переложить на исторический Путь России в Море, то, опираясь исключительно на порядок смены цветов, получится следующая картина.

Период с 1917 по 1991 год, бесспорно, был окрашен в красный цвет. Красные в гражданской войне победили белых. То есть прошлое России, как централизованного православного государства, примерно от взятия Казани Царем православным Иваном Грозным в 1552 году и до победы красных в 1917 году было белым. Еще дальше в прошлое, период от II века по Рождеству Христову до взятия Казани, у разных народов, населявших территорию России, характеризовался становлением веры: православия у славян, ислама у татар и других тюрков, буддизма у народов монгольского корня (калмыки, буряты, тува). Здесь был цвет Небесной веры — синий. Дальше назад к временам потопа был период религий Солнца — тенгрианства, зороастризма, египетского «Ра» — цвет желтый. А от сотворения мира до потопа господствовал черный цвет воды.

Примерно так же можно соотнести с цветом и сжимающиеся в длительности общественно-исторические формации исторического материализма: первобытное общество было черным, рабство 25 веков до нашей эры — желтым, феодализм в 3 — 16 веках с голубой кровью аристократии — синим, капитализм три века (XVII-XIX вв.) — металлически белым, 20 век социализма — красным.

На этом этапе индустриализация, как первая стадия всемирной глобализации, достигает пика своего развития,

по крайней мере в десятке ведущих стран мира. История человечества именно в этот период начинает невиданное когда-либо до этого тотальное и угрожающее ускорение.

Далее идет не прописанный классиками фазовый переход.

Возвратимся в наши дни. К концу XX века красная земная вера пропала и красная империя СССР рухнула. Победил черный цвет хаоса, полного безверия, распада, утраты стыда и совести, потери меры вещей, разлада и распрей. Так вот, если в России черное (число 6) победило красное (число 7), господствует вот уже 15 лет, и фазовый переход еще не завершился, то в Китае черное было пройдено очень быстро и фазовый переход уже произошел летом 1989 года с кульминацией в потоках крови на пл. Тяньаньмэнь в Пекине. "Горбачевизация" Китая не состоялась. «Социализм с китайской спецификой» Дэн Сяопина — это и есть возврат Китая из красного цвета социализма на родную желтую почву «китайской специфики» (число 5). И империя, внешне сохраняя красный флаг, уже тогда перешла от борьбы к гармонизации общества, приобрела оранжевый цвет достоинства. Когда же в 2001 году в Китае была озвучена теория «трех представительства» Руководящего клана под названием КПК, тогда и произошла официальная перемена идеологии в направлении от красного цвета борьбы к зеленому цвету гармонии богатых, умных и всего народа, цвету «нефритового совершенства». В связке трех сил активные — это богатые и умные, а народ пассивен, но именно он и выигрывает, так как связка трех сил переворачивается в пользу демпфера поглощения энергии, выделяющейся от деятельности активных.

Коммунистическая династия в Китае теперь остается красной только на словах, власть же сохраняется за нынешними кланами уже без всякого идеологического коммунизма, но и без слома строя, как это произошло в СССР. А удержание власти происходит по пути гармонизации противоречий через укрепление межклановых связей, примерно так, как в начале Минской династии. Когда

же начинались китайские реформы 20 лет назад, ВСЕ видные предприниматели были членами КПК, деньги на старт они получили от государства именем КПК, бизнес разворачивали под прикрытием власти и с ее помощью. А когда партия официально разрешила прием частных предпринимателей, сто тысяч богатеев ринулись в ряды не за красной идеей, а за связями с властью через партию. Так на деле в Китае проводится гармонизация прежней борьбы труда и капитала. А борьба противоположностей личного и общественного в китайском обществе гармонируется через обращение умных к образам Земной веры. В 1999 — 2000 году китайцы с упоением смотрели многосерийный телевизионный фильм «Павел Корчагин», снятый по роману Н. Островского, после чего сам роман расходуется в Китае тиражом по 70 миллионов в год.

Если же вспомнить, что ныне происходит смена космической эпохи Рыб на эпоху Водолея, а кольца периодов в цикле перемен сжимаются, то перемена черного цвета хаоса безверия на зеленый цвет гармонии на находящемся в нечете Востоке состоится еще при жизни нынешнего поколения народов России. Запад же в своем четном рационализме, окончательно теряя веру, вступил в полосу регресса.

В западных «знаках Зодиака» Водолей — это мифический «земноводный» образ, что совпадает с китайским переходом от стихии воды к стихии почвы. Географически этот знак соотнесен как раз с Россией (Валдаем, Уралом, Алтаем). С древних времен эти территории, как и народы, их населяющие, в преданиях были связаны с созвездием Водолея, астрологическое значение которого — разделение света и тьмы, истинного от ложного, живого от мертвого. В 2003 году заканчивается 2160-летняя космическая эпоха Рыб, начавшаяся в 157 году до Р.Х. Завершается эпоха созидания, знаний и заблуждений с «местом приложения силы» в районе Аравии, Египта, Палестины.

После 2003 года начнется следующая космическая эпоха Водолея, которая должна быть ознаменована переменной разума — от созидания вещей к пониманию гармо-

нии бытия. Космическое откровение которой (а мудрость — это божественное око духа, вглядывающееся за покров противопоставлений и сомнений знания) предрекается через «энергетические ворота» России, ибо здесь на севере планеты расположен мистический «мозг мира», питаемый кислородом сибирской тайги (ось истории по-китайски проходит со склонением от Томской тайги через Алтай, Монголию, Китай, Юго-Восточную Азию на Австралию). Вообще Водолей, как и Россия, характеризуется всякими неожиданностями. Уран, управляющий этим созвездием, — это молния, удар которой невозможно ни предсказать, ни куда-то направить. То есть перемена сознания от борьбы противоположностей к гармонии произойдет неожиданно и мгновенно.

Что же до глобализации в ракурсе нынешнего витка перемен с фазовым переходом, то картина действия Канона трех сил выглядит так. После того, как борьба советского блока во главе с СССР с атлантическим блоком во главе с США вытянула Запад к 1991 году на пик триумфа, США потеряли достойного противника. Борьба противоположностей сменилась покоем, и в обществе «золотого миллиарда» начали нарастать экономические проблемы, приведшие его к системному кризису. Для удержания своего положения безусловного лидерства от краха (чтобы обеспечить хотя бы плавный спуск с пика триумфа) Запад в 2002 году назначил нового врага: международный терроризм с мусульманским лицом (Афганистан, Иран, Ирак). Объявил в соответствии с Заветом: «кто не с нами, тот против нас» — и начал полномасштабную войну.

В связке же трех сил происходило следующее. Китай, как демпфер поглощения активности борьбы СССР и США, вобрал в себя потоки капитала с Запада, высокие и военные технологии из России и на них поднялся. Китай и дальше, оставаясь пассивной третьей силой, будет подниматься в новой связке трех сил, наращиваясь от активного противостояния Запада с исламским миром. Однако с ростом совокупной мощи Китая связка сил проворачива-

вается дальше в пользу Китая, и он выходит из тени в активное противоборство с Западом. Выигрывать в новом раскладе трех сил будет новая пассивная сила. Иными словами Россия будет выигрывать, если от активной роли союзника той или иной стороны противоборства перейдет в положение демпфера поглощения активного противостояния сначала США и мира ислама, а затем США и Китая. А для этого нужно объединиться со стоящим отдельно в исламском мире Ираном. С Ираном потому, что это реальный духовный полюс мусульманской веры, противостоящий искусственному ваххабизму, насажденному за деньги среди талибов в Афганистане и Пакистане, среди чечен в России, среди уйгуров в Китае. Потому, что Иран — это наиболее мощная из неугодных Западу исламских стран (одновременно не сильно связанная с Китаем). Объединяться для того, чтобы вместе с Ираном гасить активность исламского мира в противоборстве, разыгрываемом по сценарию Запада и архивыгодном Китаю.

Выдвижение же Китая на позицию активной мировой силы не опасно для России, ибо духовно Россия, обращенная лицом к Европе, и Китай, обращенный лицом в сторону Южных морей, стоят спина к спине. В таком положении жесткую борьбу друг с другом вести нельзя, и Россия для Китая в противоборстве с США выступает как глубокий стратегический тыл.

Переход же России к *стратегии отхода* от самостоятельной политико-экономической борьбы в тень сделает ее демпфером поглощения активности США и Китая. И тогда не эфемерный парник, так называемый «благоприятный инвестиционный климат», а трезвый расчет приведут в Россию — страну интеллектуальных и природных ресурсов — и технологии Запада, и заказы Китая, и капитал от обеих сторон, которые станут *«покупать»* благосклонность России к себе в том противостоянии, которое будет неизбежно нарастать между ними.

При этом отход, как ускользание от неизбежных потерь борьбы, не надо путать ни с отступлением, ни с бегством, ни с «ропуском рати». "Спасение же России" от

развала и гибели государства, — это не цель, а ближайшая задача. Поскольку в формуле «Спасения» (выживания) цели опять нет, нет и мобилизующего "сердца" граждан импульса. Здесь есть лозунги, и нет сходящихся в одну точку в круге стратегий действий. А цель, если ее попытаться представить зрительно, не бывает ни квадратной, ни треугольной, никакой другой, кроме как точкой внутри круга, дающей в перспективе сходение на конус «светлого будущего», «света в конце тоннеля», «звезды надежды».

И не из-за отсутствия пресловутой национальной идеи, но именно из-за отсутствия цели в России происходит полный разброд в конкретных вещах и максимально широкие обобщения в лозунгах типа: выберете нас — и "жить станет лучше и веселей".

У Запада есть доктрина глобализма. Поэтому есть и стратегии выводящие на последовательное решение задач одна за другой, есть направление действий, и известно, каков должен быть результат при приходе в точку цели. У китайцев есть доктрина перемен и прописаны параметры достижения цели в 2049 году. У России доктрины пока нет, цели нет, задачи есть, но даже ближайшая задача не прописана как план, не обозначена на карте жизни ни точкой, ни рубежом, ни датой, — только размытый лозунг. Почему так произошло? Потому, что доктрина коммунизма после провала выполнения ближайшей задачи (программы XXII съезда КПСС) развалилась. Новую доктрину наши партийцы не придумали и заимствовали "чужебесие" (Дэн Сяопин — придумал возврат к национальной традиции в формуле «социализма с китайской спецификой»).

Без доктрины не бывает стратегии, и все программы власти и капитала в нынешней России поэтому противоречивы и не концентрируются на одну цель (точку в круге). Только цель мобилизует волю людей к действию, поэтому не поиск национальной идеи, а назначение цели есть первейшая задача власти. Кому суждено быть повешенным, не утонет, но мучения непричастных — слишком большая цена за незнание.

Открытый китайцами цикл перемен через цвет непротиворечиво сопрягается и с догматами Завета иудеев, и со Святым писанием христиан, и с Откровением Корана.

Если известно, что черное будет преодолено зеленым, то цена перехода для народов России будет тем меньше, чем глубже будет осознание закономерности этого перехода.

А зеленое у православных — это цвет Святой Троицы, у мусульман — священный цвет Пророка, в буддизме — цвет жизни, а у иудеев в Каббале — цвет победы. И все эти символы сопрягаются в России.

То есть возврат России из хаоса на «родную почву» будет переходом из жесткого беспощадного черного времени разлада к стабильности в гармонии «золотого сечения» (68%/32%). Переходом от черной зависти и черной нищеты к «изумрудному престолу» гармонии с самим собой и с обществом. От богатства и излишеств для избранных к скромному достатку для всех. От грубости денежного расчета к соразмерности служения долгу «не за страх, а за совесть» с достойным вознаграждением. К возрождению души через благие деяния и духовное просвещение, к славе за «золотые руки» и «золотую голову» как мере достоинства человека в обществе, а через них к ощущению равенства людей по духу, взаимной нужности и родства.

Иными словами, во времени, воспринимаемом как цикл, уходящая вдаль и вверх цель лучшей жизни на нынешнем переходе будет не впереди, не в «воле к смерти» (а смерть есть самое близкое), а как бы сзади в возврате к корням, к памяти предков, на почву не разума, но веры. Причем небесной веры, но в точном отражении на земле, как справедливой жизни (смысл числа 5).

Той чистой небесной синевы, которая была в «старой вере» до раскола истинного православия реформами патриарха Никона. Правкой Книг и равнением на греков, вступивших в Унию, Никон плюнул в самую душу русского народа. Никон развалил святая святых русского Православия — Святую Русь как последний на земле оплот ис-



тинной веры, коим «лукавые греци» не пример. Веру через живое устное слово и практику общей жизни. А также чистой веры солнца, которая была до принятия на Руси христианства (синее с желтым и есть зеленое).

Символом же периода гармонизации сознания будет зеленый цвет земной равноудаленности от синевы небес и красноты ада и прямой золотой крест (как до раскола) превращения тьмы умирающего месяца в восход Солнца.

Россия — это страна «под покровом Богородицы», где нет земной матери (ни православная церковь, ни коммунистическая партия с этой ролью не справились), где на земле всегда только суровый отец (глава государства). И поэтому только он один, зная перспективу, в силах через власть гармонизировать активность советских ветеранов и «новых русских» с пассивностью народа; сшивать ислам с православием и с наукой; соединять рынок и с планом и с естественными монополиями.

А узнавая и веря, наращивая разум и душу, человек гармонизирует сознание, и в гармонии к нему сразу приходит радость жизни.

В эпоху мировых угроз и вызовов ничего другого, кроме упорядоченного отхода, не остается.

## СТРАТЕГИЯ ОТХОДА

*Опора на традицию — исходное положение для отхода.*

Отход — самый сложный вид действий военного искусства, но России перед лицом мировых угроз и вызовов ничего другого, кроме упорядоченного отхода, не остается.

Наступление «демократов» от политических и экономических развалин советского строя к «процветанию в общеевропейском доме» принесло большие деньги лишь «лично годным» делать деньги. При этом были израсходованы государственные резервы, накопленные плановым народным хозяйством, и в масштабе страны оно выдохлось в бедности народа. Нынешнее же расширение

фронта обороны от напастей на всех направлениях противостояния и борьбы за государственные интересы России не обеспечено ни силами, ни средствами.

Очевидно и несомненно, что в вещественном земном мире все и вся делится на два, всему есть противоположность. Начиная с того, что люди делятся на мужчин — и женщин, планета имеет два полюса: северный и южный и, кончая тем, что «плюс» и «минус» образуют электрическую цепь. Следовательно, правильный диагноз расклада сил, точное позиционирование России в современном мире — есть залог мудрых решений политиков в применении власти ради удержания всей властной конструкции многонационального российского государства.

Главной тенденцией в нынешнем мире, без сомнения, выступает процесс сведения многообразия к единому, названный глобализацией. По форме этот процесс есть присвоение капиталом (в лице транснациональных корпораций) функций субъектов международного права, ранее свойственных только исторически сложившимся национальным государствам. «Новый мировой порядок» предполагает иную глобальную структуру управления всемирного воспроизводства. «Суверенные государства с их границами и несогласованными законами, межнациональными конфликтами и войнами мешают свободной торговле, а значит — мешают процветанию и прогрессу. Долой государственный суверенитет! Да здравствует власть международных менеджеров и банкиров, а не национальных политиков!» — таковы главные лозунги узкого круга действительных новых финансовых хозяев мира.

Естественной противоположностью этому процессу выступает национальная традиция. В терминологии глобалистов — «старомодная» приверженность ценностям национальной независимости, культурной самобытности и исторической преемственности.

Иными словами, умозрительные построения «однополярного мира» для человечества — это фикция, фата-моргана, ибо полюсов в природе всегда два. Об олицетворении полюса глобализации и полюса традиции в мире людей — чуть ниже.

В истории России все нависавшие над ее суверенитетом мировые угрозы, при переходе в фазу осуществления в виде применения военной силы, начинались с отступления. Обе отечественные войны — и с французами в начале XIX века и с германцами в середине XX века — начинались именно с отступления. Третья отечественная война в условиях ядерного сдерживания применения собственно военной силы протекает в форме финансово-экономической экспансии. Для народов России, вступившей в XXI век, она уже началась.

В терминологии военного искусства Россия сейчас ведет маневренную экономическую оборону с бесперспективными попытками контратаковать по оперативным планам либеральной «программы Г.Грефа», проходящими на фоне призывов оппозиции занять глухую круговую оборону экономического протекционизма.

При этом все серьезные экономисты дружно делают неутешительные расчеты надвигающегося уже в 2003-2005 годах развала этого фронта обороны. Развала, за которым последуют дезинтеграция страны и ее полная экономическая оккупация транснациональными корпорациями с установлением для народов России режима наподобие «лагерей для пленных» с ограниченным местным самоуправлением во главе с туземными олигархами.

Однако в истории России именно на пике угрозы полной потери суверенитета, после сдачи спяленной Москвы Наполеону в 1812 году и от стен Москвы в 1941 году, начиналось стратегическое контрнаступление, завершившееся триумфом взятия Парижа и Берлина.

И сейчас в условиях финансово-экономической войны с опорой на информационные и высокие технологии унывать не стоит. Перед нынешней российской знатью есть пример Кутузова, мастерски организовавшего отход с последующим уклонением от любых масштабных столкновений в ситуации, когда победить вторгшегося в Россию Наполеона в прямом противоборстве было заведомо невозможно. И сейчас при финансово-экономическом наступлении глобализма на суверенитет России, при

безудержном военно-политическом расширении НАТО на Восток российская власть была бы конгениальной, если бы применила кутузовскую стратегию отхода как вид своих действий на ближайшую обозримую перспективу. Ну а для того, чтобы ответить на вопрос, что делать властям потом, после предусмотренного планом упорядоченного отхода (но отнюдь не беспорядочного отступления и «сдачи в плен» глобалистам после неминуемого развала фронта нынешней обороны) следует вернуться к позиционированию России в борьбе противоположностей глобализации и традиции.

С точки зрения «науки побеждать», стратегия отхода для народов ослабевшей и униженной России должна за исходное положение принять опору на традицию (прежде всего православную и исламскую, как содержащие коллективистскую мотивацию для народов). Не на идею развития и прогресса, но на смысл традиции потому, что массы людей в толпе, равно как и вожди, оценивающие обстановку, принимают решение все-таки не умом, а сердцем. Не эквилибристика ума, но только воля мобилизует людей к победе. Не доводы рассудка, не абстрактная национальная идея, от ума греющая чувство, но лишь интуитивное, бессознательное, нерасчлененное рассудком ощущение достойной цели чудесным образом мобилизует колеблющуюся волю, заставляет принимать трудные решения исходя из перспективы, оправдывает усилия и жертвы на преодоление тягот и лишений, поднимает боевой дух. Всем великим полководцам было очевидно, что победа на три четверти зависит от состояния духа войск, воли и военного искусства военачальников и лишь на четверть от вооружения и материально-технического обеспечения. Позиционировав ныне финансово бедную Россию (вследствие успеха за духом) на стороне традиции, не обойтись без оценки: кто наши враги и кто наши союзники.

В истории человечества есть только два одинаково древних Великих народа, которые могут гордиться причастностью к первоначалам двух совершенно противополо-

ложных стандартов мышления. Поэтому другим народам при оценках не избежать выбора между этими двумя стандартами.

Так, приняв за базис традиции дух, следует, что его противоположностью выступает рационализм. Именно рационализм движет процессами глобализации. А вершину рационализма в истории человечества всегда занимал и занимает «избранный народ». Именно находящийся в рассеянии по странам Запада еврейский народ со стандартами мышления, закрепленными в написанном на древнееврейском языке Ветхом Завете, занимает полюс мирового рационализма. А Каббала, как алгебра мысли для понимания и толкования закона, составляет ключ к своду всего западного предания. Рационализм четен: первый знак имени и числа у евреев «Алеф» — это нулевой аркан Таро, и рассматривается он, как сумма четырех стихий, взаимно противоположных попарно. «Алеф» у евреев: «закон, устанавливающий *равновесие* между чашей правоты и чашей виновности» (то есть синтез тезиса и антитезы).

Противоположностью рационализму евреев в рассеянии с ветхозаветной системой координат рассудка, его мировым антиподом выступает монолит китайской нации, с такой же древней системой координат изложенной иероглифическими символами в мистическом эквиваленте Каббалы — китайской классической «Книге перемен» (первооснова мистического — неделимый пополам нечет). Никакой третьей равной по значению для судеб человеческой цивилизации системы координат для стандартов мышления нет.

И тем, что своя «КНИГА НАЧАЛ» есть только у евреев и у китайцев, объясняется и вся гамма антисемитских и антикитайских чувств, порой возникающих у людей из других народов.

Смысл, выраженный через идею числа, может быть либо в аспекте чет (рационализм ума, диалектика), либо нечет (мистика воли, метафизика). Примечательно, что у евреев и китайцев в традиции противоположны лишь

стандарты мышления: качества человека. Пространство же и время для человека, что удивительно, символически выражены в Каббале совершенно так же, как у китайцев: пространство Вселенной — это *дракон*, играющий *шаром* летосчисления. Совпадает и гамма переходов пяти цветов.

Смыслы же вообще в обществе закодированы знаками слов, чисел, музыкальных тонов и генами. Опуская малопонятные для неспециалистов механизмы генной инженерии, математики и музыки, остановимся на знакомом всем социокодировании языками слов. Примечательно, что таких кодов по макротипу больше, чем два. И именно здесь скрыта первооснова расширения дуальной цивилизационной противоположности в связку трех сил.

В стандарте мышления западного рационализма мир — это «великая шахматная доска» сражений двух: белых против черных. У китайцев же другая игра: они сидят за «карточным столом истории», где в игре четыре масти и джокер. Рас и групп крови у людей на планете тоже четыре. И по парадигме грамматики все языки народов мира распределяются по четырем типам.

Приземленный рационализм в сознании ныне закодирован рациональным же новоанглийским языком с грамматическими значениями, отделенными в область порядка слов, с логикой «взаимодействия», «причинности» и навязыванием малопонятных для иностранцев смыслов в языковых универсалиях типа «миллениум».

Символизм в сознании с ореолом значений закодирован изолирующим китайским языком. Через громадную избыточность кода — иероглифическое письмо, способ мышления жителей Поднебесной (движения от наличного к новому) закрыт для большинства иностранцев. Вообще, чтобы досконально понимать китайцев — нужно родиться китайцем.

Агглютинативные языки монгольско-тюркского истока со смыслами в монолитах корней и четкими изменениями грамматических значений через нанизывание аффиксов укрепляют мистику в сознании (иррациональную предопределенность основы вещей).

Флективные же языки других народов с богатством логических выражений через грамматические значения, привязанные к окончаниям знаменательных слов, удобны для соединения рационального и символического, преодоления разрыва между «землей материи» и «небом духа». Примечательно, что главным языком сбережения смыслов Нового Завета в православии выступает флективный древнегреческий (с творением мира по слову — логосу), а затем, после раскола с латинствующими, флективными же старославянским и русским языками. И недаром незадолго до смерти вождь Советской империи И.В.Сталин, на вершине величия победы, обратился к вроде бы странной для страны теме «Марксизм и вопросы языкознания».

Так или иначе, именно система координат (стандарты мышления), повсеместно задаваемая миру Западом, европоцентристский понятийный аппарат, вдребезги разбиваются о Великую стену китайских символов, неподвластную аргументам «международного права», «общечеловеческих ценностей», «универсального денежного расчета». В китайском стандарте мышления традиция есть высшее достижение цивилизации, а западный прогресс — развитая дикость, которой удобно пользоваться примерно так, как вторым языком.

Таким образом, противоположностью глобализму, как системе обеспечения высочайшего уровня жизни населения стран «золотого миллиарда», противостоит опирающийся на конфуцианскую традицию полуторамиллиардный Большой Китай (с Гонконгом, Макао, Тайванем, Сингапуром и китайской диаспорой в странах Азиатско-Тихоокеанского региона).

*Китайская доктрина поглощения в связке трех сил — основа замысла.*

Может быть, на первый взгляд это будет выглядеть парадоксально, но Ветер с Востока действительно одолевает Ветер с Запада, и угроза физического китайского на-

шества для сохранения на генетическом уровне национально-культурной специфики народов России куда опаснее западного влияния на умы. Западные ценности при переборе всегда отторгались без особого ущерба для психического склада народов России, другое дело «голос крови», ведь при любом смешении с китайской кровью всегда рождается китаец, и китайская цивилизация за свою историю ассимилировала все народы, входившие с ней в тесное соприкосновение (включая еврейские общины). Тем не менее в противовес западному глобализму в союзники для России остается лишь китайская традиция. Она и по всем статьям ближе народам России, ибо несокрушимая в испытаниях основа конструкции российской государственности всегда была именно в том, что гениальный Александр Блок характеризовал как дух обитателей незащищенных русских равнин: «да, скифы — мы, да, азиаты — мы,— с раскосыми и жадными очами».

Так или иначе, в прямом противостоянии один на один, в раскладке векторов сил, как в классической греко-римской борьбе, ослабшей России не выиграть, не выдержать лобового натиска глобализации. В логике же восточных единоборств, в том числе дзюдо, которым владеет нынешний Президент России В.В.Путин, для того, чтобы выиграть, следует поддаться, вывернуть вектор силы противника (не поступательным, но вращательным движением) в безопасное или даже выгодное для себя направление. Иными словами, в категориях Книги перемен, *поддаться глобализму и есть суть стратегии отхода!*

Далее, беря на вооружение китайскую доктрину поглощения: «удержания и вбирания в себя», доктрину перемен в связке трех сил, где одна пассивная позиция перетягивает две активные, Россия обретет и замысел отхода. Отхода, как вынужденных действий для перехвата инициативы на пути к новой победе России не на прямой западного прогресса, но в цикле истории всего человечества.

Корень китайской доктрины поглощения кроется в том, что после разделения всего и вся на два китайцы находят третье (как бы внешнее к внутренней противопо-



ложности двух сторон), тогда как европейцы исключают третье (все в мире имеет свою противоположность, а третий лишний, третьего не дано). По-китайски, единое неизменно раздваивается, но перемены следуют через сочетание не двух, а трех сил. При этом по закону, изложенному в Книге перемен, реактивный потенциал переворачивает связку трех сил в свою пользу под давлением «вражьей силы» за счет умаления силы менее опасного партнера. С позиции практики, подтверждением этой логики может служить «Теория председателя Мао Цзэдуна о делении мира на три части», объявленная в Китае с подачи Дэн Сяопина «величайшим вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма». И действительно, Китай, воздействуя бездействием, из «третьего мира» зримо перешел на позицию полюса активной силы в связке трех сил, именно как «демпфер поглощения» главным образом ресурсов распада СССР, проигравшего противоборство США в «холодной войне».

За 20 лет Китай затащил к себе почти 500 миллиардов долларов иностранного капитала, в то время, как примерно такой же объем капитала ушел из России.

Да, разумом человек опирается на диалектику противоположностей, но сердцу-то любезна божественная мистика триединого. У русских «Бог любит троицу».

В отношении России, ее политико-экономический отход «во глубину сибирских руд» под давлением глобализма с Атлантики, равно как и его антипода — Китая с Тихого океана, следует делать с упором на противопоставление и борьбу стран «золотого миллиарда» и Большого Китая, памятуя формулу: «враг моего врага — мой друг» (связка трех сил по Мао: мы сами, наши враги и наши союзники). В силу этой формулы замысел отхода состоит в том, что Россия выигрывает и сохраняет свой суверенитет от глобализма по-американски за счет активности своего стратегического партнера на XXI век — Китая, его стабильно растущей совокупной мощи и его расширяющегося рынка. Ведь Китай уже объявлен в США главным противником. Так зачем же России в ее нынешнем бедст-

венном положении «продолжать надувать щеки величия бывшей второй сверхдержавы» и тем самым мешать схватке интересов главных сил в новом раскладе рациональной «борьбы противоположностей».

*Обмен пространства на время —  
суть оперативного плана*

Конечно, начиная отход, российской власти будет трудно признаться перед народом, что сил ни на что другое больше нет. Такое признание будет оскорбительно для патриотического самосознания, готового держать оборону до последней капли крови. Оно будет неприятно и неприемлемо также и в ракурсе демократической популярности на выборах, с «пряниками» обещаний «электорату» быстро исправить дело лихим реформистским наскоком. Но только отход, осознанный как последний шанс сохранения единого государства, способен дать ясное понимание политико-экономического курса дезориентированным народам России. А в категориях экономики отход означает и дальнейшее открытие российского рынка для иностранного капитала, и продажу земли иностранцам и упор на вывоз сырьевых ресурсов, но и на одновременное затягивание режима глобализма на территорию России.

Иностранный капитал масштабно в Россию, конечно, не придет, но без элементов оккупационной власти «нового мирового порядка» на территории России (а это в первую очередь передовые технологии) глобалистской закулисе не обойтись. Ведь за исключением военных технологий, Россия в нефтепереработке, производстве и обработке металлов, лесной промышленности, по большому счету, все еще пользуется вконец устаревшими технологиями, полученными чуть ли не по репарациям от поверженной в 1945 году Германии.

Однако не трудно предсказать и финал: на холодных российских просторах в богатых ресурсами болотах Севера и на засушливых черноземах Юга, свободный рынок глобализации истощится затратами и сломается, огром-

ные издержки на длинную зиму и громадные сухопутные расстояния приведут режим транснациональных корпораций (ТНК) в России к разложению и мародерству. Побросав построенную для извлечения ресурсов инфраструктуру, измотанный борьбой с российской спецификой западный глобалист оставит вместо себя наместников из аборигенов, а сам уйдет из России. Ведь давно и метко подмечено: «Что русскому здорово, то немцу — смерть!».

А русскому здорово, когда нет железного порядка и можно воровать. Русским для довольства жизнью мороз не помеха, а радость. Русская душа поет на просторе. Для свободного же рынка без границ названное смертельно. Ну а две извечные российские напасти — дураки и дороги — dokonают режим транснациональных корпораций, который будут одолевая удары и русского авось, и повсеместного воровства и пьянства, и саботажа ленивой и не чистой на руку местной российской бюрократии, и такого самого грозного для свободного рынка врага, как «генерал мороз», длинной русской зимы — спасительницы от иноземных нашествий.

Самое интересное в том, что в силу своего нынешнего ущербного состояния, что бы ни решили российские власти, даже искренне подыгрывая Западу, на практике все равно получится именно профанация и фарс.

Но и от того, чтобы нами кто-то активно злоупотребил, — тоже надо всячески увиливать. Одной надежды на склонность русских к пьянству, разгильдяйству, самоуправству и вороватости — маловато, нужна еще и осознанная тактика, включая продуманную риторику СМИ, заходы законодательной и действия исполнительной власти. В тактике действий на отходе нужно активно противостоять злу и обязательно выигрывать по всем принципиальным вопросам. Выигрывать морально, сохраняя и накапливая интеллектуальный и моральный потенциал общества, шаг за шагом превращая свою трагедию в фарс.

Теперь, наконец, следует обозначить примерный оперативный план действий властей, после того как вторжение глобализма будет измотано неделанием и уклонениями от решения насущных вопросов ТНК на федераль-

ном уровне, извечным недоверием ко всему внешнему и опорой только на свой разум «национальных хозяйствующих субъектов», а главное самой природой вкупе с «партизанскими действиями» местного населения, которое «может быть и святым, но честным быть не хочет».

Здесь придется еще раз сослаться на авторитет мудрых. Фраза Ф.Тютчева « в Россию можно только верить!» не вызывает больших споров.

Так вот вера — это категория *времени*. Ибо вера есть совершенное согласие ума с неизбежными выводами науки (прежде всего математики) в части бесконечного. Для единого многонационального порыва нужна общегосударственная цель и надконфессиональная вера. Такая цель и такая вера была в Советской империи. Советский народ в дерзновенном порыве объединяла мистика времени марксизма. В соответствии с теорией исторического материализма, победить должен коммунизм, как категория неизбежно надвигающаяся именно во времени (другое дело — негодные средства «научного социализма»). Теперь же на смену историческому материализму Кремлем взята доктрина геополитики — по сути, тупик ограниченного земного пространства, где вере места нет! Геополитика — это обслуживающая именно глобализм игра ума в категории пространства и только! Именно здесь слабое место доктрины глобалистов.

Итак, для ясности перспективы, для обозначения цели вне территории веру опять нужно связать со временем. На практике же это будет иметь такой смысл: вынужденный обмен экономического пространства России на время, необходимое для затягивания в Россию передовых технологий производства и консолидации духовных сил народа. Придется принять порядки «новой орды» с сырьевой данью «золотому миллиарду» в обмен на сбережение традиции, сбережение ресурсов и накопление духа государственной идеологии веры. Духа, который, чтобы объединять русского и татарина, еврея и бурята, должен заполнить в сердцах граждан своей Отчизны весь объем светской жизни между столпами церковной иерархии разных конфессий.

Рационализм — это программа, программу же можно запросто перепрограммировать верой. А рецепт общей веры для народов России давно выписан временем — это совесть и мудрость, державность знати и соборность народа, «равенство во грехе», целесообразность, неисчерпаемая идея «общего дела». Греющая душу гармония многих неравновеликих частей — русский социализм.

То есть нужно «сшивать» ислам с православием и «удерживать» раздраз всех других народов России, а также советских ветеранов и «новых русских» *гармонией православия*. В условиях демократии добиться этого нельзя. Демократия — это рационализм, борьба и, в конце концов, выбор из двух. Гармония же может быть только там, где есть Троица. На два гармонии нет. По закону Троицы живет православие, а там иерархия «царствия», в «царствии» же никакой демократии нет «и последние будут первыми» не через выборы и денежный расчет, а по стяжанию Духа. Поэтому гармонизировать, наладить жизнь в России можно с опорой на веру по традиционной для России схеме аристократии духа: «идеология веры — знать — народ». При Царе: «православие — самодержавие — народность»; при красных: «марксизм-ленинизм — номенклатура — массы».

Для того же, чтобы российской власти поднять этот флаг гармонии, флаг надежды на лучшую жизнь в радости от жизни, не нужно денег, не нужно соблазнов, не нужно хитросплетений и доказательств от ума. Для того чтобы поднять этот флаг совести и справедливости, нужно простое усилие воли, то есть подвиг аристократии духа. А как только флаг надежды будет поднят, под него встанут массы людей, ведь обездоленных в России и во всем мире большинство.

### *Цель как срок*

Если для успешного отхода веру нужно опять связать со временем, то цель маневра, нужно обозначить как срок. Срок, необходимый для восстановления государственного величия России в глазах врагов и союзников.

Восстановления самоуважения, достоинства граждан России с опорой на личную честь, а не на зависимость от решения суда или еще хуже — международных менеджеров наших несчастий. Установка на жизнь как «только миг между прошлым и будущим» должна быть заменена на долгосрочность личных устремлений с рубежами наследования потомкам. Эту цель можно соотнести с минимальным сроком в одно поколение. Когда в 60-х годах советская власть объявила народу: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», для проекта была взята именно библейская единица отсчета истории — одно поколение. И теперь за веку обретения народом чувства достойной жизни властям нужно назначить эту меру истории — одно поколение. То есть срок завершения восходящего маневра выйдет примерно к 2020 году.

За это время три вместе живущих поколения (дедов, отцов и сынов) так или иначе пройдут дорогой душевных мук от уязвления достоинства и отчаяния от сдачи национальных позиций монстрам ТНК. На основе мученического подвига аристократии духа не во имя денег или власти, но во имя славы, славы непоколебимого исповедания веры в грядущее установление в стране царства справедливости и достатка для детей и внуков, произойдет консолидация общества. Консолидация разрозненных личностей разных национальностей России в противоборстве обидной несправедливости и собственной бесперспективности, насаждаемой международными менеджерами в форме «нового порядка на века».

Экономической же основой для возрождения величия России будут ее богатые природные ресурсы. Соединение веры в умах людей с опорой на достаточные природные ресурсы у них под ногами обеспечит контрудар — тогда, когда поставленная государством цель будет принята сердцами. А потому в «боевом порядке войск» главными министерствами Правительства отхода должны стать ныне второстепенные Министерство просвещения и Министерство природных ресурсов с ключами, у первого — к умам нового поколения, у второго — к кладовой запасов.

На 20 лет нужен генеральный государственный план сбережения и накопления людских и природных ресурсов. С нынешними же детальными бюджетами лишь на один следующий год вообще никакой стратегии не выстроить. Ведение «отечественной войны» против финансово-экономической экспансии на деньги бюджета — это вообще абсурд и заведомое поражение.

Что же до военного противостояния с противниками, то на финансово-экономическом отходе нужно отбиваться от навязываемых Западом расходов в ответ на их «стратегические оборонные инициативы» по противоракетной обороне, уклоняться от гонки вооружений современной электронной войны. Имеющихся средств ядерного сдерживания в России достаточно (ядерная угроза успешно нагоняет страх именно и только как потенциал). В силу конечной жизненной ущербности результатов осуществления этой угрозы в виде стойкой отравы среды обитания и необратимых изменений на генетическом уровне от успешного применения ядерного оружия ощущается не победа, не ликование успехом, но подспудное опасение неизвестных, невидимых и непредсказуемых для себя последствий (яркий пример страха европейского масштаба дала чернобыльская авария). Тратиться же на поддержание мифа о России как все еще второй сверхдержаве мира на отходе не нужно. Пусть интересам потребления «золотого миллиарда» теперь противостоит Большой Китай.

России же в нынешнем раскладе трех сил не нужны истерические порывы былого величия, но нужна мерная поступь отхода, с затягиванием технологий, с заманиванием международной технической помощи, с уклонением от растраты сил на борьбу, отхода без жертв, с сохранением ресурсного потенциала своей державы, игнорируя китайско-американское противостояние.

Если же российская власть попытается сражаться и атаковать глобализм, то будет неминуемо разбита. Не победа (напор), но любовь (терпение) — вот путь к спасению отечества.

Россия, если посмотреть на карту мира — это «Азеопа». И в глазах Запада Россия — это «дремучий» Восток. Но от гордости «цивилизованной» еды ножом и вилкой, а не одной только ложкой или, тем более, палочками, для благозвучия и от желания присоединиться к «просвещенному» Западу, факт географии назван наоборот: «Евразия». Так или иначе, но в коде языка, как в коде генов, молодой относительно евреев и китайцев русской цивилизации (тысяча лет против пяти тысяч лет), никуда не деться от реальности. По согласию или втемную России придется играть и в координатах Завета на «великой шахматной доске» сражений двух: белых против черных — и в стандарте Книги перемен за «карточным столом истории», где в игре четыре масти и складываются связки трех сил. Так вот, именно в силу этого обстоятельства объективной данности русский и с китайцем и с евреем — братья навек!

Замечу, что в конце 20 века образ «великой шахматной доски» подарил миру один из главных современных идеологов Запада Збигнев Бжезинский, а архитектор китайского экономического чуда Дэн Сяопин пожизненно был председателем «всекитайской ассоциации любителей карточной игры в бридж» (кстати, игральные карты изобрели китайцы).

«Кто не с нами, тот против нас», четкое противопоставление: друг / враг, — вот политическая схема в стандарте Книги Книг. И президент-христианин Буш грозит миру: «Кто не с нами, тот с террористами». Нечет в политике — это «мы сами, наши союзники и наши враги». Другей здесь нет. Эта формула соответствует стандарту китайской классической Книги Перемен. В этом же суть «Теории Председателя Мао Цзэдуна о делении мира на три части».

В последние десять лет на «шахматной доске» после того, как основное противоречие XX века — борьба двух



систем во главе с супердержавами СССР и США — было снято в пользу США, торг глобальных сил измельчал в миротворстве локальных столкновений. Капитал в США ожирел, расслабился, потерял темп и чувство опасности, забыл о Завете. Даже в палестино-израильском конфликте, вместо ставки на безусловную победу евреев с восстановлением символа величия иудеев — Храма Соломона, «Большой американский брат» встал на позицию примирения с арабами. Почти смиренно проглотил объявление в августе 2001 года сионизма формой расизма на конференции ООН в Дурбане (ЮАР). Два последних года безучастно взирал на обратный исход евреев с земли обетованной подальше от интифады. Здесь в заблуждении от кажимости однополярного мира глобализм по-американски оторвался и от традиции воли ортодоксального еврейского корня, и от протестантской этики. А оторвавшейся от корней, поход возомнившего о себе глобализма против традиции обречен на провал. Рациональный глобализм — чет. Монотеистическая традиция Божьего Мира — нечет. А чет + нечет всегда = нечет, — выигрывает Традиция.

А кто такие глобалисты? По делам их можно назвать рациональными неоязычниками экономики. Причем такой экономики, где «бездымное» производство информационных технологий и мульти-медийных записей для образования и развлечений сосредоточено в богатых странах и географически разнесено с добычей сырья, производством товаров потребления и загрязнением среды в бедных странах.

Конфуций, 2551 годовщину со дня рождения которого китайцы отметили 28 сентября 2001 года, учит, что исторические примеры ценнее доводов мудрецов. На «великой шахматной доске» теперешнее приобретенное Америкой «новое качество мира» неверным ходом будет сразу потеряно. Так же, как проиграла свою предыдущую партию Россия, играя за черных роль главной фигуры. А ведь тогда в глазах противников она была и «сверхдержавой», и «империей зла».

«Пролетариям нечего терять кроме своих цепей, приобретут же они весь мир!», — написано в Манифесте коммунистической партии Маркса и Энгельса (1848 г.). «отец народов» И.В. Сталин назвал коммунистический манифест именем, взятым из Завета: «Песнь Песней марксизма»! А в «Письме американским рабочим» вождь пролетариев всех стран В.И. Ленин писал: «Тот не коммунист, кто не признает величайших жертв со стороны своего отечества, включая гибель сотен тысяч и даже миллионов людей ради победы мировой революции»! Ныне же такое письмо отправить некому. В Америке не осталось промышленных рабочих, так как производство собственно товаров переместилось из США в страны традиции: Индонезию, Малайзию, Филиппины, Индию, Латинскую Америку. То есть борьба за фетиш мирового господства теперь от коммунистов перешла к идеологам и последователям экономической глобализации.

11 сентября 2001 года ударами по символам веры глобалистов в «новый мировой порядок на века» — Пентагону и Всемирному торговому центру — началась новая партия. Доска перевернута, теперь за черных, главной фигурой, играют США. По теории же: «белые начинают и выигрывают», за ними инициатива, они задают темп. А у черных, если это гроссмейстер, в лучшем случае, — ничья. Первый ход в новой партии сделан ортодоксальной традицией, она играет за белых. Глобализация же в лице республиканской администрации США ударами по Афганистану делает первый ответный ход. А нынешняя Россия — легкая фигура в лагере глобализации, которой в дальнейшей игре можно или пожертвовать или обменять на качество. Не исключено, что нынешняя партия разыгрывается с ускорением — блиц. В новой партии Россия все равно фигура. У нее там есть своя роль, предусмотренная Заветом. Ибо в Книге Книг сказано про Сима, Хама и Иафета, сыновей прародителя Ноя. Их потомки говорят на семито-хамитских языках (иврит, арабский) и яфетических, индоевропейских (немецкий, испанский, русский). А вот про китайцев в Библии ничего не сказано. То есть китайцам изначально не предусмотрена роль в игре по

стандарту Завета. И в разыгрываемой сейчас партии Китая на доске нет. Китай — зритель, получающий удовольствие от разворачивающейся борьбы, он безучастный третий, наблюдающий за схваткой двух.

А за «карточным столом истории» в китайском стандарте связок трех сил, параллельно с «шахматной доской» идет другая игра, где играют все, и ставки в этой игре выше. Правила здесь такие: одна пассивная позиция на мизере переигрывает две активные и переворачивает всю связку сил в свою пользу, или наоборот, одна активная пересиливает две пассивные. И если в шахматы Россия свою партию проиграла, то за карточным столом она еще может оказаться в выигрыше за счет партнеров. Основную игру сейчас играют Запад (бубны) и Китай (черви). На своем месте за столом Третий мир (пики). Четвертый партнер — Россия (крести) подыгрывает, часто пропуская свой ход в пасе. Здесь же, с Россией, безусловно как карта в масти, в силу индоевропейских особенностей языка фарси и уникальности древней персидской культуры «льва и солнца», находится Иран. Исламский же, вахабитский радикализм в этой игре — джокер. Пока козырь не объявлен, джокер не имеет ни масти, ни величины, но как только объявляется козырь — джокер добавляет силу либо масти (качеству) либо величине карты и тогда бьет всех. В связке с основной играющей картой он непобедим!

Что же нужно России, чтобы остаться в выигрыше. Для начала, чтобы разыграть кон, нужно, чтобы активно сыграли хотя бы два игрока. Запад активен, у него на руках сильные карты могучей экономики и мощных вооруженных сил, он — безусловно в игре. В предыдущей игре Китай чаще пасовал на СССР, передавал ему свой ход и вынуждал последнего каждый раз биться с Западом. При подсчете результата самый крупный выигрыш достался Западу. СССР проиграл вчистую и от расстройства умер, деньги, бывшие на кону, не выплатил и оставил долг сменявшей его за столом России. Китай же остался в выигрыше в основном за счет проигравшего соседа. Теперь, играя последней со слабыми картами и долгами, России

не потянуть на «первый приз», но остаться в выигрыше она сможет, если совсем без козырей будет уклоняться от игры, передавать свой ход Китаю, вынуждая его всегда активно играть против Запада. В выигрыше она будет и тогда, когда Китай воздержится от игры, но против Запада будет активно играть Третий мир. Гипотетически Россия и при тех картах, что есть, блефуя, может вообще сорвать банк, если все остальные игроки займут пассивную позицию (например, если поставки нефти с Ближнего Востока из-за войны от Нила до Евфрата будут парализованы, разразится всемирный топливный кризис и Запад с Китаем окажутся «на подсосе» поставок энергоносителей из холодной России).

А какие теперь на руках у России карты, как их разложить, в каком порядке бросать на кон и как России при плохом раскладе самой не играть и передавать ходы Китаю? Плохо налаженное производство, дрянная инфраструктура, низкая дисциплина труда, труднодоступность естественных ресурсов — это все минус. Богатые запасы сырья, приличная система образования и исследовательской науки — это положительный потенциал, который и можно разыграть с выигрышем.

Значит, у себя надо раскрывать положительный потенциал, то есть: в порядке глобализации затягивать на свою территорию передовые западные технологии добычи и первичной переработки сырья; телефонные сети повсеместно заменить на Интернет и добиться тотальной компьютерной грамотности населения; двигать высокие технологии и военные разработки и продавать последние Китаю. И пусть тогда сильный Китай борется с Западом и забирает основной выигрыш. А когда в новом «Первом мире» Запад проиграет Китаю, то за счет полученных в прикупе (в порядке экономической глобализации) западных технологий и технической помощи на модернизацию добычи и первого передела сырья, Россия и «Третий мир» останутся в выигрыше. Иными словами, неевреям и некитайцам нужно все-таки равняться на первоначала и не поддаваться фальсификации сознания от лукавого. Ибо иначе получится «как всегда»: не выиграл, а проиграл и не в карты, а в домино.

## ПРАВИЛА ИГРЫ ЗА КАРТОЧНЫМ СТОЛОМ ИСТОРИИ

Рас и групп крови у людей на планете четыре, и по парадигме грамматики все языки народов мира распределяются по четырем типам.

Если типы языков соотнести с элементами китайской картины мира в «поднебесной» (зеркальной к земной) ориентации и обозначить через четыре масти, то получится наглядный «карточный стол истории», где складываются связки трех сил. При этом трефы и бубны (чет) будут символизировать Запад, а пики и черви (нечет) — Восток.

Деление на два соответствует стандарту борьбы противоположностей: «великой шахматной доске», где белые (Запад) начинают и выигрывают (одолевают Восток).

По-китайски «высочайшая древность» человеческой истории — на Севере (в сторону Монголии). И праязык выражал монотеистическую (нечет) традицию, обладая, как у монголов, агглютинативной структурой. Флективные языки развились из агглютинативной основы, а новоаналитические появились из флективных.

Изолирующие языки стоят особняком, а китайский язык, как классический изолирующий, венчает иерархию в центре, добавляя третье (гармонию) в противоположность мастей.

В связках трех сил действует Канон перемен:  $0+0+1=1$  или  $1+1+0=0$ .

### *В китайском кольце преодолений:*

Запад одолевает Восток (металл — белый одолевает дерево — синий);

Восток одолевает Центр (дерево — синий одолевает почву — желтый);

Центр одолевает Север (почва — желтый одолевает воду — черный);

Север одолевает Юг (вода — черный одолевает огонь — красный);

Юг одолевает Запад (огонь — красный одолевает металл — белый).

Запад (чет) ♦0

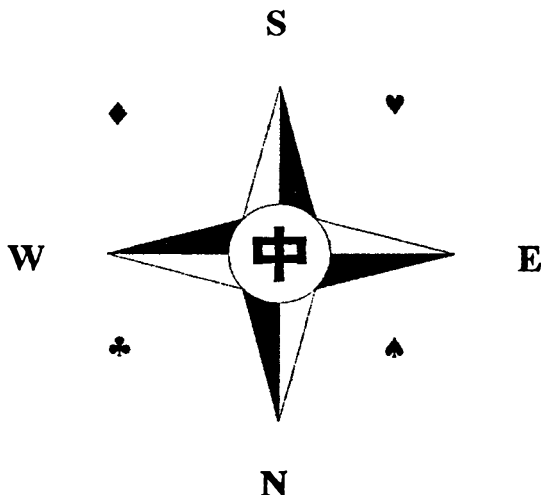
*Аналитические языки:*

- англо-американский;
- французский;
- китайский.

Восток (нечет) ♥1

*Изолирующие языки:*

- вьетнамский, тайский;
- бирманский, тибетский;



Запад (чет) ♣0

*Флективные языки*

- семито-хамитские:  
иврит, арабский, эфиопский.

- индо-европейские:  
индийские и иранские;  
армянский;  
немецкий, испанский;  
русский и все славянские;

Восток (нечет) ♠1

*Агглютинативные языки:*

- монгольский, японский,  
корейский,
- тюркские: турецкий,  
татарский;
- угро-финские;
- все австралийские;
- грузинский.

*Полисинтетические языки:*

- чукчи, эскимосы, коряки;  
балтийские.
- индейцы Сев.Америки.

*Основной маневр экономики отхода —  
планирование глобализации капитала  
в категориях времени*

Патриотическая оппозиция либерально-демократическому курсу реформ, одним из корней упирающаяся в идею отмщения Олега хазарам и русскую былинку «Бой Ильи Муромца с жидовином», склонна к обороне по принципу «ни шагу назад», «велика Россия, а отступать некуда!» Однако в борьбе с глобализацией за недопущение продажи земли, расчленения естественных монополий, рыночного реформирования жилищно-коммунального хозяйства и прочая и прочая их участь будет той же, что и у 28 героев-панфиловцев, зимой 1941 павших под Москвой смертью храбрых в бою пехоты против грозной брони. Однако есть ведь в русской истории и другой пример патриотизма в борьбе с превосходящим противником. В Большом театре идет опера Глинки «Жизнь за царя», а в Костроме стоит памятник Ивану Сусанину, заманившему поляков в болотную глухомань дремучего леса на погибель от голода и холода.

Дело, стало быть, не в том, что отход — это всегда пособничество злу, заведомо неприемлемое, а в том, что при знании «театра военных действий» заведомо лучше, чем его знает противник, допустим и отход как хитрый замысел победы над сильным врагом с тем же оружием.

Запад навязывает миру американскую формулу успеха: «время — деньги». Так и воевать с глобализацией по-американски на отходе нужно тем же оружием. А именно: их деньги на территории России следует измерять не через курс к рублю, а в величинах экономики, подходящих под категорию времени. Такими величинами будут:

— «Пятилетние планы» затягивания технологий и международной технической помощи в порядке глобализации, делящие жизнь нынешнего поколения народов России на равные отрезки и устанавливающие ритм экономической жизни.

— Правовая неизменность рыночного курса в ровном темпе пятилетних планов, ибо менять бесконечными реформами экономические правила игры на ходу — значит разрушать стабильность, как вторую величину измерения денег.

— Клиринг, как способ измерения долгосрочного и планового обмена стоимостей сырья на техногенный продукт в условных единицах исчисления (например, в экзотических гонконгских долларах) в обход химеры так называемой мировой цены и валютного курса рубля к американскому доллару или евро.

— Оформление продажи земли не «навечно», но на срок 50, 70, 99 лет или в концессию.

— Отказ от дешевого лизинга подержанной техники и разрешение на ввоз по глобализации только свежего технологического ресурса в виде самого нового, дорогого и современного оборудования. Жесткие условия по налогам и льготам для стимулирования технологического обновления оборудования производств раз в пять лет.

— Государственная договорная основа торгово-экономического сотрудничества с Китаем со сроком сделок 20 лет и назначением уполномоченных экспортеров как по вооружениям и интеллектуальным продуктам, так и по всей номенклатуре российских сырьевых товаров.

Если же к сказанному добавить еще и обобщенный ответ корифеев русской патриотической мысли на вопрос «Что делать?», то вывод напрашивается такой:

Во-первых, для спасения России от лукавого нужно не создавать, а преодолевать все и всяческие расколы, преодолевать не через борьбу, не через уничтожение противников (со сносом Мавзолея Ленина, как демонстрацией окончательной победы над и так уже давно перестроившейся старой номенклатурой КПСС), а через гармонию неравновеликих частей общества какое оно есть теперь. Через гармонию активных патриотов-державников и активных советских ветеранов с активными «новыми русскими», стремящимися в кризисе хотя бы сохранить доставшийся им правдами и неправдами капитал. Через гармонию по-



тому, что от борьбы активных за радости демократии, за большие и малые деньги пассивный ко всему народ уже и так натерпелся, мучиться дальше не хочет и опять готов отдать свои надежды любой новой нечистой силе, которая лишь позовет его в лучшую жизнь. При этом с продолжением борьбы опять запросто будет побеждать зло.

Во-вторых, нужно наращивать внутреннее потребление с тем, чтобы натуральные стоимости, возникшие в России, в России же и оставались, наращивая свое богатство и обеспечивая расширенное воспроизводство не в глобальном масштабе, а на «своем огороде».

В-третьих, нужно, елико возможно, избавляться от бумажно-электронного вороха долларов США внутри России, заменяя доллары в расчетах на собственные фантики под гордым названием «Российский рубль», а затягивать в Россию не доллары — виртуальные пустышки кредитов, на современные иностранные машины, оборудование, технологии в их натуральном виде.

Как это сделать? Наращивание внутреннего потребления можно начать с расхода нефтепродуктов на боевую подготовку армии, на строительство дорог, портов и других объектов инфраструктуры под правительственные рублевые кредиты, вперед оплачивающие только то, что можно произвести внутри России без импорта.

Избавиться же от вороха долларов можно так: платежи в погашение иностранного долга, производимые ныне в электронном виде (как перечисление доставшейся государству части валютной выручки, полученной в основном от экспорта сырья частными компаниями), нужно перевести на выплату в бумажном виде. Для этого правительство должно скупать за бумажные рубли у населения накопленные бумажные доллары и возвращать государственные долги в США не перечислением по телексным каналам связи каких-то виртуальных сумм — эквивалентов выручки от вывоза сырья, а натурально: чемоданами банкнот, грузовыми автомобилями, транспортными самолетами, может быть, даже пароходами с бумажками долларов США. Таким образом, через замену чужих бумажек,

в карманах людей на отечественные бумажки, внешний валютный долг будет переведен во внутренние рублевые накопления граждан и организаций. При этом долги будут возвращены фактически через эквиваленты не капитала, а труда граждан.

И еще. Поскольку транснациональные корпорации заходят на российское экономическое пространство под видом аффилированных с ними «оффшоров» с физическим лицом граждан России, то опасаться за передачу за деньги властями в руки этих соотечественников российской земли, недвижимости и ресурсов не стоит. Служат эти «оффшоры» интересам ТНК примерно так, как морские пираты служили интересам Британии в пору ее устремлений к статусу «владычицы морей». По части же земли и недвижимости правопреемственность не признается самой мировой закулисой. И это значит, что ни закладывать, ни сдавать в аренду, ни продавать на свободном мировом рынке эти стоимости не удастся. Охотников завозить капитал невесть куда без доверия, без обеспечения, со 100% риском потерять все, среди рациональных людей Запада нет.

То есть «оффшоры», если и заведут в Россию капитал под землю и другую недвижимость, как раз тот, который ранее по схемам либерализации экономики был вывезен из России. Вновь заведут с целью обрести стабильность там, где они хозяева по рождению.

### *Результат отхода — перехват Россией исторической инициативы*

Гносеологическая ошибка западного сценария нового мирового порядка состоит в том, что прогресс в стандарте рационального мышления воспринимается как восходящая прямая, экстраполяция которой уходит в бесконечную высь развития. В китайском же цикле перемен вечность — это круг. Развертка цикла на плоскость — это синусоида, где от полукруга с точкой падения дейст-

вительно есть прямой восходящий отрезок, но там, где "прогрессистам" видится его продолжение прямой вверх, на самом деле начинается новый полукруг и от точки подъема еще в фазе триумфа начинается нисходящий участок.

Россия максимум падения прошла в 1998 году и, так или иначе, сведя трагедию к фарсу, к 2020 году выберется из фазы унижения, в то время как США прошли максимум подъема в 1991 году и к 2020 году, хотя и в фазе триумфа, съедут вниз до баланса в раскладе сил.

Православие не враг исламу, и в этом залог возможности перехватить историческую инициативу у Запада. Вместе с мусульманским миром создать баланс "золотому миллиарду", играя роль по китайскому сценарию. Православие в своей традиции говорит: «бойся не Орды, бойся Литвы». Раньше и теперь «Орда» — это Восток: мир ислама и Китай, а «Литва» — это нынешний Запад. То есть отходить надо на Восток.

К 2020 году, когда Срединный Китай достигнет пика благополучия, по китайскому Канону Перемен, Восток (Россия плюс исламский мир) и Запад («золотой миллиард») подойдут к ситуации определенного баланса, только разнонаправленного: у нас — вверх, а у них — вниз. Вот тогда сбереженный ресурсный потенциал России и станет основанием для признания за ней возрожденного величия. Величия на собственном пути исторической преемственности. А это аристократия в конструкции власти и «русский социализм» в экономике (национальный капитализм/социализм).

В части «русского» — это, видимо, должна быть частная, инициативная предпринимательская деятельность активных «хозяев» по сохранению и увеличению отечественного производственного капитала, защищенного государством на своей территории экономическими границами своего внутреннего российского рынка.

В части «социализма» — это должна быть регулируемая государством и совестью граждан распределительная и благотворительная деятельность власти и активных

«хозяев», направленная на справедливое удовлетворение потребностей народа, не превышая рамки расширенного возмещения капитала.

И тогда пассивное большинство всего народа получит выгоду за счет активных собственников (богатых) и активных специалистов (умных), волей нацеленных на сбережение и приумножение своего, а значит и национального величия.

Для того же, чтобы осуществить изложенную стратегию, главнокомандующим экономикой отхода нужно назначить нового хитрована Кутузова. А народу без дураков объяснить, что будет и «Москва, спаленная пожаром разорения от краха наличного доллара, глобалистам отда-на», и жизнь в унижении. Но муки будут не напрасны. Следующее поколение народов России будет жить в условиях справедливости, скромного достатка для всех и гордости за подвиг во имя славы. Через 10 лет, как сказал президент Путин, «мы будем счастливы». А русское счастье не в богатстве, не во власти над миром, а в гармонии с собой на основе славы.

И глубоко символично, что нынешний государственный праздник «День России» приходится на 12 июня. Именно в этот день началось вторжение Наполеона в Россию, началась Отечественная война 1812 года, выиграть которую Россия смогла лишь благодаря последовательной стратегии отхода. Признать реальный расклад сил в нынешнем мире не трудно, но обидно, а обида мешает правильному выбору стратегии.

Таково нетривиальное, отличное от глобалистских стандартов мышления цивилизационное видение мира. Правильно же поставленный диагноз — это залог успеха политических сил в переустройстве мирового порядка с возрождением России на началах исторической преемственности.

И если на «Великой шахматной доске» в западном стандарте дуального рационализма и глобализации Россия последнюю партию проиграла, то в другой партии, в тринитарном стандарте китайской традиции, за «карточным столом истории» Россия будет в выигрыше.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дао: гармония мира. — Москва: ЗАО Издательство ЭКСМО-Пресс, 1999 — 864 с. ISSN 5-04-003876-3
2. Кобзев А.И., Юркевич А.Г. Ци. \ \ Китайская философия. Энциклопедический словарь. — М., Мысль, 1994, с.431.
3. Ай Сы-ци. Лекции по диалектическому материализму. Москва, 1959.
4. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. — М.: Центр "СЭИ", 1991. — 287 с.
5. о. Дамаскин (Христиансен). Христос, Вечное Дао. — Москва: Журн. "Китайский благовестник" 2/1999; о.Серафим (Роуз). Душа Китая. "Китайский благовестник" 1/2000. ISBN 5-900249-32-8
6. Газета "Женьминь жибао", Пекин, 1 ноября 1977 года.
7. Крушинский А.А. Логика "И Цзина": Дедукция в древнем Китае. — М.: Издательская фирма "Восточная литература", РАН, 1999. — 176 с. ISBN 5-02-017783-0
8. Традиционный китайский календарь и прорицательные системы. Киев: Издательство "София", 1999. — 400 с. ISSN 5-220-00283-X
9. Дугин Александр. Основы геополитики. — Москва, "АРКТОГЕЯ-центр", 1999 — 928 с. ISSN 5-8186-0001-7
10. Гегель Г.-В.-Ф. Наука логики. — Соч., М.: изд-во АН СССР, 1956.
11. Гегель Г.-В.-Ф. Эстетика, в 4-х тт. — М.: Искусство, 1968-1973.
12. Книги Священного Писания. — Москва: Российское библейское общество, 2000.
13. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. — М.: Мысль, 1995. ISSN 5-244-00776-X

14. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Реконструкция всеобщей истории. Новая хронология. — М: ФИД "Деловой экспресс", 1999, — 736 с. ISBN 5-89644-021-9
15. Хлебников В.В. Закон поколений. "Творения".— М.: Советский писатель, 1987, 736 с.
16. Лимонов Эдуард. Исчезновение варваров. — Москва: журн. "Глагол", 1992. — 270 с. ISSN 5-87532-002-8
17. Достоевский Ф.М. Война это лекарство. — С-Петербург: газета "Голос", 20-30 апреля 1876. "Дневник писателя", янв.1877.
18. Рябушинский Вл. Старообрядчество и русское религиозное чувство. — М.: изд-во "Мосты", 1994.
19. Паршев А.П. Почему Россия не Америка. — Москва: Крымский мост-9д, Форум. 2000. — 411 с. ISSN 5-89747-017-0
20. Устрялов Н.В. "Адмирал Колчак". Шанхай, 1932.
21. Великие мыслители Востока / Пер. с англ. — Москва: КРОН-ПРЕСС, 1999. — 656 с. — Серия "Академия". ISSN 5-232-01079-4
22. История Китая: Учебник / Под. Ред. А.В. Меликсетова. — М.: изд-во МГУ, 1998. — 736 с. ISSN 5-211-03751-0
23. Лю Сумэй, Румянцев Е.Н. Китай, каким я его знаю. — М.: "ЮПАПС", 1999.- 144с. ISSN 5-89467-005-5
24. Льюис Ричард Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию: Пер. с англ. — М.: Дело, 1999. — 440 с. ISSN 5-7749-0103-3
25. Мартынов А.С. Государственное и этическое в императорском Китае. — в кн. "Этика и ритуал в традиционном Китае". — М.: Наука, 1988.
26. Правительственное информационное бюро Китайской Республики <http://www.gio.gov.tw>
27. Чэнь Чжэньдун. Изменение в численности населения и в климате Китая. Журн. "Гуанхуа", 2/1998 (кит.яз).
28. Сюй Гуанюй. Стремиться к оптимальной трансферной стратегической границе. Газета "Цзефанцзюнь бао", 03.04.87 (кит.яз).
29. Крах доллара/ Составитель А.А.Нагорный. — Москва: Издатель Н.Е.Чернышова, 2000. — 168 с. ISSN 5-901303-02-4
30. Конрад Н.И. Запад и Восток. М.: Наука, 1972.— 496 с.
31. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство.— М.: Искусство, 1976. — 367 с.

32. Руа Клод. Ключи к Китаю.— М.: Изд-во иностранной литературы. 1955.-424с.
33. Алексеев В.М. В старом Китае.— М.: Изд-во восточной литературы, 1958. — 312 с.
34. Петров М.К. Язык, знак, культура.— М.: Наука, 1991, 328 с.
35. Васильев Л.С. Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае. — Китай: традиции и современность.— М., 1976.
36. Нидем Джозеф. Темпл Роберт К. Научный гений древнего Китая. История открытий и изобретений. Журн. "Курьер ЮНЕСКО". Москва, 11/1988. ISSN 0304-3150
37. Фрид Г. Скрипка Эйнштейна. Журн. "Знание — сила". 3/1982.
38. Вейник В.И. Почему я верю в Бога. Исследование проявлений духовного мира. — Минск: изд-во Белорусского Экзархата, 1998. — 320с. ISBN 985-6503-05-1.
39. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М.Прохоров.— М.: Сов. Энциклопедия, 1986.— 1600 с.
40. Энциклопедический словарь "Цыхай". Шанхай: Шанхай цышу чубаньше, 1980. — 300 000 иероглифов, 2216 с. (кит. яз.).
41. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов. — М.: Рус.яз., 1984. —797 с.
42. Китайско-русский словарь / Под ред. И.М.Ошанина. Более 70 000 слов. — М.: изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. — 898 с.
43. "Канси цзыдянь". Шанхай, 1948.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ .....	5
Глава 1. КАК ПОЯВИЛАСЬ ЭТА КНИГА	
Необходимые пояснения .....	7
И еще немного предыстории .....	11
Глава 2. СТРАНА ИНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ	
Точка отсчета .....	28
Иная картина мира .....	31
Иное время .....	35
Иной взгляд, иные стихии .....	39
Иная письменность .....	44
Иное исчисление .....	47
Иная логика .....	52
Глава 3. АЛЕЕТ ВОСТОК	
Преодоление хаоса .....	58
Третья сила .....	66
Дао Китая на волнах истории .....	79
Зов сердца и голос крови .....	94
Золото дракона .....	111
Бизнес по-китайски .....	123
Предварительные выводы .....	138
Глава 4. КИТАЙСКАЯ СПЕЦИФИКА	
Человеческий фактор .....	141
Шаг за шагом .....	148
Новые возможности .....	156
Финансовая модель .....	163
Феномен Тяньаньмэни .....	169
Гонконг и Сингапур .....	176
"Желтая опасность" .....	181
Глава 5. УРОКИ ДЛЯ РОССИИ	
Вопрос о социализме .....	185
Взгляд из Тибета .....	186
Западная демократия .....	196
Русская аристократия .....	202
Китайская бюрократия .....	216
Искусство побеждать .....	226
Доктрина перемен .....	238
Стратегия отхода .....	253
Список литературы .....	281



# **Издательство «Алгоритм»**

ЧИТАЙТЕ КНИГИ В СЕРИИ

**«История России. Современный взгляд»**

**Сергей Кара-Мурза**

**Манипуляция сознанием.  
Советская цивилизация (в двух книгах).  
Евреи, диссиденты и еврокоммунизм.  
Истмат и проблема Восток — Запад.  
Евроцентризм — эдипов комплекс интеллигенции.  
Идеология и мать ее наука.  
Столыпин — отец русской революции.  
Антисоветский проект**

---

**Александр Панарин**

**Глобальное политическое прогнозирование.  
Искушение глобализмом.  
Православная цивилизация.**

---

**Анатолий Уткин**

**Первая мировая война.  
Вторая мировая война.  
Вызов Запада и ответ России.**

---

**Адреса магазинов издательства «Алгоритм» в Москве:**

м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д.29.  
м. «Бабушкинская», ул. Летчика Бабушкина, д.31.  
Новокосино: ул. Новокосинская, д.8, корп.2.  
Бутово: ул. Южнобутовская, д.117.  
Братеево: ул. Борисовские пруды, д.14, к.4.  
Сабурово: ул. Каширское шоссе, д.57, к.2.

# Издательство «Алгоритм»

Читайте книги:

## Вадим Кожин

**«История Руси и русского Слова».** Этой книгой открывается цикл работ автора, посвященных истории России. На основе новейших источников, с присущей автору неординарностью подхода ко многим, казалось бы, известным фактам, в ней прослеживается исторический путь нашего отечества от конца VIII до начала XVI веков.

**«Россия. Век XX-й (1901-1939)».** Трудность отображения истории XX века обусловлена близостью эпохи, от которой мы еще значительно не отделились. Сам автор назвал свое исследование, только *опытом* к пониманию нашей истории. Однако этот *опыт* по объективности и беспристрастности освещения событий оказался столь удачным, что по праву поставил имя Вадима Кожина в ряд с Н.М.Карамзиным, С.М.Соловьевым, В.О.Ключевским.

**«Россия. Век XX-й (1939-1964)».** Данная книга – продолжение предыдущей, но имеющая самостоятельное значение, посвящена исследованию середины недавно минувшего века. Рассматриваемый период разделяется на время войны, послевоенное восьмилетие (до смерти Сталина) и годы хрущевского правления.

**«Победы и беды России».** Предмет книги – взаимосвязь отечественной истории и культуры, прежде всего литературы – великой русской поэзии и прозы.

Этой работой автора подтверждается, что Россия является духовным центром мировой цивилизации.

**«Как пишут стихи».** Книга обращена ко всем, кто любит или же хочет полюбить поэзию. Это не теоретическое исследование, не руководство и не учебник, а просто разговор о стихе, о напряженнейшей работе поэта, которую многие понимают чересчур упрощенно.

**«Пророк в своем Отечестве (Ф.И.Тютчев)».** Великий русский поэт Федор Иванович Тютчев был и незаурядным дипломатом. Его литературное творчество неразрывно связано с политической деятельностью. История России в творчестве Ф.И.Тютчева – одна из главных тем книги, основанной на документах и свидетельствах современников.

# Издательство «Алгоритм»

ЧИТАЙТЕ КНИГИ В СЕРИИ

## «РУССКИЙ ОЛИМП»

**Эльга ЛЫНДИНА. «Олег Меньшиков».** Один из самых популярных современных актеров Олег Меньшиков особенно запомнился зрителям в фильмах «Покровские ворота», «Моонзунд», «Утомленные солнцем», «Сибирский цирюльник». В последние годы он проявил себя и как театральный режиссер.

В своей книге известный кинокритик Эльга Лындина раскрывает личность Меньшикова — актера и человека.

**Андрей ТАРКОВСКИЙ.** Фильмы выдающегося кинорежиссера Андрея Арсеньевича Тарковского (1932—1986) — «Иваново детство», «Андрей Рублев», «Солярис», «Зеркало», «Сталкер», «Ностальгия», «Жертвоприношение» вошли в золотой фонд киноискусства. О творчестве и судьбе художника в сборнике размышляют видные деятели культуры. Книга выпущена к 70-летию режиссера.

**Юрий СААКОВ. Любовь Орлова.** Сто былей и сто небылиц. Первая отечественная кинозвезда Любовь Орлова стала не только кумиром поколений, но и символом своей эпохи. Она умела на экране все — петь песни и отбивать чечетку, стоять за ткацким станком и импровизировать на рояле, ездить на велосипеде и вращаться под куполом цирка. В кино она больше играла простых тружениц, ее Марион Диксон из «Цирка» предпochла СССР, а ученая Никитина в «Весне» была светилом советской науки. В жизни актриса тщательно скрывала свое дворянское происхождение и даже то, что была в родстве с самим Львом Толстым. Новая книга о блистательной актрисе приоткрывает завесу над многими тайнами ее биографии.

В 2002 году издательство «Алгоритм» готовит к выпуску книги в серии «Русский Олимп»:

**Евгений ГРОМОВ.** Николай Губенко. Режиссер и актер  
**Валентин НОВИКОВ.** Илья Глазунов  
**Эльга ЛЫНДИНА.** Ольга Дроздова

**Адреса магазинов издательства «Алгоритм» в Москве:**

м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д.29.  
м. «Бабушкинская», ул. Летчика Бабушкина, д.31.  
Новокосино: ул. Новокосинская, д.8, корп.2.  
Бутово: ул. Южнобутовская, д.117.  
Братеево: ул. Борисовские пруды, д.14, к.4.  
Сабурово: ул. Каширское шоссе, д.57, к.2.

*Андрей Девятков*

**КРАСНЫЙ ДРАКОН**  
Китай и Россия в XXI веке

Редактор П. С. Ульяшов  
Художник В. П. Четчин  
Набор и верстка А. А. Кувшинников  
Выпускающий редактор С. В. Маршков

ООО «Алгоритм — Книга»  
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел. 151-55-63  
Оптовая торговля: «Столица-Сервис» - 916-1882, 917-8832,  
E-mail: stolitsa\_servis@hotmail.com

Сдано в набор 18.06.02. Подписано в печать 17.07.02.  
Формат 84 × 108 1/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура HelvDL.  
Печ. л. 9. Тираж 3000 экз. Заказ 2065.

Отпечатано в полном соответствии  
с качеством предоставленных диапозитивов  
в ФГУП ордена «Знак Почета» Смоленской областной типографии  
им. В. И. Смирнова. 214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

ISBN 5-9205-0062-1



# **КИТАЙ И РОССИЯ В ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМ ВЕКЕ**

Андрей Девятков  
**КРАСНЫЙ ДРАКОН**



**В своей книге  
кадровый разведчик ГРУ,  
проработавший в Китае  
тридцать лет,  
рассказывает о нашем  
восточном соседе, который  
все отчетливее занимает  
лидирующее положение  
в мире.**



**КИТАЙ И РОССИЯ**

